

ІНСТИТУТ МІЖНАРОДНИХ ВІДНОСИН
НАЦІОНАЛЬНОГО АВІАЦІЙНОГО УНІВЕРСИТЕТУ

МІЖНАРОДНА КРИМІНОЛОГІЯ:

СТАН І ПЕРСПЕКТИВИ

Одеса
Фенікс
2010

ББК 67.51я43
УДК 343.9(082)
М 58

Редакційна колегія журналу «Юридичний вісник»:

М.П. Орзіх (гол. редактор), В.Б. Авер'янов, Ю.П. Алєнін, В.С. Балух, С.В. Ківалов,
О.В. Луначенко, В.К. Мамутов, Ю.М. Оборотов, Б.А. Пережняк (зам. гол. редактора),
П.М. Рабінович, В.А. Серафімов, Є.О. Харитонов.

Міжнародна кримінологія: стан і перспективи / Збірник матеріалів круглого столу. – Одеса : Фенікс, 2010. – Б-ка журналу «Юридичний вісник». – 324 с.

ISBN 978-966-438-.....

У збірнику вміщено матеріали Круглого столу «Міжнародна кримінологія: стан і перспективи», який відбувся на кафедрі міжнародного права Інституту міжнародних відносин Національного авіаційного університету 26 лютого 2010 р. У ньому вперше у вітчизняній юридичній літературі йдеться про актуальність виокремлення нового напрямку науки кримінології – міжнародної кримінології.

Постановою Президії ВАК України від 9 червня 1999 р. журнал включено до переліку наукових видань, в яких можуть публікуватись основні результати дисертаційних робіт.

ПЕРЕДМОВА

Зростання загроз міжнародному миру і безпеці, а також ролі і питомої ваги міжнародної злочинності у політичній, економічній і соціальній сфері міжнародного життя висуває все більше питань до ефективності міжнародного права, а отже, і до його кримінологічної забезпеченості. Наприклад, є очевидним, що однією з причин ескалації тероризму, як злочину за міжнародним правом попри вживані заходи протидії, з точки зору науки права, її кримінально-правового циклу, є нехтування кримінологією, яка, зважаючи на специфіку і масштабність загрози, була б здатна адаптуватися до проблем у сфері терористичної злочинності.

Лише на підставі задіяння цільового кримінологічного механізму можна сподіватися на очікуваний результат у вигляді рекомендацій для міжнародного права і правозастосовчих структур, відносно протидії тероризмові, що базувалися б на розробках міжнародної економіки, політології, соціології, конфліктології культурології і інших суміжних з правом наук.

З одного боку, кримінологія як традиційна наука про причинність злочинності не в змозі методологічно охопити весь комплекс детермінантів тероризму як злочину за міжнародним правом, безпрецедентного за своєю складністю і багатоаспектністю. Звідси істотне прагнення кримінології втиснути тероризм у «прокрустове ложе» транснаціональної злочинності (як її різновид) і оцінювати його за відповідними критеріями і методами. Це веде до перекручення суті тероризму, його місця і ролі у міжнародному соціальному житті і, головне, дезорієнтує відносно форм, методів і спрямованості боротьби з цим міжнародним злочинном. Внаслідок такого підходу міжнародно-правові антитерористичні заходи і норми продовжують розвиватися хибним шляхом.

З іншого боку, тероризм важко підлаштовується під «стандарти» існуючої кримінології, оскільки він перетворюється у самодостатній

чинник міжнародного життя і сформував «власну» кримінологічну причинність, яка, образно кажучи, мусить діяти у протилежному ніж той, що позиціонується «традиційною» кримінологією, напрямі. Зважаючи на зазначене, логічно було б вважати, що розшифровка феномену могутності тероризму, його планетарності лежить у площині особливого специфічного напрямку кримінології, який мусить бути додатково озброєний відповідним міжнародним («глобалізованим») інструментарієм і методологією.

Йдеться про актуальність відгалуження або виокремлення як напрямку науки кримінології у вигляді міжнародної кримінології тероризму. Питання це не просте навіть у термінологічному сенсі, оскільки належить з'ясувати наявність підстав для утворення нового терміну через додання до загально визначеного поняття «кримінологія» двох уточнюючих термінів «міжнародна» (кримінологія) і (міжнародна кримінологія) «тероризму».

Останні покликані вказати не лише на конкретизацію одну з складових предмету науки кримінологія. Сміслові навантаження цих двох додаткових термінів полягає у констатації іншого, відмінного від того, що визначено у кримінології як предмет науки, оскільки він базується на окремій відмінній системі права – права міжнародного і витікає із найважливіших і специфічних галузей цієї системи права – міжнародного кримінального права і міжнародного антитерористичного права. Термін «міжнародна кримінологія тероризму» досить переконливо вказує також і на те, що кримінологічна наука такого змісту претендує на особливі методи і не може задовольнятися традиційним інструментарієм.

Саме нестандартність тероризму як злочину за міжнародним правом, складність його сприйняття для дослідження традиційною кримінологічною наукою надає додаткові можливості науково-теоретичного обґрунтування підстав для виокремлення міжнародної кримінології. Йдеться про узагальнення і аналіз науково-теоретичного і прикладного матеріалу, який свідчить про фактичну наявність міжнародно-кримінологічних методів дослідження міжнародних злочинів, зокрема, тероризму.

Упорядкування зазначеного матеріалу, його наукознавча систематизація зі всією очевидністю вказують на перспективу створення специфічного міжнародного напрямку у кримінологічній науці. Це в свою чергу відкриває можливості для визначення на новій (міжнародного характеру) методологічній основі змісту злочинності і, передусім, тероризму з метою вдосконалення сфери міжнародного кримінального права, міжнародного антитерористичного права.

У визначенні підходів до вирішення проблеми щодо виділення міжнародної кримінології слід передусім звернути увагу на те, чи існує така проблема і чому вона виникла взагалі. Однозначність позитивної відповіді на це запитання базується на двох взаємообумовлених підставах: по-перше, незадовільний стан вивченості і оцінок міжнародної злочинності, а, по-друге, брак чітко визначеної методології, методики і інструментарію для опанування генезису, причинності і особливого змісту міжнародної злочинності. Ситуація ж, коли певна категорія злочинності визначена як міжнародна і заведена у поле компетенції окремої галузі міжнародного права (як окремої системи права) – міжнародного кримінального права, а наука (кримінологія), що вивчає походження, причинність і можливості ефективної боротьби з нею, базується на критеріях і підходах, що спродуковані внутрінаціональним кримінальним правом і для його ж дослідження передбачених, виглядає не лише нелогічною, а мабуть, суперечливою.

Так, у доктрині впевнено спростовується думка про те, що міжнародні злочини походять від кримінальних злочинів, прийшли у міжнародне право з національного кримінального права. Це вочевидь виявляється через аналіз історії виникнення більшості міжнародних злочинів (наприклад, агресії, геноциду, апартеїду та под.). Міжнародно-правовий акт по відношенню до цих діянь був первинним і лише після його прийняття відбувалося включення таких категорій діянь до розряду кримінальних за національним правом¹.

Втім, це суттєві, але все ж вторинні причини виникнення проблеми. Коріння її міститься у незадовільній вивченості міжнародної

¹ Блищенко І.П., Фисенко І.В. Международный уголовный суд. – М., 1998. – С. 24.

злочинності на тлі зростання загроз з її боку міжнародній безпеці і миру до рівня катастрофічності.

«Національний» підхід у кримінології зашкоджує дослідженню причинності і змісту планетарної небезпеки, яка виходить від таких тяжких міжнародних злочинів як тероризм і агресія. Слід виходити з того, що міжнародні злочини індивідів не мають і не можуть мати первинного внутрішньодержавного значення. Національне кримінальне право не регулює і прямо не охороняє відносини між державами і народами. А якщо міжнародні відносини не можуть бути загальним об'єктом злочину за національним правом, вони, отже, не можуть бути і об'єктом кримінального злочину, передбаченого національним кримінальним законом. Наприклад, мир, як об'єкт злочину проти миру і міжнародної безпеки, може бути предметом регулювання лише міжнародного права. Відповідальність особи, винної у вчиненні злочину проти миру, настає у порядку персональної міжнародної відповідальності.

Не досягнуто порозуміння навіть у визначенні загальноприйнятних понять таких глобально небезпечних злочинів як тероризм і агресія. Чого ж варта за таких умов та «запекла» боротьба, яка, зокрема, ведеться у міжнародному просторі з тероризмом? Як можна системно напрацьовувати міжнародно-правовий інструментарій і налагоджувати боротьбу із злочиним, сутність якого і кваліфікаційний склад не усвідомлено?

Не дивно, що від такого «впливу» з боку кримінологічної науки і тероризм, і збройна агресивність на планеті лише поширюються, відбувається їх ескалація. Зважаючи на це, знову постає питання, чи може кримінологічна наука, яка створила (або не створила?) теоретичну базу для таких результатів, точніше для їх відсутності, а подекуди сприяла зворотному ефекту, вважатися цільною і самодостатньою?

Мабуть ні. На безпорадність чинної кримінології або, щонайменше, на її неспроможність, нездатність охопити дослідницькою увагою міжнародну конфліктність вказує слабка наукова база гуманітарної сфери, що покликана створювати підґрунтя для диференці-

ації міжнародних злочинів. Наприклад, слідуючи традиційним методам і критеріям оцінки злочинності (що значною мірою виходить із внутрішнього кримінального права), кримінологія логічним чином визначає тероризм як різновид транснаціональної злочинності, яка виявляється в основному в особливо небезпечних діях. Таким чином, у тероризмі криміналізації підлягають явні суспільно небезпечні дії і система їх організації, що цілком диференціюється із кримінологічними схемами, які застосовуються у сфері транснаціональної організованої злочинності. Між тим міжнародне суспільство це зовсім інша аніж та, що базується на структурі держави, соціальна цілісність, і дослідження конфліктності в межах цієї цілісності також мусить мати іншу, відмінну від «внутрішньодержавної» методологію. Нерозуміння і неврахування цього веде до спрощення, а то й до примітивізму у кримінологічній науці, що у кінцевому підсумку, результує викривлення у кримінально-правовій характеристиці тероризму, агресії і інших серйозних міжнародно-правових порушень. Недосконала кримінологія певним чином дезорієнтує міжнародне кримінальне право, його нормативну спрямованість. Внаслідок такої недосконалості виникають додаткові міжнародні подразники, додаткова міжнародна конфліктність, оскільки за межами міжнародного кримінально-правового впливу і відповідальності залишаються не вивченими, а в деяких випадках, і не викритими, цією кримінологією, суттєві суб'єкти міжнародних злочинів. Тобто з певною часткою умовності можна ставити проблему криміногенності кримінології.

Слід при цьому зауважити, що зміна назви сама по собі нічого до змісту міжнародного напрямку у кримінологічній науці не додає. Важливою сферою діяльності міжнародної кримінології є дослідження у цілому легітимної поведінки держав та інших міжнародних акторів і здатність виявити в ній кримінальну або таку, що підлягає криміналізації за міжнародним правом сутність.

Зрозуміло, що відповідна методологія і інструментарій відрізняється від традиційних, що притаманні кримінології. Вони характеризуються у критеріях глобальних розкладів і комбінацій, і базуються на надбаннях передусім таких міжнародних гуманітарних

наук, як геоекономіка, геополітика, міжнародна соціологія, геостратегічна і воєнна науки, конфліктологія, культурологія та ін.

Якщо відволіктися від конкретних міжнародних злочинів і звернутися до стану вивчення і визначеності генезису і тенденцій міжнародної злочинності, то є очевидним, що юридична думка тут, нажаль, «тупцюється» навколо категорій понятійного характеру, які представники різних наукових шкіл у доктрині прагнуть визначати, в основному, через юридичні силогізми і майже не звертаються до серйозних міжнародно-кримінологічних досліджень. Передусім це відбувається тому, що загальнонаукові методи кримінології (формальна логіка, аналіз та синтез, індукція і дедукція, аналогія, моделювання) розроблені і апробовані під потреби злочинності, механізми виникнення і дії якої формуються в межах держав, і боротьба з ними регулюється національними кримінально-правовими системами. Вони слабо адаптовані для задач вивчення й правового регулювання боротьби з міжнародною злочинністю. Універсальні якості цих методів кримінології, їх придатність для застосування щодо процесів і середовища, де формується міжнародна злочинність, виявляються тією мірою, якою детермінанти внутрінаціональної і міжнародної злочинності співпадають або є спільними.

Отже, загальнонаукова методична база для потреб кримінології міжнародної злочинності повинна бути переглянута. При цьому традиційні методи вивчення генезису злочинності слід вдосконалювати і адаптувати до масштабів міжнародного життя і здатності охоплювати науковою дією детермінанти злочинності, які утворюються розмаїтті поширювального спектру міжнародних відносин.

В.Ф. АНТИПЕНКО

доктор юридичних наук,
завідувач кафедри міжнародного права
Інституту міжнародних відносин
Національного авіаційного університету

ВИСТУПИ УЧАСНИКІВ КРУГЛОГО СТОЛУ

В.Ф. АНТИПЕНКО:

Хочу поздравить всех с праздником и началом работы Круглого стола, который посвящён актуальным проблемам международной криминологии и новому направлению в науке международного права – международной криминологии терроризма. А теперь позвольте представить участников Круглого стола. Это д.филос.н., проф., академик-секретарь отделения философии, истории и права Президиума НАН Украины, академик НАН Украины Онищенко Алексей Семёнович; д.ю.н., проф., академик Национальной академии правовых наук Украины, заведующий отделом проблем уголовного права, криминологии и судостроительства Института государства и права им. В.М. Корецкого Национальной академии наук Украины Костенко Александр Николаевич; д.филос.н., проф., заведующий отделом методологии и социологии науки Центра исследований научно-технического потенциала и истории науки им. Г.М. Доброва НАН Украины Оноприенко Валентин Иванович; д.ю.н., проф., член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины, председатель Национальной экспертной комиссии по вопросам защиты общественной морали Костицкий Василий Васильевич; кандидат философских наук, профессор кафедры международных экономических отношений и бизнеса Института международных отношений НАУ Дячук Ирина Дмитриевна; кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Института международных отношений Национального авиационного университета Кубальский Владислав Нарцизович; кандидат юридических наук, доцент Национальной академии Службы безопасности Украины Рыжов Игорь Николаевич; доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Национальной академии Службы безопасности Украины Семенюк Александр Георгиевич; к.ю.н., доц., заведующая лабораторией «Исследования проблем международного сотрудничества в сфере борьбы с международной преступностью» Института

изучения проблем преступности Национальной академии правовых наук Украины Шостко Елена Юрьевна. Руководство Института международных отношений Национального авиационного университета представлено директором Института, кандидатом экономических наук Дёминым Олегом Алексеевичем.

В адрес Круглого стола поступили приветствия от тех, кто по разным причинам не смог к нам присоединиться. Это президент Российской Ассоциации международного права, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Российского университета дружбы народов Капустин Анатолий Яковлевич. Известный российский криминолог, д.ю.н., проф. Виктор Васильевич Лунеев (сектор уголовного права и криминологии Института государства и права РАН) также прислал в адрес нашего Круглого стола письменное приветствие. Однако он не смог принять личное участие, т.к. был занят подготовкой «Энциклопедии российской и мировой криминологии» в 2-х томах.

Я также хочу отметить, что прежде на базе Одесской национальной юридической академии мы провели своеобразную «прелюдию» к сегодняшнему Круглому столу – мероприятие, которое прошло в рамках научно-практического семинара по проблемам международной криминологии. В дискуссии приняли участие представители научной юридической общественности Южного региона Украины, особо хотелось бы отметить вклад известного украинского криминолога, заведующего кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Одесской национальной юридической академии Дрёмина Виктора Николаевича, выступившего с докладом по родственной проблеме – оценке преступности как вида социальной практики. Являясь в целом сторонником подхода к спецификации международной криминологии, Виктор Николаевич предостерег от каких-либо резких шагов в этом направлении и от необоснованного дробления криминологической науки. Также с докладом на Одесском семинаре выступил д.ю.н., проф., проректор Одесской национальной юридической академии Туляков Вячеслав Алексеевич, который идею выделения международной криминологии не разделяет,

однако вполне допускает условную конкретизацию её отдельных направлений (т.н. «микрোকриминологии»).

Известный украинский специалист в области международно-правового регулирования борьбы с международной преступностью, д.ю.н. Н.А. Зелинская считает проблему спецификации международной криминологии вполне назревшей в условиях глобализации и вполне оправданной с точки зрения исторической практики.

Директор Института национального и международного права Международного гуманитарного университета, к.ю.н. Т.Р. Короткий также указывает на актуальность проблемы и наличие веских оснований для её постановки.

Интересные выступления как в поддержку идеи выделения международной криминологии, так и с сомнениями по этому поводу прозвучали из уст ряда молодых ученых, принимавших участие в семинаре. Все они будут опубликованы в сборнике материалов Круглого стола.

Результаты этого семинара указывают на то, что мы находимся на правильном пути. В сегодняшней практике мы все более убеждаемся, что данная проблема является непростой и дискуссия по ней – актуальна. Многие признаки указывают на то, что международная криминология как отдельное направление в науке бесспорно имеет право на существование. Дискуссию эту мы будем сегодня продолжать и по мере возможности определять путь дальнейшего развития этого научного направления.

Содержание рассматриваемой проблемы определило состав участников нашего Круглого стола – здесь присутствуют криминологи, юристы-международники, и, разумеется, специалисты по науковедению. Такая триада, на наш взгляд, призвана квалифицированно определить итог нашей сегодняшней дискуссии. А моё сообщение, надеюсь, позволит увязать эти три научных направления, придать системность в подходах к оценке результатов работы круглого стола.

Итак, оценка исследований в сфере международной преступности дают основания считать, что для познания международных

преступлений и в частности терроризма криминология вынуждена выходить за пределы традиционной методологии и инструментария. Предмет ее исследования лежит в несколько иной плоскости, нежели та, к которой привязывается уголовная преступность, в том числе и транснациональная. Другими словами, вопрос ставится о такой специфической сфере криминологии, как международная криминология. Однако в качестве наиболее убедительного способа аргументировать целесообразность выделения (но не отделения) в криминологической науке международной криминологии вообще представляется пример бесспорной специфичности международной криминологии терроризма.

Именно нестандартность международного преступления терроризм, сложность его восприятия для исследования традиционной криминологической наукой предоставляет дополнительные возможности научно-теоретического обоснования международной криминологии. Речь идет об обобщении и анализе научно-теоретического и прикладного материала, свидетельствующего о фактическом наличии международно-криминологических методов исследования международных преступлений и, в частности, терроризма, в центре которых стоят международные науки – геополитика, геоэкономика, социология международных отношений, культурология, конфликтология, военная наука, история и другие области знаний.

Социальный феномен террористических методов борьбы состоит в том, что они определяют, в том числе и на глобальном уровне, необычный асимметричный тип социальных отношений. Такие методы, учитывая их коварство и жестокость, делают сопоставимыми возможности противоборствующих сторон, которые на самом деле критическим образом отличаются по своему экономическому потенциалу. Террористическая тактика (террористические акты), таким образом, вносит радикальные изменения в определенные представления в обществе о праве силы, характеристике власти, господства и другие понятия, являющиеся критериями содержания социальной жизни в мире.

Международное общество это совсем иная, нежели та, что базируется на структуре государства, социальная целостность и исследование конфликтности в пределах этой социальной «мегацелостности» также должно иметь иную, отличную от «внутригосударственной» методологию.

Проблема в том, что криминогенность здесь приобретает новые необычные для криминологии формы и «образы». Собственно криминология как бы не замечает (а, возможно, и не способна замечать) их присутствие в международной социальной жизни, не реагирует своим исследовательским вниманием на эти обстоятельства, а, следовательно, международное уголовное право не получает адекватных обоснований и рекомендаций относительно содержания международного нормотворчества и уголовно-правового контроля.

Не обрели криминологического «статуса» и соответствующих международных уголовно-правовых последствий такие криминогенно острые проблемы международной жизни как социально-экономический уровень населения; проблема экономического паразитирования квазиэкономики и особенно разрушительной для мирового хозяйства деятельности рынка финансовых спекуляций; эрозия государственной основы мироустройства; угроза сохранению самобытности (а, возможно, существованию) цивилизационных культур; угроза глобальной уголовной анархии, а особенно – регулятивности социальной жизни на террористической основе и т.п. Печальным примером здесь может служить Сомали, превратившееся, по сути, в государство с пиратским, террористическим укладом жизни. Когда идет речь о социальных регуляциях, то имеется ввиду необходимость распространения неких единых правил, единого «протокола» поведения участников международных отношений – в частности, в сфере международной торговли, доступа к рынкам высоких технологий, оценок использования рабочей силы, безвизовых режимов перемещений и т.п.

Фундаментальные международно-криминологические исследования этих проблем могли бы положить конец второстепенной во многих случаях сущности международного уголовного права,

которое сосредоточивает свой потенциал на преступных проявлениях вторичного последственного характера (контрабанда оружия, наркотизм, торговля людьми). При этом остаётся неприкосновенной зона теневого глобального капитала, которая продуцирует международную преступность, при этом удивительным образом переводя детерминанты данного явления на страны «третьего мира». Причем сама структура международной уголовной преступности, распределение её доходов опять-таки асимметричны (т.е. не «в пользу» регионов «третьего мира»).

В то же время за пределами действия международного права остается мощный глобальный механизм продуцирования терроризма, в основе которого лежат межгосударственные отношения, точнее различия интересов государств, групп государств, цивилизационных объединений.

Содержание универсальных антитеррористических инструментов и даже их заголовки, нацеливающие на борьбу с незаконными актами, со всей очевидностью указывают на то, что настоящая международная сущность терроризма, которая выражается в глобальном противоборстве социальных мегагрупп, оказавшихся на полярно противоположных полюсах цивилизационного развития, осталась без должного внимания криминологии. И это не должно вызывать удивления: криминология, функционирующая согласно методологии и в критериях неправомерных общественно опасных деяний (пусть даже пролонгированных), соответствующим образом и результирует международные нормы, которые сосредоточены на подавлении таких деяний (актов). Взять к примеру резолюцию ООН № 1373, посвященную оценке терактов 11 сентября 2001 г., – в ней не идёт речь о терроризме как явлении – лишь об отдельных актах терроризма. В антитеррористической конвенции 1997 г. (Конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом) картина наблюдается аналогичная. Возникает вопрос: разве государственные учреждения, объекты инфраструктуры и транспорта, упомянутые в данной конвенции, являются конечной целью атак курдских или палестинских террористов? И разве не криминология должна раскрыть причины и конеч-

ные цели таких террористических атак и создать условия для соответствующего нормотворчества? Вместо этого мировое сообщество, к большому сожалению, имеет весьма «беззубые» конвенции и декларации по данной проблеме. Следовательно, есть основания считать, что криминология не выполнила здесь свою функцию до конца и не поместила во главу угла соответствующих международно-правовых актов терроризм как международное преступление со сложным совокупным субъектом его состава, в основе которого лежит социальный конфликт глобального характера.

Это диктует необходимость в формировании иного содержания криминологии, которое предполагает разработку новых международных «глобализационных» методов исследования феномена терроризма. То есть таких, которые осуществляются 1) в научных категориях, отражающих мировые проблемы; 2) во «внутреннем» расположении методологии наук, смежных с науками антикриминального цикла (геополитики, геоэкономики, социологии международных отношений, конфликтологии, культурологии, истории, военной науки и др.), образно говоря, внутри системы науки криминологии.

Другими словами, взаимоотношения между криминологией и указанными науками по схеме «заказчик-подрядчик-субподрядчик» в рамках международной криминологии терроризма уже не могут быть результативными, поскольку не хватает мобильности, целенаправленности и предметности ее (схемы) действия. Это ни коим образом не указывает на поглощение криминологией смежных наук. Как раз наоборот, в сфере криминологии антитеррористической направленности такие науки обретают новую политическую и социальную значимость, актуальное юридическое «звучание». Исходящая от терроризма планетарная угроза в данном случае указывает на необходимость в перестройке научных приоритетов, выдвигая бывшего «заказчика» на роль координатора и не посягая ни в коем случае на авторитет и уникальную в познании терроризма роль каждой отдельной науки.

Анализ основ генезиса терроризма, нормотворческой и правоприменительной практики борьбы с ним, дают основания утверждать, что вокруг проблемы познания терроризма образуется цепь специфических методов исследования сущности этого международного преступления, причин его возникновения и эскалации, а также путей устранения из международной жизни.

Сосредоточивая в рамках такого научно-теоретического структурирования соответствующие наработки и анализы, это позволяет устранить распыление антитеррористических усилий по разным отраслям и направлениям как правовой, так и смежных с ней наук и концентрировать их вокруг задачи познания и устранения глобального террористического конфликта.

Не случайно криминологическую основу исследования терроризма и образует конфликтологический метод.

Он основывается на базовых положениях теории конфликта, прежде всего тех, что раскрывают его конструктивную составляющую, и дают ключ к определению терроризма как противоборства социальных групп, которое зиждется на расхождении их коренных интересов. Конструкция такого глобального террористического конфликта открывает возможность для адекватной международно-правовой оценки составляющих терроризма, квалифицируемых в праве как элементы состава международного преступления терроризм.

Тем самым, согласно теории конфликта, образуется основа для формирования общепланетарного интереса к противодействию терроризму как явлению. Это находит международно-правовое развитие в родственном с конфликтологическим методом – методе, базирующемся на квалификации совокупного субъекта состава терроризма.

Познание терроризма с точки зрения основ ведения вооруженной борьбы стает объективной реальностью благодаря методу террористической асимметрии, имеющему все основания квалифицироваться как криминологический метод. Он исходит из разработанной автором теории террористической асимметрии, раскрывающей феномен асимметричности террористического акта, его абсолютной иррегулярности.

Метод террористической асимметрии открывает путь для оценки равных возможностей противоборствующих сторон, а от него – основу для формирования общего интереса к мирному разрешению социального мегаконфликта. Ещё одним важным тезисом теории террористической асимметрии является необходимость для антитеррористических сил государств всячески избегать использования террористических методов в борьбе с самими же террористами – внесудебные казни, неофициальные тюрьмы и т.п. По моему глубокому убеждению, это – ничто иное, как прямой путь к обоюдной террористической войне. Это – путь в никуда. Вся борьба с терроризмом должна основываться исключительно на общепризнанных международно-правовых методах, основанных на достижениях международной криминологии в сочетании с конфликтологией, социологией, теорией международных отношений и др.

Эти методы подтверждают абсолютную аномальность рассматриваемого преступного явления. Констатируя жестокость и изуверство, сопровождающее глобальный террористический конфликт, международная криминология терроризма, наряду с этим, позволяет увидеть, «конструктив» этого преступного явления, объективность международных политических и социально-экономических условий его возникновения, соответствие их крайней жестокости, той степени дегуманизации, а также социальной асимметрии и поляризации, которая продуцируется глобализацией мирового хозяйства.

Взаимосвязь кризисности мировой системы и причинности терроризма, их определяющее воздействие на содержание международного антитеррористического права установлены путем анализа ряда социальных и экономических теорий мирового развития.

Также глубоко специфическим является предмет международной криминологии терроризма.

Особенность терроризма как предмета криминологической науки состоит в неразрывной, но противоборствующей взаимосвязи его составляющих.

Внутрипредметное противоборствующее взаимодействие составляющих терроризма дает основания для постановки вопроса о

целесообразности формирования внутреннего, в рамках отдельного направления международной криминологии терроризма, научного инструментария.

Этот инструментарий определяется уже известными науками и научными отраслями: геополитикой, геоэкономикой, социологией международных отношений, культурологией, конфликтологией, военной наукой и др. Продуктивно в антитеррористической сфере эти науки будут работать, если криминогенные факторы глобализации они будут рассматривать не как внешние причины терроризма, а как элемент состава этого международного преступления. Причинами они остаются лишь для террористической деятельности.

В соответствии с этим возникает целесообразность также и антитеррористической спецификации этих наук путем выделения специализированных направлений. Собственно говоря, блок таких специализированных для нужд исследования терроризма и выделенных в рамках «своих» наук научных направлений и образует научный инструментарий международной криминологии терроризма.

Практика международной жизни указывает на то, что международная криминология постепенно пробивает себе путь, признаки её присутствия ощущаются.

В политике это проявляется, в частности, через саммиты «восьмерок», «двадцаток», «тридцаток» наиболее развитых стран, где основным вопросом повестки дня является проблема бедных регионов планеты.

В праве признание потребности в международной криминологии имеет свою историю. По меньшей мере, относительно терроризма ощутимый международно-криминологический задел был сделан еще в 1972 году на 27-й сессии ГА ООН, когда на повестку дня был вынесен вопрос о борьбе с терроризмом в следующей формулировке: «Меры по предотвращению международного терроризма, который угрожает жизни невинных людей или приводит к их гибели, или ставит под угрозу основные свободы, и изучение коренных причин этих форм терроризма и актов насилия, проистекающих из нищеты, безысходности, бед и отчаяния и побуждающих неко-

торых людей жертвовать человеческими жизнями, включая и свои собственные, в стремлении добиться радикальных перемен». При этом обращается внимание на недопустимость игнорирования мотивации террористических актов – с целью устранения на будущее причин, их породивших. Образно говоря, еще тогда было сформулировано направление формирования международной криминологии терроризма.

В последнее время к решению проблемы международного терроризма также активно подключилось международное экономическое право. В апреле 1974 года на 6-й спецсессии ГА ООН была принята Декларация и Программа действий по установлению нового экономического порядка. В декабре 1974 года на 29 сессии ГА ООН – Хартия экономических прав и обязанностей государств. 1 мая 1990 г. на 18 спецсессии ГА ООН – одобрена Декларация о новом глобальном консенсусе о путях развития международного экономического сотрудничества в интересах всех государств.

Концептуально сущность этих документов состояла в установлении в международных экономических отношениях преференциального режима для развивающихся государств в том, что касается использования сырья, промышленного экспорта, передачи технологий, кредитных отношений, ограничения деятельности ТНК.

Нобелевским лауреатом В. Фридманом была разработана концепция экономического развития бедных регионов.

Но всё это, к сожалению, не нашло должного развития ни в политике, ни в экономике, ни в праве. Решение задач противодействия терроризму требует незаангажированности, настойчивости и, если хотите, смелости. Именно об этом неоднократно говорил В.В. Лунеев.

Вспомним хотя бы как пробивала себе дорогу криминология советского периода. Подобным же образом можно объяснить трудности, и в дальнейшем революционное влияние открытия Д. Сатерлендом «беловоротничковой» преступности не только на уголовное право, но и вообще на социальные отношения и состояние американского общества, которое сделало ощутимый шаг в сторону демократизации. Категории социальной справедливости тогда в про-

цессе демократизации активно матеріалізувались через норми уголовного права.

Возможно, кстати, международная криминология открывает для международного уголовного права своеобразную международную «беловоротничковую» преступность, поскольку речь идет в значительной мере о криминогенности развитой части международного сообщества.

Таким образом, международная криминология достаточно четко обозначает свое проблемное поле, которое может выделяться своим предметом и в русле общей криминологии требует особого подхода и специфических методов.

О.М. КОСТЕНКО:

Дякую за запрошення на Ваш Круглий стіл. Відомо, що я є не просто кримінолог, а – класичний кримінолог. І саме в цій своїй якості я аж ніяк не погоджусь із тим твердженням, що класична кримінологія, нібито, зовсім не досліджувала причини і умови виникнення терористичної злочинності. Але в будь-якому разі мені подобається, що Володимир Федорович привернув нашу увагу до проблематики причин міжнародного тероризму. І він так само має право не погодитись зі мною, але в будь-якому разі мета в нас одна – просто ми до неї йдемо різними шляхами. І чим більше таких досліджень є, тим краще. Коли ми почали говорити про виникнення проблеми тероризму, в тому числі міжнародного тероризму, то слід відзначити, що в Україні і проявів таких значно менше, і досліджена ця проблематика в Україні теж значно менше. Я погоджуюсь з тим, що криза до деякої міри стимулювала терористичну загрозу, проте проблеми тероризму слід розглядати в дещо іншому аспекті. Я абсолютно підтримую думку Володимира Федоровича, що міжнародна кримінологія тероризму – це абсолютно новий напрямок, проте в мене є дещо інше уявлення про цю проблематику. У своїх нових працях я побудував дещо іншу схему. Сьогодні вже відбувається інтернаціоналізація злочинності. Можна багато дискутувати про те, що являє собою сьогодні міжнародна злочинність, однак немає під-

став відносити держави до суб'єкта міжнародної злочинності. Так, є явище глобалізації, але що поганого в ньому? Так, в умовах глобалізації виникають певні передумови для розвитку транснаціональної злочинності, але хіба це обов'язково має призвести до сплеску міжнародного тероризму? І загалом глобалізм є чимось фундаментальнішим. І коли вже вести мову про міжнародну кримінологію в контексті глобалізму, то слід зазначити, що держави вирішують дану проблему засобами звичайної кримінології, але, якщо хочете, сюди можна ще додати і терористичну кримінологію. Коли в умовах глобалізації сюди потрапляє міжнародна кримінологія, що ж тоді таке традиційна кримінологія? Так, є різні країни у світі зі своєю внутрішньою обстановкою, що дуже сприяє розвитку тероризму – як наприклад, Сомалі, але чи можна так узагальнювати і робити такі далекосяжні висновки щодо усієї держави як такої? Чи можна оголошувати цілу державу суб'єктом кримінального, тим паче терористичного злочину? Як з точки зору міжнародної конфліктології або міжнародної деліктології можна проголошувати, що сама держава є злочинною? Тим не менше сама постановка питання є надзвичайно актуальною. Цей шлях заслуговує на увагу. Що стосується інших регіонів світу, то в Американській асоціації кримінології, наприклад, вже багато років існує відділ міжнародної кримінології. Необхідно вивести формулу, знайти специфічні способи щодо протидії міжнародній злочинності.

Щодо проблеми тероризму, зокрема, міжнародного тероризму, то в міжнародному праві і досі не можуть дати визначення міжнародного тероризму. Взагалі, я вважаю, що є лише загальносвітова кримінологія. Чи можна точніше виявити суть такого явища, як міжнародна злочинність. Є навіть такі думки, що кримінологія нібито є складнішою за теорію відносності Ейнштейна. Необхідно виробити нові підходи до вирішення проблеми злочинності взагалі і міжнародної злочинності зокрема. І антитерористичний підхід, його методологічні основи, потребують безумовно свого коригування. Моє бачення є таким: найбільш продуктивною в цьому плані є теорія природного права. Ця теорія дає можливість відповісти на усі

питання щодо проблеми міжнародного тероризму, дає змогу знайти загальнолюдське вирішення проблеми тероризму. Лише концепція природного права спроможна дати адекватні відповіді щодо сутності цього явища. На засадах антитерористичної кримінології або на засадах антитерористичної юриспруденції можна глобально вирішувати ці питання. Нам потрібна така методологія, яка дозволить виробити універсальний підхід щодо протидії міжнародному тероризму. Не просто нова методологія, потрібне нове тлумачення в найстарішому законі, який називається природним правом. Якщо методологія є адекватною досліджуваній проблемі, то відразу знімається ряд гострих питань, які існують у світі – зокрема ті, що стосуються міжнародної злочинності.

В.Ф. АНТИПЕНКО:

Вельмишановний Олександр Миколайович, я повністю сприймаю Ваш підхід і Ваші оцінки, хоча я продовжую вважати, що в даному випадку має місце взаємне доповнення, збагачення. Це сприятиме викоріненню тероризму в міжнародному антитерористичному праві.

Шановні колеги, в ході підготовки цієї дискусії і напрацювання позиції щодо міжнародної кримінології кафедра працювала, готувала наукові статті, проводилися консультації з академіком О.С. Онищенком. Адже з самого початку було очевидним, що постановка проблеми про міжнародну кримінологію неможлива поза зв'язком з її оцінками з позицій цілого сонму гуманітарних наук. Без цього неможливо вивчити і здійснити постановку проблеми. І в цьому сенсі було б надзвичайно цікаво почути думку О.С. Онищенка.

О.С. ОНИЩЕНКО:

Шановні колеги, я не кримінолог, я – філософ і історик. І ми часто дискутували: Володимир Федорович – з позиції правової науки, я – з позиції філософської та історичної науки. Вся наука, в тому числі і та, що пов'язана з антитерористичною проблематикою, розвивається двома взаємопов'язаними шляхами – шляхом ди-

ференціації, виокремлення певних наукових напрямків і шляхом інтеграції, об'єднання різних підходів, різних галузей науки для розгляду якогось конкретного явища. Тому немає нічого дивного в тому, що і міжнародна кримінологія виокремлюється в окремий напрям. І якщо її розуміти як науку, що вивчає міжнародні терористичні прояви, шляхи їх запобігання і нейтралізації, то вона може існувати як відносно самостійний напрям кримінології і юридичної науки загалом.

Тепер щодо кризи науки і кризи кримінології. Я переконаний, що наука в принципі не може мати кризи, оскільки при появі нових непізнаних явищ завжди можна знайти нові методи їх аналізу і пізнання. Про кризу науки треба завжди говорити обережно, враховуючи те, що наука завжди може знайти нові методи розв'язання нових проблем, які раніше часто випадали з поля зору чи недостатньо вивчалися.

Щодо держави як суб'єкту злочину, то тут, знову-таки, треба бути дуже обережними. Власне, що таке держава? Це об'єднання всього соціуму даної території в межах певних кордонів. І якщо ми оголошуємо державу злочинною, переносимо це визначення на весь народ і потім його звинувачуємо, це буде дуже неправильно, оскільки про злочини треба завжди говорити щодо конкретних осіб і в конкретному вимірі.

Мені імпонує теза Володимира Федоровича про те, що кримінологія повинна виходити за межі традиційних методологічних підходів. Це – використання міждисциплінарних підходів в аналізі явища міжнародного тероризму, того середовища, яке може сприяти терористичним проявам.

Досліджуючи проблеми загроз національній безпеці, я дійшов висновку, що до сьогоднішнього дня ці загрози були в основному внутрішніми, хоча й посилювались зовнішніми факторами. Стратегія національної безпеки повинна дати адекватні відповіді на виклики цілого ряду внутрішніх і зовнішніх загроз.

Щодо внутрішніх загроз, то це насамперед загроза розпаду цілісного соціального організму українського суспільства. Далі – це

деформація середнього класу. Він є завжди основою стабільності будь-якого суспільства, але якщо подивитись на наш сьогоднішній середній клас, то він нестійкий. Має місце також маргіналізація певних верств населення, які не мають стабільної соціальної позиції. Розрив у володінні комп'ютерними технологіями також створює певний соціальний розрив, іноді з різкими протестними настроями.

Отже, для відвернення загрози розпаду суспільства потрібна системна політика – економічна, соціальна, правова, гуманітарна – спрямована на те, щоб розрив у доходах між різними верствами населення скорочувався. Середній клас повинен складатись із творців продукту і послуг, а не з перекупників.

Друга загроза поки що не стоїть на порядку денному, але вона може знайти свій вияв у випадку бездіяльності влади і суспільства щодо деяких процесів, що вже намітились. Це спроби деяких регіональних олігархічних груп перетворити деякі регіони на свої вотчини, пропаганда федералістських і сепаратистських ідей, неприйняття принципу унітарності в побудові держави, орієнтація на зарубіжні держави і ТНК, порушення балансу повноважень центральних і місцевих органів влади.

Які є засоби подолання цих загроз? Перш за все, це – правове забезпечення дотримання всіма силами, структурами і окремими особами принципів унітарності і соборності Української держави. І друге – законодавчо забезпечений баланс повноважень центральних і місцевих органів влади. А з соціально-психологічної точки зору – це ідеологія терпимості, діалогу і конструктивного співробітництва різних соціальних груп.

Третє – це загроза втрати незалежності вітчизняного інформаційного простору. І вона загострюється. Вона проявляється в тому, що склад власників засобів масової інформації часто буває непрозорим і часто буває невідомо, в кого перебуває в руках контрольний пакет їхніх акцій. Це наповнення ЗМІ іноземною продукцією з антиукраїнським змістом, відставання українського сегменту Інтернету порівняно з іншими. В даному випадку потрібно законодавчо забезпечити, щоб контрольний пакет акцій вітчизняних ЗМІ належав

вітчизняним власникам. І також необхідно наповнювати інформаційний простір вітчизняним науковим і культурним продуктом, бо інакше при нинішньому рівні інформатизації вітчизняний інформаційний простір буде заповнений чужим продуктом, який при цьому не завжди матиме дружній зміст.

Четверте – це загроза руйнування вітчизняного науково-освітнього, культурного, технічного і технологічного простору. Ми знизили традиційно високий рівень української освіти загалом і інженерно-технічної освіти зокрема. Навіть президент США Б. Обама, виступаючи невдовзі після своєї інаугурації в Національній академії наук США, наголосив на нагальній необхідності підняття в США рівня математичної освіти і освіти в галузі точних наук. Україна в цьому дуже відстає, хоча свого часу ми мали математичну і інженерну освіту високого рівня. Ці спеціальності високо цінуються за кордоном, але ми, на жаль, занедбали ряд вітчизняних вузів цього профілю. Необхідно якнайшвидше припинити руйнування вітчизняного інтелектуального потенціалу і вийти на його позитивний розвиток. А це потребує збільшення фінансування науки хоча б до середньоевропейського рівня – це 2% від ВВП. Відомо, що коли в якійсь країні на науку виділяється менше 2% від ВВП, то наука руйнується. Також слід наголосити на необхідності інтеграції між собою фундаментальних і прикладних галузей науки.

Я багато разів наголошував на необхідності організувати комп'ютерний «всеобуч» населення, бо без знання основ комп'ютерної грамотності значна частина населення виявиться соціально і професійно незатребуваною.

Ще одна загроза – це загроза моральних деформацій у суспільстві. Поширення морального нігілізму у взаємозв'язку з нігілізмом правовим і культурним є великою небезпекою. Поширення серед «нових українців» маргінальних звичок, моральної розбещеності, подвійних і потрійних моральних стандартів – це страшне явище. Також негативним явищем є одночасне функціонування в суспільстві багатьох відмінних одна від одної професійних, філософських, релігійних, звичаєвих, етичних і ціннісних систем – вони суперечать

одна одній, нейтралізують одна одну і тим остаточно заплутують людину, створюють у неї ситуацію невизначеності духовних і моральних засад. Сюди ж слід віднести розмивання під впливом глобалізації традиційної моралі. Отже слід у цьому сенсі знайти шляхи і методи моральної стабілізації ситуації, зміцнення духовних засад особи і суспільства, бо моральна деградація – це найстрашніша соціальна хвороба, яка руйнує не тільки духовні засади особи, але і природні доброзичливі стосунки між людьми. А духовне оздоровлення суспільства завжди мало в своїй основі зміцнення його моральних підвалин.

Шоште – це загроза втрати національної та громадянської ідентичності. В даному випадку наявний цілий комплекс причин – об'єктивних і суб'єктивних. Це і глобалізаційні процеси, які разом з тим роблять умовними національні відмінності і ведуть до ослаблення і втрати громадянської і національної ідентичності. Масова трудова міграція кидає людину в зовсім відмінне середовище, вона змушена там пристосовуватись, поступатись якимись своїми переконаннями, і коли вона повертається назад, вона вже значною мірою має нове бачення, нові підходи. У трудових мігрантів послаблюються зв'язки з великою і малою батьківщиною, громадянська і національна ідентичність теж послаблюється. А розмивання національної ідентичності особи – це повзуче руйнування морально-психологічної єдності суспільства. В такому випадку повинна застосовуватись довготривала стратегія поведінки України в глобальному світі, з одного боку – використовувати здобутки глобалізації, а з іншого – встояти і зберегти свою самобутність, державний суверенітет і незалежність.

Існує, в першу чергу на телебаченні, загроза «вимивання» української мови і взагалі національних мов. З одного боку, глобалізація насаджує тільки чотири основні «інтернетівські» мови. З іншого – відбувається спотворення природного процесу розвитку мови, який полягає в тому, що для позначення нових явищ формуються нові слова в межах цієї мови, а якщо запозичуються, то адаптуються за словами цієї ж мови. Ми ж заходилися бездумно копіювати і вводити в свій словниковий запас іноземні слова, більшість яких мають або

можуть мати український еквівалент. Щодо інших національних мов, то достатньо пройтись головною вулицею столиці – Хрещати-ком і можна побачити, скільки там українських написів і скільки іншомовних. Негативом можна визнати і так званий «суржик», поширений в діловій мові, в побутовій, і навіть у художній літературі та ЗМІ. Цей «суржик» є іншомовним, і таким чином розвивається літературна українська мова. В площину літератури перенесена свобода слова, а коли вона втілюється у відсутності літературної норми, то ця норма руйнується, а мова втрачає свої якісні позитивні характеристики.

І останній момент. Це загроза трансформації незакінченого, безсистемного реформування українського суспільства в його латентне руйнування. Періодичні, непідготовлені і до кінця не реалізовані реформи, неефективне державне управління і слабкість громадянських структур призвели до занепаду виробництва, масового зубожіння і розчарування людей.

Дуже поширеною є думка про те, що сучасне суспільство трансформується з індустріального в постіндустріальне. Все це правильно, але треба знати і не забувати, що всі інформаційні і високотехнологічні процеси виростають на основі індустріальної культури. Тому поєднання процесу розвитку і збагачення індустріальної культури з так званими постіндустріальними процесами передбачає саме розвиток, а не занедбання і відкидання індустріальної культури. В Україні, як ми добре знаємо, ситуація поки що є кризовою, але це аж ніяк не апокаліпсис, як його часто визначають. В труднощі Україна потрапляла не раз і інші держави потрапляли, проте знаходили вихід. І зараз реальний вихід теж може бути. Це послідовна модернізація українського суспільства з орієнтацією на ефективну економіку, добробут і злагоду, яка має бути втілена в комплексній стратегії розвитку України, що забезпечить високі стандарти життя і єдність суспільства. Саме це і є найнадійніша стратегія безпеки країни і водночас – найнадійніша стратегія протидії всім терористичним проявам.

О.М. КОСТЕНКО:

Головна проблема – в культурі громадянського суспільства. Необхідно, щоб суспільство підвищило рівень своєї соціальної, політичної і правової культури. І це настільки серйозний момент, що, якщо він буде вирішений, то тоді ми подолаємо і технічну загрозу, технологічні проблеми тощо.

О.С. ОНИЩЕНКО:

Важко Вам щось заперечити – Ви абсолютно праві. Я хочу відзначити тільки, що уся наука – і технічна, і природнича, і суспільна, і фундаментальна – були, є і будуть основою всякої модернізації суспільства і економіки. Зараз наука забезпечує технологічний прорив, але, при всій повазі до нього, безумовно, на першому плані нині суспільні і гуманітарні науки, бо вони повинні виробити стратегії, моделі розвитку, образ нового суспільства, образ України і всі інші складові великої макроперебудови. А технічні науки, технології – вони повинні це забезпечити. І в доповіді, підготовленій секцією суспільних і гуманітарних наук Президії НАН України, це теж передбачено. Зазначена доповідь викликала величезний резонанс, перш за все, своєю соціогуманітарною частиною. Нині готується новий, прогностичний варіант доповіді – стосовно стратегічних пріоритетів. В ній будуть визначені практичні напрями діяльності з подолання кризи і виходу на стабільний розвиток.

В.Ф. АНТИПЕНКО:

Дякую Вам, Олексій Семенович. Додам лише, що і право в даному випадку не повинне залишатись осторонь, бо коли ми говоримо про запобігання злочинності, в першу чергу терористичній, право не повинно містити контрпродуктивні підходи. І я наполягаю на тому, що чинне міжнародне антитерористичне право несе додаткову конфліктність, коли терористи не бачать в ньому справедливих і демократичних механізмів вирішення нагальних проблем. Щонайменше в ньому повинен бути закладений і складний сукупний суб'єкт, чітко розроблена суб'єктивна сторона міжнародного злочину тероризму, яка б враховувала справедливі мотиви і цілі тощо.

В.В. КОСТИЦЬКИЙ:

Глобалізація суспільного життя обумовила певні об'єктивні зміни в плані формування інформаційного простору та інформаційного суспільства. На сучасному етапі міжнародна злочинність має дещо іншу спрямованість, ніж це було раніше. На суспільній арені з'явилися такі види діяльності, як інформаційний тероризм, інформаційно-економічні війни, і розвиток такої індустрії, яка за своєю суттю є глибоко аморальною. Ці види злочинності поширюються під гаслом свободи Інтернету, свободи слова. Я думаю, що я пізніше розвину у своєму виступі ті ідеї, які вже висловив О.С. Онищенко. Повинен визнати – я був вражений його системним підходом. В силу моїх сьогоднішніх посадових обов'язків мені доволі часто доводиться спілкуватись і з вченими, і з політиками, і з діячами мистецтва. Тиск і небажання сприйняти системний підхід настільки пригнічують, що мені, як вченому, нині дуже важко відстоювати свої ідеї. Особливістю сучасного життя є дуже швидкий процес капіталізації всіх його сфер. В одній із своїх книжок я назвав те, що сьогодні відбувається в світі, «законом перманентної концентрації капіталу». Одна з основних його ознак якраз полягає в капіталізації всіх сфер суспільного життя і проникнення капіталу, з одного боку – як фондодержателя всіх видів сучасної культури, а з іншого – проникнення грошей як чи не єдиного еквіваленту мотивації і обміну в усі сфери суспільного життя. Схематично це виглядає приблизно так: припустимо X має маленьку телекомпанію, Y вкладає свої гроші, розкручує свій власний імідж, тобто інвестує в себе самого, потім отримує депутатський мандат, і його інвестиція вже підкріплюється політичним капіталом і спрямовується на те, щоб утвердитись у сфері фінансового капіталу. Цей X чи Y, або група людей X-Y-Z зміцнюють свої політичні позиції. Це – якраз дія закону перманентної концентрації капіталу. Після цього люди починають опановувати інформаційну сферу. Українська держава дещо спізнилась у цій інформаційній війні. І питання про захист суспільної моралі як про одну з функцій держави і поява такого органу, як Національна експертна комісія України з питань захисту суспільної моралі, який міг би скоорди-

нувати цю роботу, запізнилась на таку саму кількість років, а крім того – отримала дуже шалений опір. Тому в даному випадку було б доречно кілька слів сказати про те, як держава розглядає функцію по захисту суспільної моралі, враховуючи те, що інформаційний капітал на сьогодні є транснаціональним. Були, наприклад, образливі статті про Україну, образливі фотографії про українських жінок, про представників вищого духовенства тощо. Вони стають предметом розгляду Комісії, і коли, згідно законодавства, визнаються такими, що суперечать суспільній моралі, то приймаються відповідні рішення. Ми направляємо звернення до посольств, Ради Європи та інших структур. І, звичайно, абсолютно безпідставно заперечується те, що Європейський суд з прав людини визнав, що національний законодавець має право регулювати ці питання, пов'язані з захистом суспільної моралі і в той же час висловлюються звинувачення в цензурі в наш адрес.

У зв'язку з зазначеним, хотів би вказати на правовий «коридор», в рамках якого має здійснюватись політика держави в сфері захисту суспільної моралі. Причому цей правовий «коридор» побудований таким чином, що немає підстав говорити про наявність цензури, про відсутність демократизму, про заперечення конституційних прав і свобод. У цьому правовому «коридорі» присутня свобода слова, свобода інформаційної діяльності, свобода підприємницької діяльності і, нарешті, – свобода творчої діяльності. В зв'язку з цим повинен вказати на один парадокс, який має місце в сьогоднішній українській реальності. Люди, які займаються творчою діяльністю, своє право на творче самовираження ототожнюють зі свободою слова. І те, що нецензурні речі проникають в літературу і мистецтво, починає розглядатись як норма. Вони вважають, що будь-яке зауваження з цього приводу на предмет того, чи є притаманними українській мові ряд слів, які вони вживають, вони розглядають як посягання на свободу слова. І моя апеляція на зразок: скажіть, будь ласка, коли ви здійснюєте творче самовираження за допомогою такої конструкції мови, – то чий права ви захищаєте? – залишається без відповіді. Отже, на сьогодні це можна розглядати як своєрідну суспільну деформацію. І

мені дуже прикро, що українська інтелігенція виявилася неготовою до такого перебігу подій в інформаційній сфері. Необхідно провести дискусію про сучасне і майбутнє української мови, про небезпеку втрати національної ідентичності. Психічне впливає на фізичне – як ми думаємо, так і говоримо і діємо. І це, звичайно, – тема серйозної публічної дискусії.

Іншою межею правового «коридору» є честь і гідність людини, гарантована Конституцією, і звичайно ж – права дитини, права споживача, Чи може будь-яка річ, створена в суспільстві, нав'язуватись споживачу?

Отже, захищаючи суспільну мораль у цьому правовому «коридорі», Українська держава стикається із глобальним інформаційним капіталом і, в першу чергу, – з кримінальним капіталом. І, здається це є одна з проблем нашого сьогодення Круглого столу. І якщо подивитись на цей капітал, то його вістря спрямоване проти українського суспільства в найбільш болючі місця.

Перше, на що ми повинні звернути увагу, це суспільна стабільність і суспільна толерантність. Відбувається протиставлення націй, ксенофобія. У подоланні цих негативних явищ Національна експертна комісія активно співпрацює з СБУ, МВС, Генпрокуратурою. Є рішення, пов'язані з захистом національної єдності, ідентичності – причому не тільки українців, але й представників інших націй. Комісія встала на захист мусульман, коли хтось хотів назвати нічний клуб «Мекка». Ми не дозволили, назва ця не пройшла, і мусульмани були нам дуже вдячні.

Ще один напрямок діяльності Комісії – це, так би мовити, інвестиція в підростаюче покоління. Йде деформація світогляду наших людей через порнографію і пропаганду насильницького способу життя. І в даному випадку ми розуміємо, з ким маємо справу. Порнобізнес загалом освоює близько 100 млрд. доларів в рік. А Україна сьогодні входить у трійку держав (разом з Росією), які в сумі забезпечують біля 80% світової дитячої порнографії. І коли до цього додати, що проблема алкоголізму серед дітей стає дуже серйозною, а капітал веде активну пропаганду і рекламу алкогольних напоїв, коли діти у

віці 11-15 років раз на місяць вживають алкогольні напої, і це стає традицією, то в даному випадку вже слід вести мову вже навіть не про деформацію, а про деградацію тих, хто має нам прийти на зміну. І, розуміючи, що ми маємо справу з кримінальним бізнесом, нам треба будувати відповідну державну політику.

І останнє. Соціологічні дослідження показують, що результативність такої інформаційної війни дуже висока – 37% дітей готові порушувати закон. Що за цим логічно слідує? – Небезпека криміналізації суспільства як результат того, що дитяче насильство стає нормою поведінки серед дітей. В такій ситуації з'являється небезпека того, що держава закручуватиме гайки. І з'являються законодавчі акти репресивного характеру. І якщо ми не зупинимось зараз, то скажу прямо: тим самим ми кладемо цеглинки до майбутньої диктатури.

Особливості сучасного стану інформаційного суспільства я розглядаю як критичні. Його стан, в першу чергу, загрожує світогляду підростаючого покоління. Завдання держави в зв'язку з цим має полягати в тому, щоб на вищому рівні державної влади врешті-решт задекларувати цю проблему і, враховуючи українську ментальну традицію, я розраховував би на те, що керівництво держави одного разу скаже: «Товариство, досить!».

О.М. КОСТЕНКО:

Підстав для виділення міжнародної кримінології як окремої галузі знань немає, але в той же час міжнародна кримінологія є перспективним напрямком досліджень. Безперечно, традиційна кримінологія недостатньо уваги приділяє вивченню міжнародної злочинності. З тезою про те, що не досліджуються причини і умови терористичної злочинності, не можна погодитися. Можна просуватися різними шляхами до однієї мети. Повинна бути практичне значення щодо виділення будь-якої галузі з загальної галузі для вирішення тих проблем, які стоять. В загальній кримінології є ресурси і інструменти для дослідження проблематики причин міжнародних злочинів. Я знаю ці інструменти і вони достатньо ефективні.

Слід визнати, що в Україні недостатньо досліджується проблематика міжнародного тероризму на кримінологічному рівні. Не погоджуюся з тим, що в Україні присутня криза вітчизняної кримінології. Питання про те, що не досліджувалися проблеми міжнародного тероризму, в даному випадку мову треба вести в дещо іншому аспекті. Проблематика, об'єкт дослідження, про які говорить Володимир Федорович, абсолютно заслуговують на свою увагу. Років 10-20 тому назад ми мали дещо інше уявлення про цю проблематику. Я пропонував вирішити цю проблему дещо іншим шляхом. Відбувається глобалізація злочинності. Про міжнародну злочинність ми можемо дуже багато дискутувати, чи є вона. Дискусія щодо того, чи є держава суб'єктом міжнародного злочину ще не закінчена, а тому не можна так категорично стверджувати про виникнення окремого напрямку чи галузі – міжнародної кримінології. Я пішов альтернативним шляхом. Я вважав, що є питання глобалізації злочинності і буде. Я вважаю, що глобалізацію злочинності не слід пов'язувати виключно з міжнародною злочинністю, а в першу чергу – з транснаціональною злочинністю, рівень якої зростатиме у зв'язку з глобалізацією.

Потрібно ставити питання про кримінологічну глобалістику. Мене цікавить, як вченого, що буде з глобалізованою злочинністю, який вплив вона справлятиме на міжнародний тероризм. Я вважаю такий підхід більш фундаментальним, ніж сьогодні говорити про міжнародну кримінологію. Виникла необхідність створення спеціального наднаціонального органу, який би займався цими питаннями.

В.Н. КУБАЛЬСЬКИЙ:

Чи є достатнім існуючий інструментарій кримінологічної науки для потреб сучасного міжнародного кримінального права?

О.М. КОСТЕНКО:

Я прибічник того, що сьогодні у кримінологічній науці є методологічна криза і звичайно, що існуючого інструментарію сьогодні недостатньо, не лише для дослідження міжнародного права, а взагалі для права загалом. Тому я ставлю питання щодо методології

на перше місце і я вважаю, якщо кримінологія сьогодні буде розвиватися у напрямку вдосконалення, тоді у неї буде достатньо інструментарію для дослідження міжнародної злочинності. Я, на відміну від Володимира Федоровича, також вважаю, що якщо в кримінології взагалі буде достатній інструментарій, то вона буде дуже активно розглядати проблеми щодо зародження злочинності, причин і умов міжнародної злочинності, і таким чином я б сказав що це проблема не виділення міжнародної кримінології, а проблема кримінології взагалі. І сьогодні треба дуже багато зробити, щоб науку «поставити на ноги». Я вважаю, наприклад, що доцільно втілювати принцип соціального натуралізму, або ідею природного права в кримінологію, і тоді вона буде мати можливість розглядати і розв'язувати проблеми міжнародної злочинності в тому числі.

В.Н. КУБАЛЬСЬКИЙ:

Яке бачення нового тлумачення кримінології з точки зору природного права?

О.М. КОСТЕНКО:

З точки зору природного права проблему злочинності треба розглядати відповідно до законів природного права. Будь-яка злочинність, в тому числі міжнародна, це порушення законів природного права. Необхідно поглянути на Кримінальний кодекс та конвенції в світлі натуралістичної теорії, яку я намагаюсь розгорнути.

Кримінологія, яка ґрунтується на ідеях природного права, намагається висвітлити закони природи у світлі законів природного права. Якщо таким чином розглядати проблеми злочинності, то тоді ми зможемо зрозуміти природу, причини тероризму у будь-якій країні. З допомогою цієї натуралістичної кримінології або у світлі ідеї природного права можна знайти фундаментальне визначення тероризму, справедливе для будь-якої країни, для будь-якого часу, можливо, дещо в даному випадку у мене футурологістичний підхід, я в цьому питанні дуже суб'єктивний.

В.Н. КУБАЛЬСЬКИЙ:

Ви вказували на те, що кожна держава має своє тлумачення тероризму, а яке саме тлумачення у нас, в Україні?

О.М. КОСТЕНКО:

У нас в державі щодо визначення тероризму величезні дискусії. До речі його пропонує і шановний Володимир Федорович. Я ж вбачаю визначення тероризму в світлі ідеї природного права для України, в законодавстві його немає. Є поняття терористичного акту, а визначення, що таке тероризм, є в законодавстві, крім КК України, де він побудований на основі терористичного акту, в законі про боротьбу з тероризмом. Я запропонував визначати тероризм як фундаментальне, універсальне поняття, як свавілля, створення загроз для впливу на волю і свідомість людини чи людей. Будь-який на світі терористичний акт відзначається тим, що штучно створюється загроза для людини: «я стріляю, я когось вбиваю, щоб вплинути на волю людей, щоб створити страх, загрозу і тоді через страх впливати на чиюсь поведінку». Ось мета терориста, який був в історії людства, є і буде. Ось це універсальне поняття тероризму, воно і впливає з ідеї природного права. Тобто людина-терорист завжди порушує природні закони, створені суспільством і, навіть, по-перше, що відрізняє терориста від революційного руху, це те, що люди діють проти законів соціальної природи, просто історичних законів суспільства. Терорист штучно створює загрозу для людини, людина лякається цієї загрози і починає відповідно себе вести тим чи іншим чином, ось це і є мета терориста, вплинути на волю, свідомість, створивши певну загрозу, стріляючи, підриваючи, підпалюючи і т.д. Це усе заради створення політичної, економічної чи ще якоїсь іншої загрози.

О.Ю. ШОСТКО:

Слід констатувати, що дуже мало праць у сфері порівняльної кримінології існує в Україні і світі. Зупинюся на такому аспекті міжнародної злочинності, як організована злочинність. Міжнародна

кримінологія, на мою думку, повинна зосереджувати свою увагу передусім на протидії транснаціональним злочинам. Міжнародна кримінологія, її результати, можуть бути корисними при вивченні детермінант організованої злочинності. В країнах Європи вже давно визнали, що потрібні кооперативні заходи у сфері протидії організованої злочинності. Вимагає підвищення рівень міжнародного інституційного співробітництва. Законодавці повинні усувати перепони, що існують на шляху такого співробітництва.

Європейські кримінологи вивчають проблему міжнародної кримінології переважно в рамках традиційної кримінології. Проблема тероризму поодиноці вирішити неможливо, а тому необхідно об'єднати зусилля кримінологів з різних країн світу. Потрібно досліджувати погляди вчених інших держав стосовно цих проблем. На рівні кримінологічної науки порівняльні дослідження майже не проводяться, хоч в той же час діє Міжнародне кримінологічне товариство та Європейське кримінологічне товариство. Слід погодитися з Олександром Миколайовичем Костенко в тому, що для дослідження міжнародної злочинності і для протидії міжнародній злочинності слід знаходити нові підходи. Потрібно вирішити вихідне питання про те, чи є міжнародна кримінологія галуззю кримінології чи окремим напрямком.

Необхідно напрацювати спільні підходи до протидії транснаціональним злочинам, зокрема транснаціональній організованій злочинності. Регіональним та міжнародним організаціям, що займаються питаннями протидії злочинності, потрібно надати адекватні відповіді на глобальну злочинність. Потрібно вживати відповідних заходів, які були б спрямовані на нейтралізацію і послаблення чинників, що впливають на поширення і розвиток цього різновиду злочинності.

Безумовно, напрацювання в рамках міжнародної кримінології не можуть реалізовуватися лише в межах однієї держави. На рівні європейських держав в ХХ-ХХІ ст.ст. зрозуміли, що протидіяти транснаціональній організованій злочинності потрібно спільно, включаючи міжнародне співробітництво на рівні правоохоронних

органів, тобто міжнародне інституційне співробітництво. В конвенціях Ради Європи, інших міжнародних документах вказується, що держави повинні усувати законодавчі колізії, що створюють перешкоди для співробітництва держав з цих питань, які заважають єдиному розумінню основних понять у сфері протидії транснаціональній організованій злочинності і притягувати злочинців до відповідальності. Тобто увага приділяється узгодженим діям на рівні відповідних міжнародних організацій з одного боку і правоохоронних органів – з іншого. В Україні на рівні вчених дійшли консенсусу стосовно цієї проблеми. Вона так би мовити вирішується науково. Але якщо ми ведемо мову про співробітництво вітчизняних правоохоронних органів з компетентними європейськими структурами та правоохоронними органами інших держав, то в даному випадку виникає багато непорозумінь. Існують нові інструменти міжнародного співробітництва, які наша держава ефективно не використовує. По-перше, це співробітництво з такими наднаціональними структурами, як Євроюст, Європол, Європейська служба протидії шахрайству (OLAF) та ін.

З метою підвищення ефективності співпраці між компетентними установами держав-членів ЄС під час розслідування та судового розгляду серйозних транснаціональних злочинів, вчинених організованими злочинними угруповуваннями, 28 лютого 2002 року було утворено Європейську організацію з питань юстиції. Дана установа є самостійним юридичним органом ЄС та першою постійно діючою мережею установ юстиції у світі, до основного завдання якої належить розширення співробітництва в системі кримінальної юстиції серед європейських держав. Євроюст покликаний сприяти виконанню запитів про правову допомогу для забезпечення результативності розслідування у кримінальних справах про транснаціональні злочини.

Євроюст – це об'єднання прокурорів, суддів та інших високопосадовців у правоохоронній сфері ЄС. Євроюст допомагає в розслідуванні найбільш небезпечних злочинів. У 2007 р. був прийнятий протокол Ради ЄС, яким закладено основу функціонування такого

спільного механізму як спільні слідчі команди, які можуть створюватися як Євроюстом, так і Європолом. До складу цих спільних слідчих команд входять співробітники правоохоронних органів різних держав.

На території певних держав прерогативою проведення оперативних заходів володіють виключно оперативні підрозділи цієї держави. Інколи вони не бажають ділитися напрацьованим досвідом. В Україні на даний час зазначені заходи не впроваджуються, хоча в проєкті Кримінально-процесуального кодексу України передбачені положення про спільні слідчі команди. І якщо Україна ратифікує Додатковий протокол до Європейської конвенції про взаємну допомогу в кримінальних справах, то можна буде застосовувати і цей інструмент в протидії, в тому числі, організованій злочинності.

Євроюст, сприяючи протидії транснаціональній організованій злочинності, впродовж 2006-2007 років створив 12 спільних слідчих груп (2006 – 2, 2007 – 10) для розслідування злочинів у сфері контрабанди наркотиків, шахрайства, легалізації доходів, одержаних злочинним шляхом, тероризму, торгівлі людьми та пограбувань.

Євроюст та Європол практично впроваджують такі ефективні заходи, як інститут офіцерів зв'язку і спільні слідчі групи. Європол веде боротьбу з нелегальною торгівлею наркотичними засобами, радіоактивними та ядерними відходами, що також можуть використовуватися терористами. Європол також веде боротьбу проти нелегальної міграції на території ЄС, підробки грошових знаків і відмивання «брудних» грошей. Якщо злочин входить до компетенції Європолу, можливі спільні розслідування. Аналітичний підрозділ Європолу проводить дослідження у сфері організованої злочинності і аналізує на випередження, надає рекомендації офіцерам Європолу стосовно того, які способи вчинення злочинів є найбільш типовими на європейському континенті і як потрібно на них впливати спільними заходами. Європол співпрацює з усіма державами-членами ЄС. І, що цікаво, Європол має угоди про співробітництво також з третіми державами. До речі, РФ має угоду з Європолом, укладену декілька років тому, Україна знаходиться на початковому етапі переговорів

з метою підписання угоди з цією структурою. І однією з перешкод в цьому плані виступає те, що в Україні відсутні відповідні закони, що були б спрямовані на захист інформації про особу. Україна не приєдналась до європейських конвенцій про захист персональних даних. Значна увага в Євроюсті приділяється захисту прав і основних свобод кожної людини, зокрема, праву на повагу до приватного життя з урахуванням збільшення транскордонного потоку персональних даних, що піддаються автоматизованій обробці.

Термін «персональні дані» означає будь-яку інформацію про певну фізичну особу чи відомості, за допомогою яких така особа може бути ідентифікована. «Автоматизована обробка» включає в себе наступні операції, які здійснюються повністю чи частково за допомогою автоматизованих засобів: збереження даних; здійснення логічних чи арифметичних операцій з цими даними; їх зміна, видалення, пошук чи розповсюдження.

Питання захисту персональних даних є ключовим питанням для Євроюсту, оскільки у процесі роботи постійно виникає необхідність отримувати, зберігати та використовувати ці відомості під час співпраці з компетентними установами різних держав.

Зазначені питання детально регламентовані у Конвенції Ради Європи від 28 січня 2001 року «Про захист осіб у зв'язку з автоматизованою обробкою персональних даних». Однак, Україна на сьогодні ще не ратифікувала цієї Конвенції і, відповідно, не привела національне законодавство у відповідність з нею. Передусім через відсутність законодавчого регулювання в Україні питань захисту персональних даних між Україною та Євроюстом не підписано Угоди про співробітництво.

В ході проведеного мною дослідження в котрий раз підтвердилося те, що головний удар, який може бути нанесений злочинцям – це перекриття їх фінансових потоків, вилучення злочинних доходів. Численні конвенції націлюють держави на застосування такого заходу як конфіскація майна злочинців. Положення Конвенції проти транснаціональної організованої злочинності, Конвенції проти корупції, Конвенції про відмивання, пошук, арешт та конфіскацію до-

ходів, отриманих злочинним шляхом націлюють держави на більш ефективніше і частіше використання цього засобу.

Нині все більше держав впроваджують принцип, згідно якого тягар доведення законності походження майна покладається на злочинця. На основі вивчення КК багатьох держав можна зробити висновки, що Велика Британія, Італія, Польща, Франція у своїх кримінальних кодексах закріпили цей принцип. У цьому зв'язку виникає питання про порушення принципу презумпції невинуватості. На це питання дав відповідь Європейський суд з прав людини, який у декількох своїх рішеннях вказав, що презумпція вини від контрабанди наркотиків застосовується не як захід для визнання вини злочинця, а як спосіб, що дає змогу суду визначити розмір конфіскації, який має бути належним чином визначений в судовому рішенні. Тобто, в багатьох міжнародних документах, які ратифікувала Україна в тому числі, рекомендується впроваджувати цей принцип, хоча виникає багато питань стосовно доведення того, що майно належить цьому злочинцю. Держави безумовно мають різну практику застосування цього принципу. Серед європейських держав найбільш ефективно застосовують цей принцип Італія та Великобританія. США має одне з найбільш розвинутих законодавств в цій сфері. В деяких державах положення про конфіскацію майна містяться не в кримінальному кодексі, а в цивільному. На європейському рівні, на рівні ООН існує тенденція націлення держав світу на впровадження найбільш ефективних заходів протидії найнебезпечнішим видам транснаціональної злочинності і, на мій погляд, це і є предмет дослідження цієї підгалузі, частини (напрямку) кримінології, яку ми називаємо міжнародною або порівняльною кримінологією.

В.Ф. АНТИПЕНКО:

На основе изложенного закономерно возникает вопрос относительно способности методологии традиционной криминологии ответить на возникающие в век глобализации вопросы, но я считаю, что именно методов этой традиционной криминологии, которая базируется все-таки на внутренних причинах и основывается на поло-

жениях национального уголовного права, недостаточно, чтобы показать настоящие причины современного терроризма. Если бы эти методы были и эффективно работали, то можно было бы увидеть коренные причины терроризма и то, что это все-таки социально-политическое международное явление.

Помните, в 60-е годы XX века в разных странах действовали террористические организации – «Красные бригады» в Италии, «Аксон-директ» во Франции, Фракции Красной армии в Японии, РАФ и Баадер-Майнхофф в Германии и др. Следует обратить внимание на такую простую вещь. На мой взгляд, именно в то время криминология в целом правильно оценивала такой терроризм, как акты терроризма, как террористические акты. Правоохранительные системы государств (Франции, Германии, Италии) успешно справились с этим терроризмом. Международное сообщество в лице своих органов в то время лишь символически принимало участие в борьбе с терроризмом. Это не был системный терроризм, он не позиционировался как социальные конфликты, широкой социальной поддержки он не имел. Это были студенческие интеллигентские организации, которые в обществе не находили поддержки. Однако со временем терроризм трансформировался, а криминология продолжает оперировать старыми методами. Но возникает вопрос: почему криминология «не работает» и в достаточной мере не исследует коренные причины современного терроризма?

Террористические группы демонизируются, международное право обрушивается по сути лишь на простых исполнителей, а терроризм продолжается, расширяется. Взглянем, к примеру, на ситуацию в Иране. Конгресс США признал, что ввод войск в Ирак американцами – ошибка. Барак Обама, вступая в должность президента США, также признал эту ошибку. Но парадокс в том, что право, как раз и обрушивается исключительно на боевиков, на террористические организации, на тех, кто, как раз и исправляет эту «ошибку». Да, «исправляют» они ее преступным образом и зверским способом – это тоже преступление по международному праву, но в данном случае присутствует и вторая сторона этого кровавого оча-

га. Спрашивается, почему криминология не изыскала соответствующие инструменты, не спродуцировала и не рекомендовала нормы, которые охватили бы конфликт полностью, а своей настоящей направленностью она по сути вносит лишь дополнительную конфликтность. Поэтому следует акцентировать внимание на том, и меня поддерживает в этом, в частности, д.ю.н. Н.А. Зелинская, что должно быть четкое название соответствующего направления в криминологической науке: и предмет другой, и методы исследования международной криминологии отличные.

О.М. КОСТЕНКО:

Які існують специфічні методи в міжнародній кримінології?

В.Ф. АНТИПЕНКО:

Метод террористической асимметрии, метод военизированной оценки терроризма, метод, базирующийся на совокупной оценке субъекта состава международного преступления терроризм. Все они дают другое видение террористического конфликта. Международная криминология, давая оценку терроризму как самодостаточно-му, совокупному явлению использует методы смежных в основном международных наук: геополитический метод, геоэкономический метод, метод, базирующийся на международной социологии, конфликтологический метод и т.д. Ведь традиционная криминология, на мой взгляд, фактически не использует арсенал этих смежных гуманитарных наук.

Также необходимо отметить, что в международно-правовых актах середины 70-х годов XX века упоминание о бедности как коренной причине терроризма встречается все реже и затем через три-четыре сессии Генассамблеи ООН об этом забыли вообще. Но сейчас на саммитах «большой восьмерки», «двадцатки» на повестке дня первым пунктом рядом с терроризмом стоит именно проблема бедности. Международное право в данном случае также должно адекватно отреагировать.

О.Ю. ШОСТКО:

Чи вважаєте Ви тероризм в Україні нагальною проблемою?

В.Ф. АНТИПЕНКО:

Системного тероризму в Україні немає, але як держава, що входить до міжнародного співтовариства, Україна вже сьогодні повинна готуватися до боротьби і запобігання йому з точки зору побудови повноважних органів, і з точки зору регламентації права у сфері боротьби з тероризмом. В даному аспекті в Україні у даній сфері все гаразд, в цьому мене підтримують присутні тут на Круглому столі мої колеги з Національної академії Служби безпеки України, кандидати юридичних наук, І.М. Рижов і В.І. Строгий, старший викладач О.Г. Семенюк. В Україні діє і АТЦ, і спеціальний антитерористичний закон.

О.Г. СЕМЕНЮК:

В Україні тероризму немає на сьогоднішній день, але є всі передумови для того, щоб він був використаний. Взагалі, тероризм не виникає на пустому місці, тероризм розвивається в результаті якихось конфліктів і сьогодні в Україні існують такі конфлікти, розв'язання яких може здійснюватися терористичними методами. Також є зовнішня загроза, що тероризм буде занесений на нашу територію певними державами, для яких Україна має певний інтерес. Тому треба своєчасно вживати заходів по локалізації всіх можливих конфліктів, усуненню негативних факторів, які можуть бути використані саме для зародження цієї небезпеки на теренах України.

О.Ю. ШОСТКО:

і не вважаєте Ви, Володимир Федорович, що назва «Міжнародна кримінологія» не має права на існування?

В.Ф. АНТИПЕНКО:

Я не вважаю себе сильним науковцем у сфері термінології. Для мене більш важливий сам зміст. Корінні причини тероризму відомі,

але кримінологія на них не вказує і, відповідно, не досліджує. Вона з очевидністю не в змозі це зробити, не визначивши специфіку предмету і не оволодівши специфічними міждисциплінарними, міжнародними методами. Вважаю, що зазначену специфіку найбільш вдало відображає саме термін «міжнародна кримінологія», а у сфері боротьби з тероризмом – «міжнародна кримінологія тероризму».

О.М. КОСТЕНКО:

Можливо цей напрям в науці потрібно називати не міжнародна кримінологія, а міжнародна конфліктологія.

В.Ф. АНТИПЕНКО:

Я веду мову про специфічний інструментарій, який характеризує цей напрям у науці.

О.М. КОСТЕНКО:

Це технологічний інструментарій?

В.Ф. АНТИПЕНКО:

Я ни в коем случае не имею цели расколоть криминологию как науку. Я выступаю за ее единство, но криминология должна адекватно реагировать на действительность, на реальность.

Что же касается предложения назвать её террорологией, то это не совсем правильно. Террорология – это наука о терроризме. О терроризме ли? Корень слова – террор, но она может быть наукой о терроре, о терроризме, о террористической деятельности, а между ними все-таки существует разница. Международная криминология – это прежде всего наука о причинности терроризма. Конечно, можно согласиться с тем, что не следует под каждое преступление делать свою науку. Под каждое преступление строить науку криминологии невозможно, но терроризм – это исключение, это явление, которым охвачен сейчас весь мир. И заметьте, что жертвы не очень то и большие, но огромен потенциал терроризма, его доступность и эффективность, неисчерпаемы средства исполнения и арсенал

средств борьбы и жертв, в число которого входим и мы с вами. По отношению к любому из нас в любой момент может быть совершен теракт. Терроризм доступен, эффективен и позволяет вести соответствующую асимметричную борьбу с любым экономически сильным противником. Это ставит терроризм в особый ряд. Терроризм вызван социально-экономическими причинами, но в отличие от транснациональной преступности, он вышел из социума и посягает на всю систему отношений, в том числе и отношений международного сообщества. Я не считаю, что есть основания причислять терроризм к одной из разновидностей транснациональной преступности.

Прежде, чем предоставить слово В.И. Оноприенко, хочу напомнить, что для того, чтобы разобраться в сути обсуждаемого вопроса, необходимо ответить на три вопроса. Первый: что такое наука криминология? Второй: есть ли объективные условия для выделения международной криминологии? Третий: будет ли польза от этого для криминологии вообще и для международного уголовного права в частности?

В.И. ОНОПРИЕНКО:

Свое выступление я хотел бы посвятить методологическим и науковедческим подходам к международной криминологии. Речь идет об обосновании в ряде работ В.Ф. Антипенко новой ветви криминологии – международной криминологии терроризма.

Убедительно показано, что международные преступления не происходят от уголовных преступлений, пришедших в международное право из национального уголовного права; чаще всего международно-правовой акт в отношении этих деяний является первичным. Криминология в этом случае вынуждена выходить за пределы традиционной методологии и предмета, с которым связана уголовная преступность, в том числе и транснациональная. Терроризм как нестандартное международное преступление кладется в основу при обосновании международной криминологии.

Проблема состоит в том, что терроризм не имеет определенного уголовно-правового «статуса» по международному праву. Необходи-

димо определить понятие терроризма как международного преступления и выявить причинность его возникновения.

Перспективным, на мой взгляд, является выстраивание аргументации относительно научного статуса международной криминологии терроризма на основании положений предлагаемой автором конфликтологической концепции терроризма как социально-правового явления, олицетворяющего конфликт противоборствующих сторон на глобальном уровне с необычным асимметричным типом социальных отношений. Террористические акты рассматриваются как такие, что вносят радикальные изменения в представления о праве силы, характеристике власти, господства и других понятий социальной жизни.

Сильной стороной авторской аргументации в пользу выделения направления международной криминологии терроризма является выявление причинных связей международного терроризма с социально-экономическими и политическими последствиями глобализации. Эффективными для преодоления этого преступного явления могут быть лишь комплексные меры, в основе которых лежали бы политические решения и существенные экономические перемены, обеспеченные соответствующим международно-правовым регулированием. Терроризм состоялся благодаря асимметричному средству борьбы в условиях, когда сложилась и стала очевидной разница в развитии регионов планеты с наличием цивилизационно-культурного контекста, а также с осознанием, что иным способом противоборства преодолеть эту разницу невозможно. За пределами действия международного права остается мощный глобальный механизм продуцирования терроризма, в основе которого лежат различия интересов государств, групп государств, цивилизационных объединений.

Отсюда выводится необходимость формирования международного криминологического направления, целью которого должна стать разработка глобализационных методов исследования феномена терроризма, которые осуществляются в научных категориях, отражающих мировые проблемы.

Вполне уместно и положение, опровергающее абсолютную аномальность терроризма, и устанавливающее связь терроризма с социальной асимметрией и поляризацией, которая продуцируется глобализацией мирового хозяйства. Это положение весьма актуально для определения предмета международной криминологии терроризма.

На мой взгляд, концепция обоснования статуса международной криминологии представлена доказательно и убедительно. Но есть необходимость и кратко сформулировать некоторые проблемы, с которыми она может встретиться.

Мне представляется, что в криминологии и в юридических науках вообще, где формально-логические и дискурсивные практики не просто развиты, но доминируют, ко всяким новациям относятся очень настороженно и с опаской и для этого есть основания. Проведение представленных, безусловно, прогрессивных, но радикальных, идей может встретить сопротивление и, возможно, непонимание.

В концепции справедливо указывается, что формирование понятийного аппарата международной криминологии терроризма следует проводить на путях синтеза категорий геополитики, геоэкономики, социологии международных отношений, культурологии, конфликтологии, военной науки. Это вполне справедливо, но мне представляется, что это нетривиальная и трудоёмкая задача, в каждом случае с достаточно неопределённым исходом. По-моему, с этим уже столкнулся автор, когда транслировал для своих целей аппарат социологии конфликта.

Особую трудность представляет именно интеграция, синтез концептуального аппарата из самых разных областей науки. Такая задача выходит за пределы возможностей одного специалиста и требует объединения, кооперации усилий заинтересованных исследователей. Я полагаю, что именно об этом должна идти речь – о формировании поначалу «невидимого колледжа» единомышленников, разрабатывающих постепенно кристаллизующуюся актуальную проблему, которая со временем займет свое место в классификации наук.

В итоге я хотел бы поддержать этот оригинальный проект, который акцентирует внимание на одной из самых актуальных глобальных проблем. Именно актуальность проблемы, ее приоритетность, в значительной мере компенсирует некоторые сомнения относительно аргументации статуса и траектории развития этого нового направления.

Сама идея поддержать новое направление достаточно интересная. Здесь есть определенная концепция и ее некоторые позиции представляют определенный интерес. Хотелось бы акцентировать внимание на основных аспектах криминологии.

Например, концепция конфликта. Еще один аспект, который следует отметить – это то, что главным образом на фоне обсуждаемой темы решаются глобальные экономические, политические вопросы. Я думаю, этот аспект следует иметь в виду.

Сейчас, говоря о криминологии, доминируют разные факторы. Вот вы сегодня могли услышать всякого рода мысли и рекомендации по этому поводу от Александра Николаевича Костенко и я их полностью разделяю. На данный момент происходит формирование понятийного аппарата в международной криминологии в методологическом плане, это касается: международных отношений, международной политики, культурологии и т.д. Прежде всего, необходимо адаптировать понятийный аппарат к криминологии. Это уже само по себе нетривиально. Главная проблема такова, что на основании разных подходов нужно создать новый понятийный аппарат, кроме того, он должен быть системным, не просто конгломератом, а именно системой. Но в нашей конкретной проблеме данный аспект проходит очень сложно. Возможно, что очень легко воссоединить разные области знаний и понятий, и вот отсюда у меня есть вывод относительно возникновения нового направления.

Может быть Владимир Федорович Антипенко опережает события, но в принципе, его стремление понятно. Ему хочется консолидировать профессионалов разных областей для решения глобальных проблем. Мне кажется, это вполне реально, поскольку процесс возникновения новых направлений в науке сопровождаются

не вполне устоявшиеся понятия и в последующем появляются идеи, что и способствует возникновению какого-то направления.

Мы сегодня также представляем некий центр координации идей, конечно, они требуют активного обсуждения и главный результат выходит из того, что появляются новые идеи, которые консолидируют людей и эта тема действительно актуальна. И я полностью согласен с проектом, который представляет глобальные проблемы.

В.Ф. АНТИПЕНКО:

Главный вопрос состоит в том, чтобы соответствующий потенциал отдельных дисциплин и их наработки могли быть сфокусированы на существо обсуждаемой проблемы для её решения. Просматривается ли перспектива в этом направлении, нам расскажет Ирина Дмитриевна Дячук.

И.Д. ДЯЧУК:

Проблематика этого вопроса является достаточно актуальной. Вообще, нас с вами объединяет одно дело, одно направление – международные отношения. Я хотела бы акцентировать внимание на проблеме международной преступности, включая такое её явление, как терроризм. Эта проблема рассматривается в рамках международного права, международных отношений, международной экономики.

Теория науки, в данном аспекте, предоставляет нам разные подходы к решению вышеуказанных проблем. При распространении международных преступлений происходит трансформация общества. Международная преступность распространяется настолько быстро, что приобрела глобальный характер.

Направление в науке, которое мы сегодня обсуждаем, бесспорно принадлежит к классу междисциплинарных исследований.

Прежде всего, здесь предполагается осмысление причинности международной преступности и, в частности, такого её явления как терроризм, за рамками традиционной криминологии.

Это проявляется в постановке проблем исследования, в подходах к их решению и даже в попытках оценки с позиций теорий мирового развития.

Кроме того, в данном случае можно говорить и о появлении новых дисциплин на стыке связей между различными теоретическими подходами и отраслями социальных наук, которые сегодня могут быть крайне полезны в процессе изучения курсов международного права, международных отношений, международной экономики и бизнеса.

Примером плодотворного развития новой дисциплины на базе междисциплинарности, по мнению многих учёных является синергетика.

Претендуя на статус универсального обобщения в описании процессов реального мира, эта концепция колоссальной обобщающей силы касается в том числе и относительно важных аспектов механизмов трансформации общества.

Международная преступность в современном мире, как считает автор рассматриваемого подхода, имеет в своей основе неравновесность глобальных процессов в распределении ресурсов и общественных благ, насильственное удержание приоритетных позиций государствами-технологическими лидерами.

Другими словами говоря, это рефлексия на глобальные противоречия в общественном мироустройстве, что в реальности результирует протест и стремление выхода из замкнутого круга бедности и социальных ущемлений.

Для нахождения путей борьбы с международной преступностью и, в частности, с таким её проявлением как терроризм, необходим синергетический принцип, предполагающий обобщение на уровне глобальных процессов, что также создаёт предпосылки для возникновения теоретической базы международной криминологии.

Известный в научных кругах российский учёный-криминолог Виктор Лунеев в авторском курсе мировой и российской криминологии заметил: «Криминологию не освоишь на основе знаний уголовного права и других юридических дисциплин. Она находится

в тесной предметной связи с многими науками: экономикой, демографией, социологией, психологией, философией, статистикой, педагогикой, математикой, информатикой и другими. В отличие от правовых наук, где доминируют принятые законодательные национальные основы, криминология интернациональна».

Именно интернациональный характер многих научных проблем криминологии определяет в ней международное направление, которое помещают в центр междисциплинарных исследований. В Институте международных отношений такая проблематика может стать одной из основных в научном межкафедральном сотрудничестве, в частности, в исследовании причин и проявлений кризиса в мировом развитии, исследовании проблем безопасности в аэрокосмическом секторе, исследовании теневых проявлений в международном бизнесе.

В своём исследовании Антипенко В.Ф. применяет различные приёмы междисциплинарного подхода. Это, прежде всего, метафоризация, которая очень важна в эвристическом плане для поиска нетривиальных объяснений причинности международной преступности. Так, терроризм выступает объективным явлением социальной жизни общества, разделённого на цивилизационные кланы, с последующим нарушением прав человека и дискриминационной политикой в отношении определённых государств, наций и народов. Автор использует эвристический потенциал системного подхода, объясняя объективные факторы идейной базы терроризма.

Антипенко В.Ф. применяет различные языки для описания сегментов сложного комплекса правовых проблем современных международных отношений. Например, исследование природы террористического конфликта на различных стадиях и участках анализа сопровождается использованием понятий, терминологией и концепциями конфликтологии, экономики, психологии, социологии, политологии и других наук. Особую роль в этих проявлениях междисциплинарности играет категориальная база и методы обоснования гипотез и выводов.

Но это не эклектический набор, а выстроенный комплекс специализированных подходов и методик. Я думаю, что эта версия междисциплинарного подхода может быть плодотворной, применительно к дискурсу общих проблем международной безопасности, в том числе и в высокотехнологическом секторе экономики, к которому относится и аэрокосмический комплекс.

Автор не только пользуется категориальным аппаратом смежных наук, он фактически создает новый синтез в научном осмыслении глобального явления, каким, в данном случае выступает международный терроризм.

Новая семантика выражается во введении и определении новых понятий, описывающих фактически новую реальность.

В исследовании В.Ф. Антипенко это понятия террористической асимметрии, глобального антитеррористического конфликта, совокупного субъекта состава международного преступления терроризма и др.

Можно сказать, что степень междисциплинарности – фактически отражает нарастание семантического в схематизме связи и переходов между описаниями различных предметных областей. В наиболее зрелом случае речь идет об образовании принципиально новой предметной области – создании нового направления в науке.

Обобщая вышесказанное, следует признать, что междисциплинарный подход не является «сборной солянкой». Разноплановость рассмотрения гипотез продуктивна только в ситуации определения проблемного поля исследований, но, после конкретного выбора, следует двигаться в соответствующем русле.

С точки зрения шкалы междисциплинарности, на одном полюсе которой – в той или иной степени расположена интегрированная мозаика дисциплинарно точных описаний и объяснений, а на другом – некий новый синтез, новые фундаментальные идеи, международная криминология находится в стадии создания интегративной схемы – очерчивания собственных границ и формирования пограничных проблем и теорий. Впереди – большое будущее, которое может быть развито только научной школой, которая фактически начала фор-

мироваться на кафедре, возглавляемой В.Ф. Антипенко. Одной из задач этой школы может стать достижение второго полюса шкалы междисциплинарных исследований – возникновения и развития новой научной дисциплины.

В.Ф. АНТИПЕНКО:

Думаю, що виражу спільну думку щодо задоволення сьогоднішньою дискусією. Безумовно, постановка проблеми обґрунтована. Результати міжнародних гуманітарних наук для кримінології слід втілювати на системній основі. Бажано це робити в рамках окремого напрямку в науці. Безспірно і те, що ефективні нормотворчі рекомендації з боку кримінології щодо боротьби з тероризмом можливі в умовах певної специфіки і специфіки самої кримінології в цій сфері.

Шановні колеги, я дещо упереджував події і керівництво Національного авіаційного університету пішло нам назустріч і затвердило на кафедрі спецкурс «Міжнародна кримінологія тероризму». Я читаю зараз цей спецкурс. Він складається із загальної і особливої частини. У загальній вивчається наука кримінологія, основи кримінологічної теорії, злочинності та її причини. І міжнародна кримінологія тероризму як окремий напрямок. Особлива частина орієнтується на методи, які я вам сьогодні називав: конфліктологічний підхід до детермінації і причинності тероризму, геополітика тероризму, соціологічне бачення тероризму, культурологічний підхід до визначення причин тероризму, геоекономічний підхід до детермінації тероризму, міжнародне антитерористичне право і упередження тероризму, теорії світового розвитку і міжнародна кримінологія тероризму тощо. Я вважаю, що студентами це сприймається з цікавістю, дискусії йдуть в нас і на лекціях, і на практичних заняттях. Відбувається вдосконалення думки і це також дуже корисно. Все це у підсумку дозволяє оптимістично дивитись у майбутнє. Тут присутні представники нашої кафедри. Вважаю, що нашій кафедрі вдасться сформулювати основні ідеї заданої теми у спільній монографії.

О.М. КОСТЕНКО:

Безумовно, поза всяким сумнівом є напрям дослідження і цей напрям дає загальну теорію, це надзвичайно актуальне і предметне дослідження. Шляхи його дослідження дуже різні. Хтось вибрав один шлях, хтось – інший.

В.Ф. АНТИПЕНКО:

Дякую всім, предмет для вдосконалення зрозумілий, кінцевий висновок ще попереду.

АНТИПЕНКО В.Ф.

*доктор юридичних наук, завідувач кафедри міжнародного права
Інституту міжнародних відносин
Національного авіаційного університету;*

АНТИПЕНКО А.В.

*студентка Московського державного інституту
міжнародних відносин (університету) МЗС РФ*

МІЖНАРОДНА КРИМІНОЛОГІЯ ТЕРОРИЗМУ: ПРОБЛЕМА ВИОКРЕМЛЕННЯ

Динаміка перетворень тероризму і їх зміст складають феномен, що пов'язаний з надзвичайною небезпечністю цього міжнародного злочину, його практичною невразливістю і маловитратністю. До цього слід додати феноменальне поширення соціальної бази тероризму, його питомого середовища.

Отже виникає питання, чи в змозі традиційна кримінологія, яка сформована на базі внутрішнього кримінального права і яка в основному слугує вирішенню завдань по забезпеченню його дієвості, повною мірою дослідити генезис і причинність такого неординарного міжнародного за своєю сутністю злочину як тероризм?

Відповідь на це запитання існує. Її можна віднайти, якщо вийти за межі традиційної методології кримінологічної науки. Відповідь полягає в розробці первинних чинників криміногенності, що йдуть від глобалізації і системної кризи світогосподарства, яка супроводжує її негативні чинники. Це утворює особливу методологію і науковий інструментарій, які слід «адаптувати» до кримінології.

Попередні авторські дослідження [1] дають підґрунтя вважати, що для пізнання тероризму з метою розв'язання глобального терористичного конфлікту кримінологія змушена виходити за межі традиційної методології і наукового інструментарію. Предмет її дослідження лежить у дещо іншій площині, ніж та, що притаманна кримінальній злочинності, у тому числі й транснаціональній.

Наукову аргументацію щодо міжнародної кримінології тероризму доцільно формувати на основі положень авторської конфліктологічної концепції тероризму як злочинного соціально-правового явища, що уособлює конфлікт глобальних протиборчих сторін [2].

Отримані результати передбачається опрацьовувати за критеріями кримінологічної науки з метою формування базового висновку про наявність підстав для виокремлення специфічного напрямку у кримінології – міжнародної кримінології тероризму.

Слід зауважити, що поставлене завдання не з легких. З одного боку, тероризм як підстава для утворення окремого напрямку в кримінології, не має певного кримінально-правового за міжнародним правом «статусу». З іншого боку, саме «терористична» специфікація науки кримінології, яка передбачається у якості причинності виникнення тероризму і визначення поняття цього міжнародного злочину, підлягає доведенню і формуванню. Але якраз симбіоз становлення цих двох взаємозалежних соціально значущих величин робить можливим затвердження в правовій науці кожної з них.

І це не випадково. Всупереч прийнятому у соціології способу характеристики конфлікту, виходячи з суб'єкта конфлікту та його об'єкта, терористичний конфлікт визначається також і іншою важливою складовою: засобом боротьби, що в ньому застосовується. Соціальний феномен терористичних методів боротьби полягає у тому, що вони визначають, у тому числі і на глобальному рівні, незвичайний асиметричний тип соціальних відносин. Такі методи (зважаючи на їх підступність і жорстокість) роблять співставними можливості протиборчих сторін, які у реальності критичним чином відрізняються за своїм економічним потенціалом. Терористична тактика, отже, вносить радикальні зміни до певних уявлень у суспільстві про право сили, характеристики влади, панування і інші поняття, які визначають структуру і зміст соціального життя у світі. Сам же терористичний метод боротьби (терористичні акти) детермінується політичними умовами і соціально-економічною поляризацією як на національному, так і на міжнародному рівні.

Визнаючи вияв тероризму як крайню форму соціального сигналу, міжнародна кримінологія тероризму поряд з традиційними задачами покликана створювати науково-дослідницькі можливості для визначення умов соціального консенсусу у міжнародному суспільстві і опрацювання міжнародних кримінально-правових механізмів забезпечення цього процесу.

За визначенням саме в межах міжнародної кримінології тероризму з'ясовуються складові системної кризи, які викликали до життя терористичні акти, як вкрай асиметричний спосіб протесту. Ці складові відбивають сутність сучасного світоустрою, в основі якого містяться цінності ліберального капіталізму, і пов'язані з полярністю результатів глобальної економіки для соціальних мегагруп, які визначені як сторони глобального терористичного конфлікту.

Звідси вирішення проблеми тероризму слід пов'язувати з новими принципами організації світогосподарства і відповідними міжнародними відносинами. Соціальне походження тероризму вказує на те, що ефективними для здолання цього злочинного явища можуть бути комплексні заходи, в основі яких лежали б політичні рішення і суттєві соціально-економічні зміни, забезпечені відповідним міжнародно-правовим регулюванням.

Викриваючи феномен тероризму, який поєднує його надзвичайну небезпечність і, в той же час, важливу для міжнародного співтовариства роль, міжнародна кримінологія тероризму мусить обґрунтувати необхідність і спонукати до здійснення спеціалізованих фундаментальних досліджень у таких значущих сферах науки, як геоелектроніка, геополітика, конфліктологія, соціологія міжнародних відносин, культурологія, військова наука та ін.

Проблема у тому, що криміногенність, криміногенні чинники і фактори тут набувають нових незвичних для кримінології форм і «образів». Кримінологія немов би не помічає (а може й не здатна помічати) їх присутність у міжнародному соціальному житті, не реагує своєю дослідницькою увагою на ці чинники, а отже, міжнародне кримінальне право не отримує адекватних обґрунтувань і рекомендацій

щодо змісту міжнародної нормотворчості і кримінально-правового контролю.

Серед сучасних наукових проблем кримінального циклу особливе значення в структурі негативних наслідків глобальних змін мають криміногенні та інші кримінологічно значимі наслідки глобалізації, які потребують адекватної кримінальної політики і кримінально-правового контролю як нових, так і традиційних форм суспільно небезпечної поведінки [3, с. 10].

Не набули кримінологічного «статусу» і відповідних міжнародних кримінально-правових наслідків такі криміногенно гострі проблеми міжнародного життя як соціально-економічний рівень населення; проблема економічного паразитування квазіекономіки і особливо руйнівної для світового господарства діяльності ринку фінансових спекуляцій; ерозія державницької основи світового облаштування і як наслідок – послаблення можливостей національних урядів в управлінні суспільством, запобіганні злочинності; загроза збереженню самобутності (а, можливо, існуванню) цивілізаційних культур; загроза глобальної кримінальної анархії, а особливо встановлення регулятивності соціального життя на терористичній основі і т. ін.

Окрім цього, поза увагою міжнародно-правового впливу і навіть міжнародної моралі залишається значна кількість чинників, які за концепцією існуючої кримінології аж ніяк не підпадають під визначення кримінологічних. Це передусім стосується умов міжнародної торгівлі, доступу до ринків, оцінок робочої сили, безвізових режимів переміщення.

Кримінологічна увага до зазначених вище криміногенних і не криміногенних (на перший погляд) чинників убезпечила б міжнародне кримінальне право від неточностей і хибних норм та положень щодо транснаціональної злочинності і тероризму, що відбивається на ефективності протидії цим злочинам. Особливо це стосується тероризму, оскільки міжнародне антитерористичне право навіть не створює ознак для контрольованості тероризму, а в певному сенсі має контрпродуктивний характер [4, с. 373-407].

Коли йдеться про тероризм, його генезис, причинність та про створення дієвої системи боротьби з ним, то очевидним є те, що навіть рівня специфікації «міжнародна кримінологія» недостатньо для опанування його певною кримінальною політикою і кримінально-правовим контролем.

На відміну від транснаціональної злочинності, яка лише супроводжує інтернаціоналізацію економіки, тероризм зародився на ґрунті міжнародного засобу боротьби, коли склалася і стала очевидною різниця у рівні розвитку регіонів планети з наявністю культурно-цивілізаційного контексту, а також з усвідомленням, що у інший спосіб протиборства здолати цю різницю неможливо.

За межами дії міжнародного права залишається потужний глобальний механізм продукування тероризму, в основі якого лежать міждержавні стосунки, точніше відмінність інтересів держав, груп держав, цивілізаційних об'єднань.

Зміст чинних універсальних антитерористичних інструментів і навіть їхні назви (що націлюють на боротьбу з незаконними актами) зі всією очевидністю вказують на те, що дійсна міжнародна сутність тероризму, яка виражається у глобальному протиборстві соціальних мегагруп, що опинилися на полярно протилежних полюсах цивілізаційного розвитку, залишилась поза увагою кримінології. І це не лише не дивно, але й цілком закономірно: кримінологія, яка функціонує за методологією і в критеріях суспільно небезпечних неправомірних діянь (хай навіть і пролонгованих), відповідним чином і результує міжнародні норми, що зосереджені на придушенні таких діянь (актів).

Отже, кримінологія не виконала повною мірою свою функцію і не помістила в центр уваги міжнародної кримінальної політики дійсний міжнародний злочин – тероризм з його складним сукупним суб'єктом і підґрунтям соціального конфлікту глобального характеру.

Зважаючи на таку глобальність і виключну неординарність міжнародного злочину, тероризм, його подальше вивчення (що вкрай важливо) слід організувати, щонайменше, в рамках спеціалізованого напрямку кримінології – міжнародної кримінології тероризму.

В силу багатоаспектності, багаторівневості і глобальної масштабності міжнародного злочину тероризм, чинників його особливого характеру чимало. Але серед них слід виділити такі, що беззаперечно вказують на потребу у принципово відмінних від загальноприйнятих кримінологічних методів і підходів, які б не лише визначали антикримінальну і антитерористичну політику, а й обґрунтовували необхідність її трансформації до рівня геостратегії, яка передбачає політичні й соціально-економічні рішення з метою переоблаштування світової системи.

Звідси витікає потреба у формуванні особливого іншого змісту кримінології (кримінологічного напрямку), який передбачає відпрацювання новітніх «глобалізаційних» методів дослідження феномену тероризму. Тобто таких, що здійснюються у наукових категоріях, які охоплюють світові проблеми. Інша її відмінність полягає у «внутрішньому» розташуванні методології наук, суміжних з науками кримінального циклу (геоекономіки, геополітики, соціології міжнародних відносин, культурології та ін.), образно кажучи, всередині системи науки кримінології.

Тобто, взаємовідносини між кримінологією і зазначеними науками за схемою «замовник – підрядник – субпідрядник» в рамках міжнародної кримінології тероризму вже не можуть бути результативними, оскільки не дістають мобільності, цілеспрямованості і предметності її (схеми) дії. Це аж ніяк не вказує на ознаки поглинання кримінологією суміжних наук. Якраз навпаки, в кримінології антитерористичної спрямованості такі науки набувають нової політичної і соціальної значущості, актуального «звучання». Планетарна загроза, що йде від тероризму, в даному випадку вказує на потребу у перебудові наукових пріоритетів, висуваючи колишнього «замовника» на роль координатора і не посягаючи ні в якому разі на авторитет і унікальну у пізнанні тероризму роль кожної окремої науки.

Аналіз основ генезису тероризму, нормотворчої та правозастосовчої практики боротьби з ним дають підстави стверджувати, що навколо проблеми пізнання тероризму утворюється низка специфічних методів дослідження сутності цього міжнародного злочину,

причин його виникнення і ескалації та шляхів усунення з міжнародного життя.

Оскільки в основному лише за допомогою цих методів і підходів відкривається можливість дати адекватну оцінку тероризму, сформулювати його визначення і створити підґрунтя для відповідної міжнародної соціальної політики, кримінального контролю, а також міжнародної нормотворчої і правозастосовчої діяльності, є смисл виділити і об'єднати їх у форматі окремого напрямку кримінології – міжнародної кримінології тероризму.

Зосереджуючи у рамках такого науково-теоретичного структурування відповідні напрацювання і аналізи, це дозволить усунути розпорощення антитерористичних зусиль по чисельних галузях і напрямках як правової, так і суміжних з нею наук, і конструювати їх навколо пізнання і усунення глобального терористичного конфлікту, який є вираженням суті тероризму.

Не випадково кримінологічну основу пізнання тероризму й утворює конфліктологічний метод. Він базується на ґрунтовних положеннях теорії конфлікту, передусім тих, що розкривають його конструктивну складову, і дає ключ до визначення тероризму як протиборства соціальних груп, що базується на відмінності їх корінних інтересів. Конструкція такого глобального терористичного конфлікту відкриває можливість адекватної міжнародно-правової оцінки складових тероризму, кваліфікованих у праві як елементи складу міжнародного злочину тероризм.

Тим самим, утворюється підґрунтя для формування загальнопланетарного інтересу до глобального консенсусу, що знаходить міжнародно-правовий розвиток у спорідненому з конфліктологічним методом – методі, що базується на оцінці сукупного суб'єкта складу тероризму як злочину за міжнародним правом.

Метод оцінки тероризму, що виходить з кваліфікації сукупного суб'єкта складу його злочину, є ключовим міжнародно-правовим методом міжнародної кримінології тероризму. Він відкриває можливість пізнання юридичної характеристики цього злочину та механізму міжнародно-правового регулювання боротьби з ним. Це

утворює об'єктивний базис для формування міжнародного антитерористичного права як міжсистемної галузі міжнародного права.

Через конструкцію сукупного суб'єкта, уособлену протиборчою взаємодією його складових, утворюється основа для їх обоюдної криміналізації у рамках єдиного складу злочину тероризму.

Це сприяє формуванню спільного інтересу до здолаття тероризму і усунення його чинників, а також створює ситуацію правового стримування (на кшталт ядерного) тероризму. Зростання впливовості фактору міжнародно-правового стримування тероризму через конструкцію сукупного суб'єкта складу злочину відбуватиметься споріднено із зростанням технологічних можливостей ведення збройної боротьби і надає методу перспективи і дієвості у науково-теоретичному полі кримінологічних оцінок тероризму.

Пізнання ж тероризму з точки зору основ ведення збройної боротьби стає об'єктивною реальністю завдяки кримінологічному методу терористичної асиметрії. Метод виходить із опрацьованої автором теорії терористичної асиметрії [5, с. 23-64], яка розкриває передусім феномен асиметричності терористичного акту. Як основний метод боротьби терористичні акти надають їй крайньої іррегулярності (тобто, значною мірою нівелюють воєнно-економічну і технологічну перевагу противника), а також абсолютної ворожості і тотальності, оголюючи при цьому незворотні механізми системної кризи світоустрою і ставлячи під сумнів його економічну і соціальну життєздатність.

Метод терористичної асиметрії відкриває шлях для оцінки рівних можливостей протиборчих у тероризмі сторін, а від нього – основу для формування спільного інтересу до мирного розв'язання мегасоціального конфлікту. Іншими словами, цей ексклюзивний і притаманний лише міжнародній кримінології тероризму метод закладає основи утворення механізму політичного стримування ескалації тероризму і, відповідно, складових глобальної кризи, які він віддзеркалює.

Метод воєнізованої оцінки тероризму також красномовно підтверджує «претензії» міжнародної кримінології тероризму на статус

окремого напрямку у системі наук кримінального циклу. Тероризм потерпає змін у певних аспектах, серед яких найзначнішим є його воєнізація, яка відбувається, з одного боку, через взаємну асиміляцію терористичних і воєнних методів збройної боротьби. З іншого – тероризм частково опановує бойові методи дій, що притаманні повстансько-партизанській тактиці. Кумулятивний ефект від такого гримучого симбіозу виражається в тому, що терористичні акти, базуючись на ґрунті повстансько-партизанської тактики, набувають кваліфікованого апофеозного характеру. Це якоюсь мірою матеріалізує терористичну боротьбу, надає їй ознак і відчуття спорідненості з традиційними національно-визвольними рухами. Але, в той же час, це утворює додаткові (значні) кримінологічні можливості для проникнення в терористичні механізми з метою вивчення тероризму і організації кримінально-правового контролю за ним. Зокрема, «воєнізований» метод оцінки тероризму як різновиду збройного конфлікту, утворює підстави для стримуючого впливу на тероризм в категоріях міжнародного гуманітарного права і міжнародного права збройних конфліктів.

Нарешті, метод оцінки тероризму як самодостатнього соціально-правового злочинного явища надає міжнародній кримінології тероризму того ж самого сприйняття як самодостатнього напрямку у кримінологічній науці. На відміну від транснаціональної злочинності, яка є складовою світового соціуму, тероризм, породжений міжнародним життям, його соціально-економічними факторами у процесі глобалізації, став самодостатньою міжнародною силою, що претендує на регулятивну відносно світового соціуму функцію.

Тобто, тероризм прямо впливає і претендує на те, щоб визначати відносини держав і інших акторів міжнародного життя. З кримінальної проблеми, наслідку міжнародних соціальних і економічних відносин, він перетворюється в регулятор (причину), який змушує на даному етапі глобалізації до перегляду цих відносин.

Кримінологічний метод, що розглядається, віднесено до категорії притаманних лише міжнародній кримінології тероризму передусім тому, що він утворює можливості застерегти урядові сили, їх

правозастосовчу і воєнну систему від спокуси діяти традиційними антикримінальними способами. Зокрема, безперспективним видається шлях пожорсточення правових положень, насамперед національного законодавства. Найзначніша упереджувальна функція методу полягає в тому, що він допомагає через кримінологічну науку усвідомити іншу небезпеку – становлення на шлях адекватних з терористами, тобто, позаправових дій.

Зазначені й деякі інші специфічні кримінологічні методи базуються на загальних методах пізнання міжнародної злочинності у відповідності з певними міжнародними науками (геополітика, гео-економіка, соціологія міжнародних відносин та ін.), які лежать в їх основі. Якщо вважати кримінологію певною науковою системою, ці методи утворюють основний зміст підсистеми окремого наукового напрямку цієї кримінально-правової науки – міжнародної кримінології тероризму. Зазначені методи діють у корелятивному зв'язку, як і соціально-правові фактори, на яких вони базуються. Особливість методологічної основи даного наукового напрямку кримінології насамперед полягає у тому, що він заперечує абсолютну аномальність тероризму. Втім, констатуючи жорстокість і бузувірство, що супроводжує глобальний терористичний конфлікт, він відкриває конструктив цього явища, об'єктивність міжнародних політичних і соціально-економічних умов його виникнення, відповідність їх крайній жорстокості, дегуманізації і тій соціальній асиметрії і поляризації, що продукується глобалізацією світогосподарства.

Також глибоко специфічним є предмет міжнародної кримінології тероризму. Викладений вище і інший дослідницький матеріал, показує, що тероризм як предмет кримінологічної науки, постає у форматі двох складових. Однією з них є, власне, терористичні методи дій, тобто терористичні акти. Іншою складовою є економічні й соціально-культурні фактори, що спричинили світову кризу, які для потреб кримінології можуть бути з певною умовністю визначені як криміногенні чинники глобалізації.

Така характеристика предмету дослідження міжнародної кримінології тероризму відповідає міжнародно-правовій кваліфікації

складу міжнародного злочину тероризму і цілком диференціюється з визначенням його поняття.

Особливість такого предмету кримінологічної науки полягає у нерозривному, але протиборчому взаємозв'язку його складових. Причому ця протиборча взаємодія відбувається всередині предмету. Зазначені ж як його складова криміногенні чинники глобалізації надають криміногенного впливу не на тероризм (як підсумковий міжнародний злочин), а на терористичну діяльність у розумінні її як діяльності з організації і проведення терористичних актів. Що стосується тероризму як такого, то зазначені криміногенні чинники вкупі з терористичною діяльністю (через протиборчу взаємодію) утворюють цей міжнародний злочин.

Подібна внутрішньопредметна протиборча взаємодія зазначених його складових дає підстави для постановки питання про доцільність формування внутрішнього у рамках окремого напряму міжнародної кримінології тероризму, наукового інструментарію.

Цей інструментарій визначається вже відомими науками і науковими галузями, які вище наводились: геополітикою, геоекономікою, соціологією міжнародних відносин, культурологією, конфліктологією, військовою наукою та ін. Але для потреб зазначеного предмету дослідження, виходячи із його складної структури, науковий інструментарій, що формується на базі названих та інших наук, повинен носити також внутрішній характер. Тобто, продуктивно у антитерористичній сфері ці науки працюватимуть, якщо криміногенні чинники глобалізації вони розглядатимуть не як зовнішні чинники тероризму, але як елемент складу цього міжнародного злочину. Чинниками ж вони залишаються лише для терористичної діяльності.

Відповідно до цього виникає доцільність і антитерористичної специфікації цих наук шляхом виокремлення спеціалізованих напрямів. Власне кажучи, блок таких спеціалізованих для потреб дослідження тероризму і виокремлених в рамках «своїх» наук наукових напрямів, і утворює науковий інструментарій міжнародної кримінології тероризму.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Антипенко В.Ф. Современный терроризм: состояние и возможность его упреждения (криминологическое исследование). – К., 1998. – 190 с.; Антипенко В.Ф. Борьба с современным терроризмом. Международно-правовые подходы. – К.: Юнона-М, 2002. – 723 с.; Антипенко В.Ф. Теории мирового развития и антитеррористическое право. Логика сопрягаемости. – К., 2007. – 440 с.; Антипенко В.Ф. Оптимізація антитерористичної системи держави в умовах міжнародної і регіональної інтеграції. – К., 2008. – 406 с.
2. Антипенко В.Ф. Теории мирового развития и антитеррористическое право. Логика сопрягаемости. – К., 2007. – 440 с.
3. Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность. – М.: Норма, 2007. – 272 с.
4. Антипенко В.Ф. Борьба с современным терроризмом. Международно-правовые подходы. – К.: Юнона-М, 2002. – 723 с.
5. Антипенко В.Ф. Оптимізація антитерористичної системи держави в умовах міжнародної і регіональної інтеграції. – К., 2007. – 406 с.

АНТИПЕНКО В.Ф.

*доктор юридичних наук, завідувач кафедри міжнародного права
Інституту міжнародних відносин
Національного авіаційного університету*

МІЖНАРОДНЕ КРИМІНАЛЬНЕ ПРАВО І МІЖНАРОДНА КРИМІНОЛОГІЯ: ПРОБЛЕМА ВЗАЄМОЗВ'ЯЗКУ

Інтернаціоналізація міжнародного життя все значнішою мірою інтернаціоналізує злочинність як складову мегасоціальної системи, якою є міжнародне суспільство.

Зважаючи на потреби вивчення і упередження міжнародної злочинності це, в свою чергу, диктує необхідність для застосування потенціалу міжнародних наук насамперед гуманітарного циклу, що у сполученні з окремими неординарними методами дослідження

утворює ознаки специфічної, міжнародної за своїм науковим інструментарієм кримінології.

Для того, щоб визначитися з необхідністю і мірою виокремлення міжнародного напрямку у науці кримінологія, доцільно, на мій погляд звернутися до процесу кримінологічного пізнання такого «актуального» і вкрай небезпечного злочину як тероризм.

Передусім цьому сприяє значний науково-теоретичний матеріал, напрацьований у рамках міжнародно-правової боротьби з тероризмом. Є очевидним, що за умови певної систематизації цей матеріал набуває характеристик специфічної кримінології – міжнародної за своїм змістом.

Саме актуальність тероризму, його небезпечність для міжнародного суспільства змушує до пошуку і застосування нестандартних, не притаманних загальній кримінології міжнародно-кримінологічних методів пізнання причинності цього соціально-правового явища та його подолання.

Отже, через доведення наявності підстав для виокремлення (у будь-якій формі) міжнародної кримінології тероризму з'являється можливість наглядно і переконливо аргументувати спроможність і наявність підстав для відгалуження міжнародної кримінології взагалі.

З іншого боку, дослідження проблем незначної ефективності міжнародного антитерористичного права результує найбільш переконливі аргументи щодо прогалин у кримінології у цілому, які вказують на брак спеціальних (міжнародно-наукових) підходів і методів вивчення тероризму як злочину за міжнародним правом.

Звідси процес наукового пошуку ефективних міжнародно-правових механізмів боротьби з тероризмом об'єктивним чином виводить на нове бачення самої науки кримінології. В ній об'єктивним чином складаються міжнародні за своїм змістом і характером наукові підходи і методи дослідження найактуальніших злочинів, породжених (або адаптованих до рівня світової загрози) інтернаціоналізацією міжнародного життя. Міжнародність цих підходів і методів полягає передусім у тому, що вони базуються на напрацюваннях наук, міжнародний характер яких не викликає жодних сумнівів: міжна-

родне право, міжнародна економіка, соціологія міжнародних відносин, геополітика, конфліктологія, культурологія, воєнна наука та ін.

Природно, що проста сума або сукупність цих наук не утворює міжнародну кримінологію. Тому об'єктивним чином постає необхідність упорядкування певних науково-теоретичних надбань у зазначених і інших галузях міжнародної науки з метою створення системного кримінологічного бачення процесу виникнення і ескалації тероризму та інших тяжких міжнародних злочинів і визначення шляхів їх здолаття.

Оскільки специфічність наукової сфери, що підлягає упорядкуванню і систематизації, є очевидною, то найбільш перспективно і продуктивно це доцільно робити в рамках відгалуження міжнародної кримінології і виділення в ній окремого напрямку – міжнародної кримінології тероризму.

Встановлення спроможності міжнародної кримінології тероризму є найпереконливішою характеристикою спроможності міжнародної кримінології як відгалуження науки кримінології.

Тим більше, що кримінологія, яка оперує у міжнародній сфері, пов'язана передусім з міжнародним кримінальним правом, виходить із нього і базується на його змістовних характеристиках.

Звідси, певну заінтересованість складає стан вивченості і використання в науці і практиці таких основних категорій міжнародного кримінального права як міжнародна злочинність, міжнародно-кримінальна відповідальність держав як основних суб'єктів міжнародного права та ін., і, що важливо, роль і місце у цьому процесі кримінології. З погляду на обґрунтованість постановки питання про міжнародну кримінологію, слід усвідомити по-перше, наскільки обґрунтовані і усталені основні поняття і категорії, які утворюють зміст, предмет і метод специфічної галузі міжнародного права – міжнародне кримінальне право. По-друге, слід визначити потребу відгалуження для вирішення цих питань і межі його специфікації у кримінологічній науці, усвідомити, якою мусить бути така наука у міжнародному вимірі її застосування. По-третє, слід віднайти і визначити фактори зворотного впливу з боку міжнародного права на

кримінологію, специфічний міжнародний характер яких давав би підстави стверджувати, що у тандемі з міжнародним кримінальним правом у рамках наук міжнародного кримінально-правового циклу фактично оперує і мусить розвиватися відповідний напрям кримінології. Отже, саме у такій взаємозалежності і взаємообумовленості вбачається реальність функціонування складових зазначеного симбіозу: міжнародного кримінального права і міжнародної кримінології.

Дослідити вплив цих тенденцій на стан, зміст і розвиток міжнародного кримінального права серед правових наук здатна наука, яка, щонайменше, оперуватиме притаманним наук лише їй міжнародним дослідницьким інструментарієм, який, поряд з юридико-технічними, об'єднує категорії конфліктології, соціології міжнародних відносин, геоекономіки, геополітики, культурології, воєнної науки та ін. і базується на загальних засадах філософії. В той же час, вона не може відволікатися від «свого» специфічного предмету, який складає міжнародна злочинність. Такою наукою за логікою і за визначенням може бути міжнародна кримінологія.

Вивчення чисельних фундаментальних праць щодо глобалізації, які розглядають з позицій таких суміжних з правом наук, первинні «горизонтальні» (що зумовлюються вадами системи світоустрою) причини міжнародних злочинів мусить відбуватися у рамках кримінології іншого рівня ніж та, що досліджує вторинні фактори, які утворюють транснаціональну злочинність.

Відмінність такої кримінології полягає передусім у координаційному змісті її основного методу. Вона покликана надати кримінологічній спрямованості, а в подальшому – кримінологічній оцінці фундаментальним напрацюванням геополітики, політології, геоекономіки, міжнародної соціології, культурології, конфліктології та інших наук.

Фактично йдеться про наукове відгалуження у вигляді міжнародної кримінології. На відміну від підходів, що застосовуються у «загальній» кримінології, в центрі уваги тут постає держава (групи держав), криміногенність їх поведінки, а також криміногенність самої глобалізації.

Причому, цю криміногенність слід розглядати не як наслідок іманентної діяльності держави, такої науки, що пов'язана з недосконалістю структурно-функціональних елементів її внутрішнього облаштування. Йдеться передусім про трансцендентний аспект поведінки держави (держав), як учасниці міжнародних відносин і суб'єкта міжнародного права.

Зважаючи на координаційну сутність міжнародного права (на відміну від ієрархічного внутрішнього права), поведінка держави, що може утворити злочинність, розглядається з позицій оцінки додержання (чи недотримання) добровільно узятих державою на себе зобов'язань (кримінальність) або поза такими зобов'язаннями (криміногенність).

В силу відмінності міжнародного права як іншої системи права держава може відмовитись від узятих на себе зобов'язань або відмовитись від їх узяття взагалі (шляхом, відповідно, виходу з договору та неприєднання). Тобто держава може завчасно або у процесі участі в міжнародній нормі права декриміналізувати свою поведінку. У подібних випадках специфічною сферою міжнародної кримінології є визначення криміногенності поведінки держави поза її участю у міжнародній нормі (договорі), її оцінка не лише за еквівалентом основоположних принципів міжнародного права *jus cogens*, але й зважаючи на міжнародно-правові звичаї, традиції, норми міжнародної моралі.

Таким чином, через первинні суто міжнародні складові кримінологія отримує можливість з'ясування криміногенності поведінки держав і у цілому глобалізації. Це – по-перше. По-друге, «міжнародність» кримінології передбачає визначення змісту самої (міжнародної) криміногенності. По-третє, є очевидним, що держава може декриміналізувати криміногенні фактори міжнародного характеру. Поряд з цим первинні «горизонтальні» складові міжнародної злочинності вона «скасувати» не може, для цього потрібен час і високий ступінь міждержавної консолідації. Такі глобалізовані умови міжнародної практики передбачають відмінність у підходах криміноло-

гії до визначення критеріїв їх криміногенності. Тобто, вони й утворюють міжнародну специфіку кримінології, складають її предмет.

Адже сьогодні держава – основний діючий на міжнародній арені суб'єкт міжнародного права, тому природно, що від її поведінки залежить можливість реалізації відповідальності за міжнародним правом.

Вивчати цю особливу за змістом і масштабом поведінку на потреби упередження міжнародної злочинності мусить особлива, а, точніше, інша за змістом і масштабами кримінологічна наука – міжнародна кримінологія.

Міжнародна кримінологія зі своїм науковим інструментарієм глобального характеру покликана «вивести» державу із тіні в сфері причинності міжнародної злочинності і надати тим самим предметності міжнародному кримінальному праву. Там, де державодетермінантний підхід хоча б започатковувався і держава у системі глобальних взаємозв'язків визнавалася субстанцією, здатною продукувати злочинність (при тому, що це злочинність, безумовно, особлива), утворюється перспектива новітнього бачення механізмів міжнародної злочинності і шляхів ефективної протидії їй через надання нового змісту інституту відповідальності держави, в тому числі кримінальної.

За браком міжнародної кримінологічної спеціалізації, за межами уваги кримінологічної науки (а отже і міжнародного права) залишається (або відслідковуюється через перекручені оцінки їх сутності) низка детермінантів міжнародної конфліктності, що утворює зростання загроз міжнародному миру і безпеці.

Зокрема, видно, що концепція міжнародної злочинності держави розвивається однобічно у дуже небезпечному напрямі, а саме: криміногенні чинники цієї сфери міжнародного права формуються навколо держав, що зосереджуються в основному у регіонах «третього світу».

Фундаментальні і міжнародно-кримінологічні дослідження цих проблем могли б покласти край нарощуванню другорядності міжнародного кримінального права, яке зосереджує не дуже малое-

фективний потенціал на злочинних проявах наслідкового характеру (контрабанда зброї, наркотизм, торгівля людьми і людськими органами, піратство, злочини на сексуальному ґрунті та ін.), залишаючи недоторканою дійсну міжнародну криміногенну зону ліберального глобального капіталу, який, потерпаючи глибоку кризу, як основа світосистеми продукує міжнародну злочинність і міжнародну терористичну конфліктність, дивним чином переводячи їх детермінантність на негаразди «третього світу».

Зауважимо про особливу позицію тероризму щодо глобальних кримінальних схем.

Сформувавшись на засадах заперечення і перешкодження деградації країн «третього світу», тероризм, по суті, протидіє і транснаціональній злочинності, яка є вагомим чинником цієї деградації.

Зрозуміло, що дослідити цю складну глобальну, передусім соціально-політичну і геоекономічну проблему в рамках існуючої кримінології з її геополітично незаангажованим інструментарієм внутрішнього походження і, в основному, внутрішнього призначення, не видається за можливе.

Застосування кримінологічних критеріїв національного і навіть міждержавного характеру проблеми пізнання механізмів криміногенності тут (явно міжнародної) не вирішує.

Опанувати її для потреб кримінології можна лише, прибігаючи до кримінологічних методів і інструментів, природа яких зовсім інша – вона формується і виражається в категоріях глобального суспільства, як соціально-господарської цілісності. Складності тут додає та обставина, що закономірності (або хоча б засади) функціонування і розвитку цього глобального суспільства, принаймні, у науково-теоретичному плані не з'ясовані. Це очевидно підтверджується розгубленістю науки перед лицем необхідності оцінювати кризу глобальної світосистеми. Втім, наукові пошуки відповідей на запитання, які ставить глобалізація світу, ведуться комплексом наук передусім гуманітарно-правового спрямування. Сама криза системи світогосподарства як продукту глобалізації, оскільки вона супроводжується сплеском активності міжнародної злочинності, міс-

тять підстави для уваги з боку кримінології. Вивчати ж повноцінно криміногенність певних елементів глобалізації кримінологія може, лише посівши своє ключове місце в зазначеному комплексі міжнародних наук, як органічна складова науково-теоретичної системи.

Відповідно, можливості кримінології як елемента такої системи (комплексу) відчутно зростають за рахунок дії корелятивних зв'язків і взаємозбагачення співпрацюючих наук.

Це означає, що кримінологія, яка досліджує міжнародну злочинність, особливо в умовах глобалізації світу і системної кризи глобальної економіки, не може не бути за своїм змістом наукою міжнародною. Реалізація ж міжнародного змісту кримінології доцільна у форматі відгалуження від кримінології – міжнародної кримінології. Це не порушує цілісності науки кримінології, оскільки зберігає її загальні методологічні засади, цілі і завдання. В той же час, дає можливість, вслід за відгалуженням (в силу своєї міжнародної специфіки) від загально кримінальної злочинності злочинності міжнародної, створити цільові предметні умови для її пізнання і кримінологічного опрацювання. Втім, помилкою було б вважати, що достатньо оновити цей інструментарій, надати йому міжнародного виміру, визначити завдання глобального характеру і кримінологія охоплюватиме своєю науково-дослідницькою увагою і методологічними можливостями фундаментальні проблеми міжнародної злочинності.

Скоріше за все йдеться про відгалуження у розумінні його науково-теоретичного характеру, що супроводжується створенням наукових елементів системи кримінології, в центрі уваги якої, поперше, мусить знаходитися держава і окреслене державною оболонкою певне соціальне суспільство. Причому для міжнародної кримінології ця двоєдина субстанція мусить бути цікавою не як об'єкт, а, здебільшого, як суб'єкт міжнародної злочинності.

По-друге, найактуальнішим предметом дослідження міжнародної кримінології повинна стати сучасна світосистема як мегасоціальна цілісність з її домінуючою ліберально-демократичною моделлю облаштування світогосподарства. Стрижневою кримінологічною формулою, що визначає спрямованість і суть досліджень детермі-

нантів загрозово-катастрофічного стану міжнародної злочинності, є така: глобальний характер облаштування основ світогосподарства на базі західної моделі економіки і прагнення до облаштування світового життя за стандартами західних демократичних суспільств передбачають пошук криміногенних чинників глобальної злочинності саме на теренах економічно розвинутої частини сучасної світової системи.

Отже, в центрі уваги такої кримінології повинні бути не тільки і не стільки держави «третього світу», де практично формується і відбувається вторинна міжнародна злочинність, але й передусім розвинуті держави і суспільства, які задають формат і зміст сучасного світоустрою, а отже, умови й причини, що продукують сучасну міжнародну злочинність, яка набуває рис самодостатнього глобального регулятивного механізму і повинна в рамках міжнародної кримінології отримати бачення наявності (або відсутності) підстав для криміналізації. А це, в свою чергу, дає підстави для формування загального світосупільного інтересу у налагодженні міжнародно-кримінологічного упередження такої катастрофічної злочинності.

По-третє, окремим предметом дослідження міжнародної кримінології повинні бути і міжнародні механізми, що забезпечують реалізацію міжнародних взаємовідносин (насамперед між групою розвинених держав і державами «третього світу»), які, попри не дуже обнадійливі результати і стан, декларуються у міжнародній політиці і міжнародному праві як такі, що покликані забезпечувати мир, безпеку, добробут і соціальну справедливість.

Із цього витікає потреба у досить специфічному напрямі досліджень міжнародної кримінології, і це – по-четверте, в центрі уваги якої постають проблеми міжнародно-правової криміналізації дій держав і суспільств передусім у сфері глобальної економіки, які не відповідають (а часто й суперечать) загальним принципам міжнародного права, лише частково знаходять відбиток у міжнародних актах «м'якого» права, що жодним чином не утворює підстав для постановки питання про кримінальні репресії щодо таких держав.

По-п'яте, міжнародне за своїм змістом відгалуження у рамках кримінології породжує проблему двозначного тлумачення одних і тих самих негативних факторів міжнародного життя як криміногенних чинників і як елементів складу міжнародного кримінального злочину. Справа в тому, що негативні криміногенні чинники глобалізації є зовнішніми, тобто, власне чинниками для національної і навіть для транснаціональної злочинності. Для міжнародної злочинності вони стають її складовою і мусять підлягати криміналізації. У цьому випадку їх можна віднести до елементу організації міжнародних злочинів або міжнародної злочинності.

Наприклад, утворення і функціонування на міжнародному ринку сектору квазіекономіки, що уособлює ринок фінансових спекуляцій, є детермінантним для транснаціональної злочинності, але у рамках міжнародних злочинів, скажімо, тероризму, такі дії мусять бути криміналізованими і утворювати склад міжнародного злочину.

По-шосте, є очевидним, що система міжнародної кримінології, контури предмету дослідження й подальшого опрацювання якої зазначені вище, потребує окремої методології і специфічного наукового інструментарію. Науково-методологічну основу для такого відгалуження утворюють порівняно молоді науки і галузі наук, а саме: гео-економіка, соціологія міжнародних відносин, культурологія, міжнародна конфліктологія, воєнна наука, міжнародна статистика та ін.

Сам факт виникнення і формування як самостійних таких наук у якості «міжнародних» з їх відмінною методологією і окремим предметом дослідження, яким є міжнародне суспільство як соціальна цілісність (у відповідності до сфери зацікавленості кожної науки), вказує, що сумарний продукт цих наук, який надходитиме на потреби кримінології, так само визначає останню як науку міжнародну за своїм змістом і призначенням.

Нарешті слід нагадати, що міжнародний зміст кримінологічної науки передбачає значну політизованість, точніше «геополітизованість», оскільки за характеристиками свого предмету, методу і наукового інструментарію покликаний досліджувати криміногенні чинники глобалізації і пов'язаної з нею системної кризи світоустрою.

АНТИПЕНКО В.Ф.

*доктор юридических наук, заведующий кафедры международного
права Института международных отношений
Национального авиационного института*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СПЕЦИФИКАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ КРИМИНОЛОГИИ

Одной из существенных причин бесспорной эскалации терроризма как преступления по международному праву является недостаточное внимание к криминологии. Причем не к криминологии вообще, а к тому ее направлению в правовой науке, которое, учитывая специфику и масштабность угрозы, было бы способно адаптироваться к проблемам общепланетарного феномена терроризма.

Этот феномен логическим образом влечет вопрос, в состоянии ли «традиционная» криминология, сформированная в целом на базе внутреннего уголовного права и служащая в основном решению задач обеспечения его действенности, в полной мере исследовать генезис и причинность такого неординарного и международного по своей сущности преступления как терроризм? Тем более, что в доктрине уверенно опровергается мнение о том, что международные преступления происходят от уголовных преступлений, пришли в международное право из национального уголовного права. Напротив, анализ истории возникновения большинства международных преступлений (агрессии, геноцида, апартеида и др.) показывает, что международно-правовой акт в отношении этих деяний был первичным.¹

Ответ же на поставленный вопрос существует. Он обнаруживается, если выйти за рамки традиционной методологии криминологической науки, и состоит в разработке производных криминогенности, исходящих от глобализации и сопровождающего ее

¹ Блищенко И.П., Фисенко И.В. Международный уголовный суд. – М., 1998. – С.24.

системного кризиса мирохозяйства. Это и образует особенную методологию и научный инструментарий, которые необходимо «адаптировать» к криминологии.

Преыдушие авторские исследования¹ дают основания считать, что для познания терроризма с целью разрешения глобального террористического конфликта криминология вынуждена выходить за пределы традиционной методологии и инструментария. Предмет ее исследования лежит в несколько иной плоскости, нежели та, к которой привязывается уголовная преступность, в том числе и транснациональная.

Прежде всего, вопрос ставится о такой специфической сфере криминологии как международная криминология. Однако в качестве наиболее убедительного способа аргументировать целесообразность выделения (но не отделения) в криминологической науке международной криминологии вообще представляется пример бесспорной специфичности международной криминологии терроризма.

Именно нестандартность международного преступления терроризм, сложность его восприятия для исследования традиционной криминологической наукой предоставляет дополнительные возможности научно-теоретического обоснования международной криминологии.

Речь идет об обобщении и анализе научно-теоретического и прикладного материала, свидетельствующего о фактическом наличии международно-криминологических методов исследования международных преступлений и, в частности, терроризма.

Научную аргументацию относительно международной криминологии терроризма целесообразно формировать на основании положений авторской конфликтологической концепции террориз-

¹ Антипенко В.Ф. Современный терроризм: состояние и возможности его упреждения (криминологическое исследование). – К., 1998. – 190 с.; Антипенко В.Ф. Борьба с современным терроризмом. Международно-правовые подходы. – К., 2002 – 723 с.; Антипенко В.Ф. Теории мирового развития и антитеррористическое право. Логика сопрягаемости. – К., 2007. – 440 с.; Антипенко В.Ф. Антитеррористическая система государства. – К., 2009. – 420 с.

ма как социально-правового явления, олицетворяющего конфликт противоборствующих сторон на глобальном уровне.¹

Следует заметить, что это задача не из легких. С одной стороны, терроризм как основание для создания отдельного направления в криминологии, не имеет определенного уголовно-правового по международному праву «статуса». С другой стороны, именно «террористическая» спецификация науки криминологии, которая предполагается в качестве причинности возникновения терроризма и определения понятия этого международного преступления, также подлежит доказыванию и формированию. Но именно симбиоз становления этих двух взаимозависимых величин делает возможным утверждение в юридической науке каждой из них.

И это не случайно. Вопреки принятому в социологии способу характеристики конфликта, исходя из субъектов конфликта и его объекта, террористический конфликт определяется также и другим важным элементом: используемым средством борьбы.

Социальный феномен террористических методов борьбы состоит в том, что они определяют, в том числе и на глобальном уровне, необычный асимметричный тип социальных отношений. Такие методы, учитывая их коварство и жестокость, делают сопоставимыми возможности противоборствующих сторон, которые на самом деле критическим образом отличаются по своему экономическому потенциалу. Террористическая тактика (террористические акты), таким образом, вносит радикальные изменения в определенные представления в обществе о праве силы, характеристике власти, господства и другие понятия, являющийся критериями содержания социальной жизни в мире.

Сам же террористический метод борьбы детерминируется политическими условиями и социально-экономической поляризацией как на национальном, так и на международном уровне.

Усатривая в терроризме социальный сигнал в крайней форме его проявления, международная криминология терроризма на-

¹ Антипенко В.Ф. Теории мирового развития и антитеррористическое право. Логика сопрягаемости. – К., 2007. – С. 84-162.

ряду с решением традиционных задач призвана создавать научно-исследовательские возможности для отработки уголовно-правовых механизмов обеспечения этого процесса.

Получается, что именно в рамках международной криминологии терроризма выясняются составляющие системного кризиса, которые вызвали к жизни террористические акты как крайне асимметричный способ протеста. Эти составляющие указывают на сущность современного мироустройства, в основе которого лежат ценности либерального капитализма, и отражают полярность результатов глобальной экономики для социальных мегагрупп, определяемых как стороны глобального террористического конфликта.

Отсюда решение проблемы терроризма следует связывать с новыми принципами организации мирового хозяйства и соответствующими международными отношениями. Социальное происхождение терроризма указывает на то, что эффективными для преодоления этого преступного явления могут быть комплексные меры, в основе которых лежали бы политические решения и существенные экономические перемены, обеспеченные соответствующим международно-правовым регулированием.

Между тем, в криминологии эти процессы в полной мере не находят отражения. На беспомощность криминологии, ее неспособность охватить исследовательским вниманием международную конфликтность указывает слабая научная база гуманитарной сферы, призванной создавать основы дифференциации международных преступлений. Так, следуя традиционным методам и критериям оценки преступности, исходящим в значительной мере от внутреннего уголовного права, криминология логическим образом определяет терроризм как разновидность транснациональной преступности, которая проявляется в основном в особо опасных действиях. Отсюда в терроризме криминализации подлежат, как правило, явные общественно опасные действия и система их организации. Между тем, международное общество это совсем иная, нежели та, что базируется на структуре государства, социальная целостность

и исследование конфликтности в пределах этой социальной «мегацелостности» также должно иметь иную, отличную от «внутригосударственной» методологию.

Вскрывая феномен терроризма, который соединяет чрезвычайную его жестокость и, в то же время, значимую для международного общества роль, международная криминология терроризма обосновывает необходимость и обеспечивает осуществление фундаментальных исследований в таких важных сферах науки как геополитика, геоэкономика, конфликтология, социология международных отношений, культурология, военная наука и др.

Проблема в том, что криминогенность, криминогенные обстоятельства и факторы здесь приобретают новые необычные для криминологии формы и «образы». Собственно криминология как бы не замечает (а, возможно, и не способна замечать) их присутствие в международной социальной жизни, не реагирует своим исследовательским вниманием на эти обстоятельства, а, следовательно, международное уголовное право не получает адекватных обоснований и рекомендаций относительно содержания международного нормотворчества и уголовно-правового контроля.

Среди современных проблем наук антикриминального цикла особое значение в структуре негативных последствий глобальных изменений имеют криминогенные и иные криминологически значимые последствия глобализации, которые требуют адекватной антикриминальной политики и уголовно-правового контроля как новых, так и традиционных форм общественно опасного поведения.¹

Не обрели криминологического «статуса» и соответствующих международных уголовно-правовых последствий такие криминогенно острые проблемы международной жизни как социально-экономический уровень населения; проблема экономического паразитирования квазиэкономики и особенно разрушительной для мирового хозяйства деятельности рынка финансовой спекуляций; эрозия государственной основы мироустройства; угроза сохранению

¹ Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность. – М., Норма, 2007. – С. 10.

самобытности (а, возможно, существованию) цивилизационных культур; угроза глобальной уголовной анархии, а особенно – регулятивности социальной жизни на террористической основе и т.п.

Кроме этого, вне внимания международно-правового влияния и даже международной морали остаются важные факторы, которые согласно концепции существующей криминологии прямо не подпадают под определение криминологических. Это, прежде всего, касается условий международной торговли, доступа к рынкам, технологиям, оценок рабочей силы, безвизовых режимов перемещений и т.п.

Криминологическое внимание к указанным выше криминогенным и некриминогенным (на первый взгляд) факторам оградило бы международное уголовное право от неточностей, малоэффективных норм и положений относительно транснациональной преступности и терроризма. Особенно это касается терроризма, поскольку международное антитеррористическое право не образует в полной мере условий для контролируемости терроризма, а в определенном смысле имеет контрпродуктивный характер.¹

Когда речь идет о терроризме, его генезисе, причинности и о создании действенной системы борьбы с ним, то очевидным является то, что даже уровня спецификации «международная криминология» недостаточно для охвата его определенной антикриминальной политикой и уголовно-правовым контролем.

В отличие от транснациональной преступности, которая лишь сопровождает интернационализацию экономики, терроризм состоялся благодаря асимметричному средству борьбы (террористическим актам) в условиях, когда сложилась и стала очевидной разница в развитии регионов планеты с наличием цивилизационно-культурного контекста, а также с осознанием, что иным способом противоборства преодолеть эту разницу невозможно.

За пределами действия международного права остается мощный глобальный механизм продуцирования терроризма, в основе которого лежат межгосударственные отношения, точнее раз-

¹ Антипенко В.Ф. Борьба с современным терроризмом. Международно-правовые подходы. - К., 2002. - С. 373-407.

личия интересов государств, групп государств, цивилизационных объединений.

Содержание универсальных антитеррористических инструментов и даже их заголовки, нацеливающие на борьбу с незаконными актами, со всей очевидностью указывают на то, что настоящая международная сущность терроризма, которая выражается в глобальном противоборстве социальных мегагрупп, оказавшихся на полярно противоположных полюсах цивилизационного развития, осталась без достаточного внимания криминологии. И это не должно вызывать удивления: криминология, функционирующая согласно методологии и в критериях неправомερных общественно опасных деяний (пусть даже пролонгированных), соответствующим образом и результирует международные нормы, которые сосредоточены на подавлении таких деяний (актов).

Следовательно, есть основания считать, что криминология не выполнила свою функцию и не поместила в центр внимания международной антикриминальной политики действительное международное преступление терроризм со сложным совокупным субъектом его состава и основой социального конфликта глобального характера.

Учитывая такую глобальность и неординарность международного преступления терроризм, его дальнейшее изучение следует организовывать, по меньшей мере, в рамках специализированного направления криминологии – международной криминологии терроризма. Ведь в силу многоаспектности, многоуровневости и глобальной масштабности этого международного преступления признаков его особенности достаточно. Но среди них следует выделить те, которые, несомненно, указывают на потребность в принципиально отличающихся от общепринятых криминологических методах и подходах, которые бы не только определяли антикриминальную и антитеррористическую политику, но и обосновывали необходимость ее трансформации до уровня геостратегии, предполагающей политические и социально-экономические решения в направлении переустройства миросистемы.

Это диктует необходимость в формировании иного содержания криминологии (криминологического направления), которое предполагает разработку новых «глобализационных» методов исследования феномена терроризма. То есть таких, которые осуществляются в научных категориях, отражающих мировые проблемы. Другое ее отличие состоит во «внутреннем» расположении методологии наук, смежных с науками антикриминального цикла (геополитики, геоэкономики, социологии международных отношений, конфликтологии, культурологии, военной науки и др.), образно говоря, внутри системы науки криминологии.

Иначе говоря, взаимоотношения между криминологией и указанными науками по схеме «заказчик – подрядчик – субподрядчик» в рамках международной криминологии терроризма уже не могут быть результативными, поскольку не хватает мобильности, целенаправленности и предметности ее (схемы) действия. Это никоим образом не указывает на поглощение криминологией смежных наук. Как раз, наоборот, в сфере криминологии антитеррористической направленности такие науки обретают новую политическую и социальную значимость, актуальное «звучание». Исходящая от терроризма планетарная угроза в данном случае указывает на необходимость в перестройке научных приоритетов, выдвигая бывшего «заказчика» на роль координатора и не посягая ни в коем случае на авторитет и уникальную в познании терроризма роль каждой отдельной науки.

Анализ основ генезиса терроризма, нормотворческой и правоприменительной практики борьбы с ним, дают основания утверждать, что вокруг проблемы познания терроризма образуется цепь специфических методов исследования сущности этого международного преступления, причин его возникновения и эскалации, а также путей устранения из международной жизни.

Поскольку в основном с помощью этих методов и подходов открывается возможность дать адекватную оценку терроризму, сформулировать его определение и создать основу для соответствующей международной социальной политики, антикриминального

контроля, а также международного правотворчества и правоприменительной деятельности, имеет смысл выделить и объединить их в формате отдельного направления криминологии – международной криминологии терроризма.

Сосредоточивая в рамках такого научно-теоретического структурирования соответствующие наработки и анализы, это позволяет устранить распыление антитеррористических усилий по разным отраслям и направлениям как правовой, так и смежных с ней наук и конструировать их вокруг задачи познания и устранения глобального террористского конфликта, являющегося выражением сути терроризма.

Не случайно криминологическую основу исследования терроризма и образует конфликтологический метод.

Он основывается на базовых положениях теории конфликта, прежде всего тех, что раскрывают его конструктивную составляющую, и дают ключ к определению терроризма как противоборства социальных групп, которое зиждется на расхождении их коренных интересов. Конструкция такого глобального террористического конфликта открывает возможность для адекватной международно-правовой оценки составляющих терроризма, квалифицируемых в праве как элементы состава международного преступления терроризм.

Тем самым, согласно теории конфликта образуется основа для формирования общего планетарного интереса к глобальному консенсусу. Это находит международно-правовое развитие в родственном с конфликтологическим методом – методе, базирующемся на квалификации совокупного субъекта состава терроризма.

Метод совокупного субъекта является ключевым международно-правовым методом международной криминологии терроризма и открывает возможность познания юридической характеристики преступления и механизма международно-правового регулирования борьбы с ним. Это образует объективный базис для формирования международного антитеррористического права как межсистемной отрасли международного права.

Через конструкцию совокупного субъекта, олицетворяемую противоборствующим взаимодействием его составляющих, образуется основа для их обоюдной криминализации в рамках единого состава преступления терроризма.

Познание терроризма с точки зрения основ ведения вооруженной борьбы стает объективной реальностью благодаря методу террористической асимметрии, имеющему все основания квалифицироваться как криминологический метод. Он исходит из разработанной автором теории террористической асимметрии¹, раскрывающей феномен асимметричности террористического акта. Как основной метод борьбы террористические акты придают ей крайнюю иррегулярность (то есть, в значительной мере нивелируют военно-экономическое и технологическое преимущество противника), а также абсолютную враждебность и тотальность, обнажая при этом необратимые механизмы системного кризиса мироустройства и ставя под сомнение его экономическую и социальную жизнеспособность.

Метод террористической асимметрии открывает путь для оценки равных возможностей противоборствующих сторон, а от него – основу для формирования общего интереса к мирному разрешению социального мегаконфликта. Другими словами, этот эксклюзивный и присущий лишь международной криминологии терроризма метод закладывает основы создания механизма политического сдерживания эскалации терроризма, международно-правового регулирования борьбы с ним.

Метод военизированной оценки терроризма также красноречиво подтверждает претензии международной криминологии терроризма на статус отдельного направления в системе правовых наук. Терроризм претерпевает изменения в определенных проявлениях, среди которых наиболее значительным является его военизация, которая происходит, с одной стороны, через взаимную ассимиляцию террористических и военных методов вооруженной борьбы. А с другой – терроризм частично осваивает боевые методы действий,

¹ Антипенко В.Ф. Оптимизации антитеррористической система государства в условиях международной и региональной интеграции. - К., 2008. - С. 23-64.

присущие повстанческо-партизанской тактике. Кумулятивный эффект от такой гремучей смеси выражается в том, что террористические акты, базируясь на повстанческо-партизанской основе, приобретают квалифицированный апофеозный характер. Это в определенной степени материализует террористическую борьбу, придает ей признаки и ощущение причастности к традиционным национально-освободительным движениям. В то же время это создает дополнительные криминологические возможности для проникновения в террористические механизмы, изучения терроризма и организации уголовно-правового контроля за ним. В частности, «военизированный» метод оценки терроризма как разновидности вооруженного конфликта, создает возможности и основания для сдерживающего влияния на терроризм в категориях международного гуманитарного права и международного права вооруженных конфликтов.

Среди других международно-криминологических методов в антитеррористической сфере следует назвать метод оценки терроризма как самодостаточного социально-правового преступного явления. В отличие от транснациональной преступности, являющийся составляющей мирового социума, терроризм, возникший в гуще международной жизни и порожденный ее социально-экономическими факторами, обострившимися в процессе глобализации, превратился в самодостаточную международную силу, которая претендует на регулятивную относительно мирового социума функцию.

Иными словами, терроризм оказывает прямое влияние и претендует на то, чтобы определять отношения государств и других акторов международной жизни. Из криминальной проблемы, последствия международных социальных и экономических отношений, он превращается в регулятор (причину), вынуждающий на кризисном этапе глобализации к пересмотру этих отношений.

Рассматриваемый криминологический метод отнесен к числу присущих лишь международной криминологии терроризма прежде всего потому, что он создает возможности предостеречь правительственные силы их правоприменительную и

военную систему от искушения действовать традиционными антикриминальными способами. В частности, бесперспективным представляется путь одностороннего и не всегда оправданного ужесточения законодательства.

Наиболее значимая предупредительная функция метода состоит в том, что он позволяет с помощью криминологической науки осознать другую опасность – становления на путь адекватных с террористами, то есть внеправовых действий.

Перечень специфических международно-криминологических методов, связанных с международным антитеррористическим правом можно продолжить. В целом они базируются на общих методах познания международной преступности и связаны с определенными международными науками (геополитика, геоэкономика, социология международных отношений, конфликтология и др.), которые лежат в их основе.

Если считать криминологию определенной научной системой, указанные методы составляют основное содержание подсистемы научного направления этой уголовно-правовой науки – международной криминологии терроризма. Они действительны в коррелятивной связи, как и социально-правовые факторы, на которых эти методы базируются. Особенность методологической основы рассматриваемого научного направления криминологии состоит, прежде всего, в том, что оно опровергает абсолютную аномальность терроризма. Констатируя жестокость и изуверство, сопровождающее глобальный террористический конфликт, международная криминология терроризма, наряду с этим, позволяет увидеть, «конструктив» этого преступного явления, объективность международных политических и социально-экономических условий его возникновения, соответствие их крайней жестокости, той степени дегуманизации, а также социальной асимметрии и поляризации, которая продуцируется глобализацией мирового хозяйства.

Также глубоко специфическим является предмет международной криминологии терроризма. Изложенный выше и другой исследовательский материал показывает, что терроризм как предмет

криминологической науки предстает в формате двух составляющих. Одной из них являются собственно террористические методы действий, то есть террористические акты. Другой составляющей является экономические и социально-культурные факторы, послужившие причиной мирового кризиса, которые для нужд криминологии могут быть с некоторой долей условности определены как криминогенные факторы глобализации.

Особенность такого предмета криминологической науки состоит в неразрывной, но противоборствующей взаимосвязи его составляющих. Причем это противоборствующее взаимодействие происходит внутри предмета. Обозначенные же как его составляющая криминогенные факторы глобализации оказывают криминогенное влияние не на терроризм (как «суммарное» международное преступление), а на террористическую деятельность в понимании ее как деятельности по организации и проведению террористических актов. Что касается терроризма как такового, то указанные криминогенные факторы совместно с террористической деятельностью (через противоборствующее взаимодействие) образуют это международное преступление.

Подобное внутрисубъектное противоборствующее взаимодействие указанных его составляющих дает основания для постановки вопроса о целесообразности формирования внутреннего, в рамках отдельного направления международной криминологии терроризма, научного инструментария.

Этот инструментарий определяется уже известными науками и научными отраслями: геополитикой, геоэкономикой, социологией международных отношений, культурологией, конфликтологией, военной наукой и др. Однако для нужд указанного предмета исследования, исходя из его сложной структуры, научный инструментарий, формирующийся на базе названных и других наук, должен носить также внутренний характер. То есть, продуктивно в антитеррористической сфере эти науки будут работать, если криминогенные факторы глобализации они будут рассматривать не как внешние причины терроризма, а как элемент состава этого международного

преступлення. Причинами вони остаються лише для терористической деятельности.

В соответствии с этим возникает целесообразность также и антитерористической спецификации этих наук путем выделения специализированных направлений. Собственно говоря, блок таких, специализированных для нужд исследования терроризма и выделенных в рамках «своих» наук научных направлений, и образует научный инструментарий международной криминологии терроризма.

ГЛУШКОВ В.О.

*доктор юридичних наук, завідувач кафедри
кримінального права і криминології*

Київського національного університету ім. Тараса Шевченка

СУЧАСНИЙ СВІТОВИЙ ПОРЯДОК: ПОНЯТТЯ, ПРИНЦИПИ, ЗОНИ НЕСТАБІЛЬНОСТІ

Світовий порядок являє собою планетарну глобальну ієрархічну систему міжнародних зв'язків і відношень між державами або союзами держав, що одержала міжнародне-правове закріплення і має розподіл політичних ролей на планетарному або (і) регіональному рівнях. Він має багаторівневу взаємозалежну і взаємообумовлену ієрархічну структуру держав, що мають різний ступінь політичного значення: від глобального до регіонального. У цій ієрархії розташовані держави, які знаходяться на найвищому щаблі і мають статус великих, і держави, що знаходяться на більш низькому щаблі ієрархії – регіональні. Новий Світовий Порядок являє собою есхатологічний, месіанський проект, в основі якого знаходиться ідея політико-економічного панування визначеної окультної верхівки фінансової олігархії, що спирається на ідеологічну і спекулятивно-лихварську революцію, яка відбулася в результаті цього нового мислення.

Структура Нового Світового Порядку, на думку його творців, повинна базуватися на таких основних принципах: економічний – обов'язкове встановлення на всій планеті ліберально-капіталістичної ринкової системи, товариства вільного ринку, тобто плутократичного суспільства, що управляється Світовим урядом; геополітичний – превалювання країн географічного й історичного Заходу. Геополітичний пріоритет західної орієнтації є абсолютним. Захід поставлений у центр геополітичної доктрини Нового Світового Порядку, як країна, де заходить Сонце. На останній стадії реалізація мондіалістського проекту передбачає збіг природного символізму з геополітичним; етнічний – космополітизм, расове, національне, етнічне і культурне змішування народів. Національний або незначний національний рух, що до цього використовувалися проти націоналізму імперського типу, будуть рішуче подавлені і місця в новому порядку їм не буде. Народи повинні забути про свої етнокультурні цінності, про свою специфіку, расову і культурну приналежність, відмовитися від будь-якої реальної залежності в національному плані; релігійний – прихід у світ нової містичної істоти, месії, по імені Машиах, при якому буде значно змінена політико-релігійна обстановка на планеті. У відмінності від минулих двох християнських тисячоліть прийдешнє тисячоліття повинно стати антихристиянським; ідеологічний – глобальний розвиток ліберальних демократичних принципів, в основі яких знаходиться кількісний чинник, що спирається на «права людини», який стає мірою добра і зла, змінюючи інші традиційні джерела народного авторитету, духовні принципи народу, сімейні, родові і державні основи моралі, закладені в «праві народу»; юридичний – в основі законодавчої бази повинна знаходитися штучна й атомарна, кількісна концепція «прав особистості», що згодом стала відомою теорією «прав людини», і яка витиснула собою органічну концепцію «прав народу», «прав держави» тощо. Піднесення індивідуума й індивідуального чинника у відриві від нації, традицій, культури, професії, сім'ї тощо у самостійну юридичну категорію означає початок кінця права, переростання його в інструмент, що суперечить органічним законам історії народів і держав, історії режимів, тери-

торій і союзів. І, зрештою, на геополітичному рівні таласократичний чинник настільки підсилюється, що здійснюється глибока дестабілізація юридичних відносин у сфері «Великих геополітичних просторів»; державний – створення держав із розвинутою представницькою системою і виборною схемою висування перших осіб у державі. На національному рівні органічні імперсько-федеративні принципи стали замінюватися двома протилежними, але однаково штучними концепціями – яacobінською ідеєю «Etat-Nation» («Держава-Нація») і комуністичною теорією повного відмирання держави і початку тотального інтернаціоналізму.

Цей принцип має два підходи: легальний і нелегальний. Перший полягає в створенні легального світового уряду, функціями якого намагалися наділити спочатку в 1919 році Лігу Націй, а потім – ООН (пряма, легальна гегемонія США). Другий підхід – створення таємного політичного центру, що контролює діяльність держав на глобальному і регіональному рівнях (непряма і нелегальна гегемонія США).

В умовах Нового світового порядку виникла нова геополітична категорія – «Золотий мільярд», суть якого зводиться до глобального умовного розподілу людства за гео економічним критерієм на основі виділення двох груп населення землі – забезпеченої – «золотий мільярд» і іншої частини людства, яка забезпечує. Дана категорія безпосередньо пов'язана з такими геополітичними поняттями як «заможна Північ» і «бідний Південь». У таких умовах світ підпорядковується єдиній олігархо-мондіалістській, безжалісній експлуаторській і принизливо-ультимативній монополярній владі. У світі отримує розвиток нова глобальна проблема – поява мільйонів перманентно «зайвих» людей – безробітних, що буде сприяти масовій нелегальній міграції населення з бідного Півдня.

Космополітизація людства – це одна з головних цілей Нового світового порядку. Сучасні розрахунки також свідчать, що для підтримання комфорту західного стандарту матеріальних і енергетичних ресурсів планети достатньо тільки для 1 мільярду («золотого мільярду»), тобто однієї восьмої людства, іншим «вхід заборонено»

та запропоновано знизити чисельність населення різними шляхами, в тому числі і шляхом конфліктів.

Закінчення холодної війни, руйнація біполярного світу, розвал Радянського Союзу, юридично закріпленого Біловезькими угодами, визначили структуру сучасної геополітичної ситуації планетарного масштабу. Три слов'янські держави, що утворилися (Білорусь, Росія та Україна), обрали три різних шляхи розвитку і політики, побудови геополітичного партнерства. Швидкий розвал євразійської держави, що протягом багатьох років забезпечувала стабільність у Європі і світі, має історичні корені, в основі яких знаходилося геополітичне протистояння не просто Східної і Західної Європи (Росії і Заходу), а двох різних цивілізацій. Історичне протистояння Росії і Заходу обумовлюється насамперед геополітичними (суша-море) і цивілізаційними (слов'янсько-православна – західна) чинниками. Насамперед основною метою Заходу було знищення Росії як основного геополітичного супротивника, а не ідеологічного ворога.

Проблеми побудови сучасного монополярного світового порядку полягають у претензіях США на планетарну гегемонію, які після розвалу Радянського Союзу відчували себе єдиною наддержавою і намагаються установити свій світовий порядок імперської спрямованості – «Рах Americana» – «третьою американською імперією з балканським кордоном». США фактично вибудовують лінійну схему нового світового порядку, що має глобальну уніфікацію західних ліберальних цінностей.

Відмінною рисою сучасної транзитивної монополярності є відсутність між центрами чітких конфронтаційних розмежувань. Спрацьовує стара геополітична парадигма співвідношення континентальної і морської міці, в сучасних умовах здійснюється потужне протистояння таласократичних і телуократичних сил, з одного боку, США, а з іншого – розмитий телуократичний простір без єдиного центру, що знаходиться в стадії організації (Китай, Росія).

У Європі намічається зближення інтересів Німеччини і Франції. У найближчій перспективі європейське лідерство Німеччини стане більш вираженим. Об'єднана Європа по більшості показників

буде перевершувати Америку. Важливе місце в цьому процесі може зайняти Росія, від якої залежить становлення тієї або протилежної сторони в біполярній системі побудови майбутнього світу.

Сучасна політична наука має у своєму розпорядженні значну кількість прямих і непрямих ознак перебування європейської цивілізації в стадії занепаду, зокрема, війни і збройні конфлікти, розвал Радянського Союзу, розвиток аморальності, бездуховності і девіантних форм поведінки, у тому числі ріст фонових явищ, криміналізація населення і корумпованість державного апарату, транскультурація неєвропейських цивілізацій, поява нових захворювань тощо. Проблемою також стає злочинна діяльність мафіозних структур, тероризм, наркобізнес, масова нелегальна міграція населення, біженці з різних районів, що створюють сприятливе середовище для всякого роду конфліктів. Дестабілізують обстановку також неконтрольований технологічний розвиток, надвиробництво, тривале безробіття, забруднення навколишнього середовища, торгові війни, етнічні конфлікти, ріст маргіналізації, дика урбанізація, що посилює ускладнення суспільства, у якому збільшується нерівність у споживанні. Всі ці чинники будуть сприяти утечі від дійсності, наростанню актів протестів, вандалізму.

Для досягнення своїх стратегічних завдань США формують центри сили в Європі, Азії й Америці, що повинні стати опорою для встановлення нового монополярного світового порядку, які утворюються в умовах клубка протиріч їх із США, тому що протиріччя існують між континентами і світовими регіонами з їхніми геополітичними центрами сили. Такими є Німеччина в Західній Європі, Росія – у Східній, Японія і Китай в Азії. Крім того, здійснюється процес створення субрегіональних структур, зокрема, Балкансько-Ядранського союзу в складі Австрії, Угорщини, Італії і Югославії; Балтійської конфедерації країн, що об'єднує Фінляндію, Швецію, Литву й Естонію; військово-політичного союзу «НАТО-біс» за участю Угорщини, Польщі, Чехії, Словаччини, Естонії, Латвії і Литви; конфедерації Тисо-Карпатського регіону, що включає Угорщину, Румунію, Чехію, Словаччину і Югославію.

Одним із зовнішньоекономічних чинників розвитку Східної Європи є ісламський ринок, що формується на чолі з Туреччиною. Чорноморський геополітичний простір у географічному і політико-системному вигляді представляє самостійну систему, що виступає як підсистема європейської (регіональної) системи міжнародних відносин. Росія, Туреччина й Україна в цих рамках беруть участь у формуванні структурних зв'язків, створюючи в ній доцентрово-силові відношення в даній системі. Найбільш складною проблемою в геополітичному просторі України є Крим. Стратегічне значення півострова полягає в можливості контролювати країни Близького Сходу, Східної, Південної і Східної Європи, Закавказзя, основні політичні і військово-промислові центри України і Росії. На сучасному етапі Крим знаходиться в конфліктонебезпечній точці. Тут перехрещуються ісламська, євразійська і європейська геополітичні формації. У сучасному світопорядку Туреччина – це новий силовий полюс, наддержава, котра всіма силами бореться за поширення свого впливу в Центральній Азії, не втрачаючи з поля зору Крим. Індія, Ірак, Іран, Пакистан, Ізраїль, Бразилія, Індонезія починають поступово претендувати на роль регіональних держав, відбувається порушення сформованого світового балансу сил. В умовах росту економічної могутності Китаю і Японії на Далекому Сході починає зав'язуватися клубок американо-японо-китайських суперечностей. Конфліктним чинником в Азіатсько-Тихоокеанському регіоні є територіальні претензії до Росії з боку Японії і Китаю.

Розвиток політичних подій останніх років дає підстави припустити, що протікання світової кризи буде важким для будь-якої цивілізації, держави і людства в цілому. Зсув центру світового розвитку в Тихоокеанський регіон буде супроводжуватися збройними конфліктами, економічними кризами, припускається можливість нової світової війни в прогнозованому періоді – середина ХХІ століття – між східно-тихоокеанським блоком, куди ввійдуть країни Південно-Східної Азії, Латинської Америки і США, і євразійським блоком (Західна і Східна Європа, Росія, арабські країни й Індія).

У зв'язку з нестабільністю перехідного періоду зростає значення військової сили, що має сучасну технологію знищення. Геополітичний зміст полягає в тому, що в міжнародних відносинах рахуються насамперед із силою, а не із мораллю. Україна знаходиться в зоні політичних конфліктів, і в основі багатьох з них знаходяться саме геополітичні чинники, які дають підстави стверджувати про можливість виникнення і розвитку різного роду конфліктів в Україні на основі наявних протиріч різноманітних геополітичних сил як внутрішнього, так зовнішнього характеру. Вони визначають наявність або відсутність, загострення конфліктних ситуацій – етнічних, політичних, конфесіональних, регіональних, що є поштовхом до розвитку процесів регіоналізації і дезінтегрованості території України шляхом дестабілізації обстановки усередині країни.

Україна в сучасний період виявилася в центрі «великого трикутника», сторонами якого є Росія-Захід (у тому числі США) – Туреччина. Особливе конфліктогенне місце в Україні займають такі геополітичні чинники як Балто-Чорноморська смуга (вісь Європи) і Балкано-Кавказька дуга нестабільності. Балто-Чорноморський пояс або вісь Європи розділяє Європу на Західну і Східну. Балто-Чорноморська смуга – це проєкт геополітичного утворення, що повинне включати об'єднання держав Балтії (Литва, Латвія, Естонія), Польщі, України, Білорусі, Угорщини, Чехії, Словаччини, Румунії, Молдови, основною ціллю існування якого є ізоляція Росії від Європи і залишення її один на один з ісламським світом. Україна – ключова ланка Балто-Чорноморської смуги. Незалежна Україна змінює розстановку сил у Східній Європі, впливає на глобальний баланс сил. Головна ціль США у відносинах із СНД – попередження російсько-українського зближення. Україна – це контроль над Росією. Крим є складовою частиною такого геополітичного утворення як Балкано-Кавказька дуга нестабільності, складного геополітичного вузла сучасності, краї якого торкаються Балканського півострова і Північного Кавказу, а вістрям вона упирається в Кримський півострів. Існування України в особливій системі геополітичних координат, стратегічність її положення, визначає можливість загострення

і подальшого розвитку цілого ряду конфліктів. Територіальні, етнополітичні, конфесіональні протиріччя можуть трансформуватися у відкриту боротьбу з використанням насильства і терору. Існування трьох геополітичних просторів на території України створює ситуацію «розірваності» держави, що може стати причиною її фрагментації, значного ослаблення, або геостратегічного переорієнтування.

Зелинская Н.А.

*доктор юридических наук, зав. кафедрой международного права и
сравнительного правоведения Международного гуманитарного
университета, профессор кафедры международного права и
международных отношений Одесской национальной
юридической академии*

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В течение большей части XX в. феномен международной преступности оставался вне серьезных исследований. Его научному анализу, в значительной мере, препятствовало идеологическое лицемерие времен «холодной войны», которое маскировало и мистифицировало это явление. Политическое значение многих вопросов, связанных с международной преступностью, служило оправданием исключения ее из круга криминологических проблем.

Интерес к международной преступности существенно возрос в конце 1960 – начале 70-х годов. Терроризм, незаконный оборот наркотиков и оружия, торговля людьми – каждое из этих видов преступной деятельности заняло заметное место в общественном сознании как одна из важных правовых, социальных и политических проблем. Притом, что многие события оценивались сквозь призму идеологических установок, в 60 – 80-х годах прошлого века в советской юриди-

ческой науке появился ряд исследований, посвященных проблемам международного сотрудничества в противодействии преступности. Одной из первых к этой проблематике обратилась Л.Н. Галенская¹. Весомый вклад в изучение феномена международной преступности был внесен работами Г.В. Игнатенко², С.В.Бородина и Е.Г. Ляхова³, И.И. Карпеца⁴, Л.А. Моджорян⁵.

В западной юридической науке также появились труды, содержащие глубокий анализ международной преступности. На первый план вышли исследования терроризма⁶. Несмотря на то, что в 80-х годах прошлого столетия общественное мнение с повышенным вниманием относилось к терроризму, в западной юриспруденции все еще отмечался относительный дефицит исследований международной преступности. Профессор М.Ш. Бассиони (*Bassiouni*) в 1981 г. констатировал, что при наличии многочисленных работ, посвященных терроризму как всемирной проблеме, имеющиеся исследования обнаруживают недостаток аналитической последовательности и не дают достаточного представления об этом явлении. В том же контексте Э. Морэйлс (*Morales*), в 1986 г. обращал внимание на контраст между популярностью публицистического освещения

¹ См.: Галенская Л.Н. Международные преступления и международно-правовая ответственность // Изв. высш. учебных заведений. Правоведение. – 1965. – № 1. – С. 168 –170; Галенская Л.Н. Правовые проблемы сотрудничества государств в борьбе с преступностью. – Л., 1968; Галенская Л.Н. Международная борьба с преступностью. – М. – 1972.

² Игнатенко Г. В. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью. – Свердловск, 1980.

³ Бородин С.В., Ляхов Е.Г. Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью (проблемы деятельности ООН в области предупреждения преступности и обращения с правонарушителями). – М, 1983.

⁴ Карпец И. И. Международная преступность. – М., 1988.

⁵ Моджорян Л.А. Терроризм: правда и вымысел. – М., 1986.

⁶ См., например: *International Terrorism and Political Crimes/ Bassiouni, M. C. (ed).* – Springfield, 1975; *Laquer W. The Terrorism.* – London, 1977; *Wilkinson P. Political Terrorism.* – London, 1974.; *Mickolus E.F. Transnational terrorism: a chronology of events, 1968 –1979.* – London, 1980; *Shargel H.D., Nobles L.E. Legal and other aspects of terrorism.* – New York, 1979. *Cassese A. Terrorism, Politics and Law.* – Cambridge, 1989.

проблемы международной торговли наркотиками и пренебрежением к ее научному исследованию, объясняя эту ситуацию ее чрезмерной политической отягощенностью. Впоследствии исследования международной преступности получили достаточно интенсивное развитие¹.

Международная преступность представляет собой глобальную многоуровневую макросистему, элементы которой имеют значительную специфику. Основным критерий для характеристики составляющих ее преступлений – признак социальной опасности, выходящей за пределы одного государства, то есть международная значимость преступления, обуславливающая потребность международного взаимодействия в применении мер уголовной репрессии.

Международная преступность включает в себя две категории преступлений: во-первых, преступления «по национальному праву», обладающие свойством транснациональности (транснациональные преступления; во-вторых, преступления «по международному» праву, то есть международно-правовые преступления.

Наказуемость первой группы преступлений установлена национальным правом, следовательно, они являются национально-правовыми преступлениями по природе уголовно-правового запрета. В то же время, такие преступления являются международными по характеристике преступной деятельности и/или участвующих в ней субъектов.

Преступления второй группы (международно-правовые преступления) – служат основанием международной уголовной ответственности именно в силу того, что являются «сверхпреступными» – широкомасштабными преступлениями, формирующими «наднациональную» преступность. Уголовно-правовые запреты на совер-

¹ См., например: Taylor I. Critical Criminology and the Free Market: Issues in Social Life and Everyday Crime// Contemporary Developments in Criminology/ M. Levi et al. (eds). – University of Wales, 1995; Cohen S. Human Rights and Crimes of the State: The Culture of Denial // Australia and New Zealand Journal of Criminology. – 1993. – № 26. – P. 97 – 115; Cohen S. 1995 State Crimes of Previous Regimes: Knowledge, Accountability and the Policing of the Past// Law and Social Inquiry. – № 20(1). – P. 7 – 50.

шение этих деяний «не вмещаются» в рамки национального права и национальных юрисдикций. Такие деяния посягают на общечеловеческие ценности и общемировые интересы. Доля этих преступлений в количественной характеристике международной преступности относительно невелика, однако их наличие не позволяет отождествить понятия «международная» и «транснациональная преступность». «Наднациональная» преступность, состоящая из «сверхпреступлений» может быть названа «макропреступностью».

Преступления, совершенные в контексте государственной политики, от имени государства либо с использованием его полномочий формируют преступность, которая в условиях тоталитарного режима приобретает характер тотальных политических преследований (тоталитарная преступность или макропреступность»). Можно сказать, что именно такие «макропреступления» являются центром, ядром международной преступности.

Термин «макропреступность» был предложен Г. Егерем. Его монография «Преступления тоталитарной власти», в которой он давал юридическую оценку гитлеровскому национал-социализму, вышла в 1967 г. Основные идеи концепции макропреступности Г. Егер опубликовал в 1989 г. в книге «Макропреступность. Работы по криминологии коллективного насилия». Макропреступность определяется Егерем как различные формы проявления коллективной деструктивности. Индивидуальное действие он рассматривает как отражение конформистского действия больших организованных коллективов. Макропреступность охватывает только особо тяжкие преступления, совершаемые при сравнительно высоком иммунитете против соответствующих санкций; характерным для этих преступлений является как раз не девиантное, а конформистское поведение. Речь идет о таких преступлениях, с которыми государство не только не борется, а как раз, наоборот, само их инициирует. Эти преступления совершаются по приказу правительств, ими поддерживаются или систематически укрываются. Макропреступное насилие почти всегда политически или идеологически мотивировано. В качестве примеров макропреступности Г. Егер называет геноцид,

преступления во время войны, угрозу уничтожения человечества ядерным оружием, государственный терроризм, преследования национальных меньшинств, а также конфликты на культурной и религиозной почве. Эти преступления Егер причисляет к вопросам, которыми должна заниматься криминология¹.

В структуре международной преступности (со значительной долей условности) можно выделить международную политическую преступность и международную неполитическую, или общеуголовную, преступность, оговорив, что они тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Концепция международной политической преступности, понимаемой как «организованная политическая преступная деятельность высших должностных лиц государства или группы государств, лидеров общественных или религиозных организаций, направленная на умышленное совершение преступления против мира и безопасности человечества, для достижения политических целей, с использованием государственных или общественных структур, их материальных, финансовых и иных средств и ресурсов»² была выдвинута российским криминологом П.А. Кабановым.

Международная преступность, безусловно, весьма политизирована, что не может являться препятствием для международно-правового и полицейского сотрудничества в противодействии ей. Политическое и преступное не исключают друг друга. Более того, именно международная политическая преступность к началу нового тысячелетия приобрела особую опасность и стала (в недостаточной, впрочем, степени) предметом криминологических исследований.

Вспомним, что уже первая волна критической криминологии предприняла попытку рассмотреть понятие «преступление»

¹ Jaeger H. Verbrechen unter totalitärer Herrschaft. Studien zur nationalsozialistischen Gewaltkriminalität. Olten und Freiburg i.Br. 1967; Jaeger H. Makrokriminalität, Studien zur Kriminologie kollektiver Gewalt. Suhrkamp.- Frankfurt am Main.- 1989 (приводится по: Абасов Р.А. Политическая преступность в немецкой криминологической литературе//Политическая криминология: Сборник научных трудов / Под ред. П.А. Кабанова. – Нижнекамск, 2006. – С. 6 – 7).

² Кабанов П.А. Международная политическая преступность как политико-криминологическое явление: понятие и формы проявления // Следователь. – № 7. – 2000. – С. 49 – 50.

непосредственно в политических терминах. Тогда же получило распространение мнение, что преступления на улицах – это мистификация, «настоящие» преступления происходят в других местах и совершаются корпорациями и государствами¹. Начался поиск нового пути осмысления соотношения преступности и власти, что нашло воплощение в понятии «преступления власть имущих» или «государственных», «правительственных» преступлениях (англ. – «*crimes of the powerful*», «*state crime*», «*state-organised crime*», «*governmental crime*».)

Известный вопрос Э. Сатерленда «Является ли беловоротничковое преступление преступлением?» был перефразирован следующим образом: «Является ли преступлением нарушение государством прав человека»? Теории, связывающие преступление и политику, расширили концепцию преступления, оторвав его от узкой юридической основы. Как полагает Стэнли Коэн (*Cohen*), ранние попытки выразить концепцию государственного преступления в ракурсе нарушения прав человека не состоялись, поскольку были излишне политизированы. По мнению С. Коэна, эта концепция оказалась слишком неясной и полемической и представляла собой попытку использовать термин «преступление» для обозначения всех форм социальной несправедливости и нарушений прав человека².

Столь редкое соприкосновение криминологии с международной политической преступностью находится в разительном противоречии с тем значением и тяжестью, которыми отличаются политические деликты, причиняющие не менее серьезный личностный, материальный и нематериальный вред, чем уличные преступления, которым в криминологии уделяют так много внимания³.

Преступления, совершенные в контексте государственной политики, от имени государства либо с использованием его полномочий формируют «государственную» преступность, которая в условиях

¹ См.: Cohen S. Crime and politics: spot the difference // *British Journal of Sociology*. – Vol. 47. Issue №1. – March 1996. – P. 1 – 21.

² Там же.

³ Криминология. Словарь-справочник. Составитель Х. -Ю. Курнер. Перевод с нем. / Отв. ред. перевода А.И. Долгова – М., 1998. – С.48 – 49.

тоталитарного режима приобретает характер тотальных политических преследований («тоталитарная преступность»¹). Можно сказать, что именно такие преступления являются центром, ядром международной преступности.

Политическая преступность как элитно-властная преступность представлена преступлениями, совершаемыми с использованием высокого должностного положения и имеющими существенные политические последствия. Такие преступления состоят в нарушении норм национального и/или международного права. «Политическая преступность представляет собой общественно опасную форму борьбы правящих или оппозиционных элит за власть или за ее неправомерное удержание», – утверждает профессор В.В. Лунеев².

Преступления «власть имущих» или «государственные» политические преступления могут выражаться в: а) преступлениях против мира – агрессии; б) поддержке (спонсировании) терроризма (косвенной агрессии); в) тоталитарной репрессивной преступности (государственном терроре), включающей судебные и внесудебные репрессии, осуществляемые государством в соответствии с его правом, а также тайное использование властью нелегитимного насилия с целью устрашения населения и сохранения тоталитарного режима; д) репрессиях, направленных против носителей определенной идеологии или всех лиц, не разделяющих господствующую идеологию («полицид»); е) репрессиях, направленных против определенной социальной общности и нарушающих права индивидов в связи с их принадлежностью к этой общности (расовая, национальная, религиозная и иные формы дискриминации – дискриминационные преступления), самой тяжелой формой которых является геноцид; ф) репрессивном терроре, угрожающем гражданскому населению, оказавшемуся во власти противника; г) преступных злоупотреблениях властью в коллективистских и эгоистических целях; h) наиболее серьезных военных преступлениях и т.п.

¹ Устинов В.С. Понятие и криминологическая характеристика организованной преступности: Лекция. – Нижний Новгород, 1993. – С. 14.

² Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. – 2-е изд. – М., 2002. – С. 312.

В этом контексте особый интерес представляют теории «репрессивного преступления». Концепция «репрессивного преступления» концентрирует внимание на масштабных преступлениях, направленных против значительных общественных групп. Г. Хесс (*Hess*), выдвинувший идею репрессивного преступления, определял его как преступление, совершенное с целью сохранения, укрепления и защиты привилегированных положений, в особенности тех, которые основываются на власти и имуществе. Он полагал, что таким преступлением является нарушение только позитивного, кодифицированного внутригосударственного права. Некоторые авторы, между тем, подчеркивают необходимость учета и международного права: действие, не преследующееся в рамках закона какой-либо страны, является преступным, если оно нарушает общепринятые, интернациональные правовые принципы¹.

Сторонники теории конфликта (*R. Quinney, W.J. Chambliss, R. Seidman, C.R. Jeffery, J.Holl*) отмечают, что современное определение «преступного» зависит от того, воспринимается ли угроза людьми, обладающими достаточной властью, чтобы законодательно закрепить свои интересы. Некоторые из приверженцев этой теории утверждают, что правовой процесс контролирует не одна, а несколько групп с различными конфликтующими интересами, каждая из которых стремится добиться чего-то своего (*R. Troyer, G.Markel, 1982*). Причиной конфликта становятся не только экономические интересы, но и статусные соображения, моральные и идеологические установки. Плюралисты рассматривают общество как социальное образование, состоящее из групп, в различной степени осведомленных о собственных интересах, и групп, их не осознающих. Традиционные властные структуры постоянно подвергаются угрозе со стороны новых организаций, образованных группами, осознавшими свои интересы. Разнообразие групп, вовлеченных в правовой конфликт, отражает разнообразие затрагиваемых интересов. Идеологические

¹ См. подробнее: Абасов Р.А. Политическая преступность в немецкой криминологической литературе // Политическая криминология: Сборник научных трудов / Под ред. П.А. Кабанова. – Нижнекамск – С. 3-15.

соображения также влияют на принятие законов, так как законы и их применение зачастую служат средством выражения политических и нравственных ценностей (G. Fine, 1997)¹.

В этой связи Дж. Ф. Шелли (Shelly) подчеркивает: «Несмотря на то, что элементы инструменталистских, структуралистских и марксистских теорий подвергаются критике, нельзя игнорировать основной аргумент плюралистического подхода: законы не появляются по волшебству и не являются отражением «общечеловеческих» ценностей. Напротив, то, какие действия или каких людей мы в тот или иной момент называем преступными, зависит от деятельности групп, стремящихся обрести правовую поддержку своих экономических, идеологических и статусных интересов»².

Международно-правовые преступления составляют «верхушку» пирамиды международной преступности. «Макропреступность» не изолирована от иных форм преступности. Политические конфликты международного и немеждународного характера порождают широкое применение насилия и стимулируют незаконную торговлю людьми и оружием. Терроризм, незаконный оборот наркотиков, коррупция являются постоянными спутниками таких конфликтов, вовлекающих в свои акции криминальные силы.

Рост преступности на национальном и международном уровнях достиг такого масштаба, что сделал ее глобальной проблемой, затрагивающей коренные интересы международного сообщества в целом³. Межгосударственная координация и оптимизация мер по предупреждению преступности стала одной из важнейших задач международного сотрудничества. В этой связи особое значение приобретает «превентивное международное уголовное право». Существование и важность этой составляющей международного уголовного права подтверждается, среди прочего, использовани-

¹ Шелли Дж. Ф. Формулируя определения преступности // Криминология / Под ред. Дж. Ф. Шелли: Пер. с англ. – Спб., 2003. – С. 86-95

² Там же. – С. 100.

³ См.: Глобализация общей, организованной и коррупционной преступности (Материалы «круглого стола») // Государство и право.– 2001.– № 12. – 89–107. – С. 92.

ем понятия предупреждение (*prevention*) в названии важнейших антикриминальных конвенций, в частности: Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него (*Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide*) 1948 года, Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма (*Convention on the Prevention of Terrorism*) 2005 года.

Международно-правовые преступления составляют только часть международной преступности. Вторая ее часть состоит из преступлений, относящихся к категории транснациональных.

Понятие «транснациональное преступление» не имеет однозначного толкования¹. Оно представляет собой широкую концепцию, включающую в себя различные виды преступлений, которые в основном могут быть отнесены к категориям организованной преступности, корпоративных преступлений, профессиональных и политических преступлений, причем иногда к нескольким категориям одновременно². Традиционно фактор пересечения границ преступниками или проявление результатов их противоправных действий за пределами страны – места их совершения – рассматривается как обязательный компонент функционирования транснациональной преступности, находящейся в подвижном, динамичном состоянии³.

Противодействие транснациональной преступности осуществляется, в первую очередь, на национальном уровне. Вместе с тем государства стоят перед необходимостью профилактики и сдержи-

¹ Mueller G.O.W. Transnational crime: Definitions and Concepts// Combating Transnational Crime /P. Williams, D. Vlassis (eds), – 2001; Albanese J. Transnational Crime: An Introduction // International Journal of Comparative Criminology,– Vol. 4. – № 1. – 2004. – P. 1-3; Williams P., Godson R. Anticipating organized and transnational crime//Crime, Law and Social Change.– Vol. 37. –№ 4.– 2002.– P. 311-355; Ruggiero V. Transnational Crime: Official and Alternative Fears// International Journal of the Sociology of Law.– Vol. 28.– № 3.– P. 187-199.

² Десятый Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями Вена, 10-17 апреля 2000 г. Международное сотрудничество в борьбе с транснациональной преступностью: новые вызовы в XXI веке. Рабочий документ, подготовленный Секретариатом. – UN. Doc. A/CONF. 187/6

³ Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества. Международный научно-исследовательский проект. – С. 230.

вания «инфекционной» социальной болезни, выходящей далеко за пределы «очага заболевания». Эта реальность требует активизации международно-правовых мер ее предупреждения, включая совершенствование традиционных форм международного сотрудничества и использование новых возможностей. Происходит «интернационализация» мер предупреждения и пресечения преступности, разработка и согласование которых поднимается на международно-правовой уровень. Международно-правовую регламентацию, в числе прочих, приобретают вопросы гармонизации уголовно-правового запрета, оптимизации систем уголовного правосудия, координации превентивных антикриминальных усилий государств. Как справедливо подчеркивает Ю.В. Голик, преступность – динамично развивающееся явление и рассматривать ее можно только в контексте всех протекающих в обществе процессов. Если общество вступило в период глобализации, то оно вступило в этот период все, целиком, и преступность не может быть изолирована от этого транссистемного процесса. Преступность сама по себе приобрела сегодня глобальный характер как с точки зрения характеристики проблемы, так и с точки зрения количественного охвата. Сегодня это планетарное явление и планетарная проблема¹. Характер современной преступности требует глобального реагирования на основе широкого международного сотрудничества.

Необходимость реагирования на транснациональные преступления влечет за собой формирование транснационального уголовного права², которое включает в себя материально-правовые, процедурно-организационные и превентивные аспекты. «Использование термина «транснациональное уголовное право» – не попытка выдумать новую терминологию ради самой себя... – пишет Н. Бойстер (*Boister*). – Транснациональная преступность – стремительно

¹ Голик Ю.В. Глобализация и преступность. Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон / Под ред. А.И. Долговой. – М, Российская криминологическая ассоциация, 2001. – С. 116-118.

² Зелинская Н.А. Транснациональное преступление и транснациональное право//Актуальні проблеми політики: Збірник наук. праць. – Вип. 15. – Одеса, 2002. – С. 287-293.

развивающийся феномен. Отвечая на его рост, транснациональное уголовное право становится, вероятно, наиболее существенным механизмом глобализации национальных уголовно-правовых норм»¹.

Транснациональная преступность охватывает самые разнообразные формы преступной деятельности – от системных мультинациональных, относящихся к так называемой «транснациональной организованной преступности», до ординарных общеуголовных преступлений с иностранным элементом. Вполне обосновано повышенное внимание, которое уделяется в течение последних десятилетий тем видам организованной преступной деятельности, которым имманентно присущ транснациональный характер.

Термин «транснациональная организованная преступность» первоначально использовался, преимущественно, в сугубо криминологической интерпретации². Существуют различные его трактовки³.

В широком смысле, это понятие, безусловно, включает в себя и политические, в том числе террористические, преступления, и общеуголовные транснациональные преступления. Тем не менее, для целей разграничения идеологически мотивированных и общеуголовных видов преступной деятельности термин «транснациональная организованная преступность» нередко рассматривается как охватывающий преимущественно общеуголовную организованную преступность. Притом, что террористическая дея-

¹ Boister N. «Transnational Criminal Law» ?// European Journal of International Lawl.– 2003.– Vol. 14.– №. 5. – P. 953-956.

² См.: United Nations & Transnational Organized Crime. Ph. Williams, E. U. Savona (Editors). – Frank Cass & Co, 1996; Godson R., Williams P. Strengthening cooperation against transnational crime//Survival. – Vol. 40. – № 3. – 1998. – P. 66 – 88; Combating Transnational Crime: Concepts, Activities and Responses/ Ph. Williams, D. Vlassis (Editors) – Frank Cass & Co., 2001; Transnational Organised Crime: Perspectives on Global Security/ A. Edwards, P. Gill, A. Edwards (Editors). – Routledge, 2003; Albanese J. Organized Crime in Our Times. – LexisNexis/ Anderson, 2004.

³ См. подробнее: Транснациональная организованная преступность: дефиниции и реальность / Отв. Ред. В.А. Номоконов. – Владивосток, 2001; Меркушин В.В. Борьба с транснациональной организованной преступностью. - Минск, 2003; Топильская Е.В. Организованная преступность. - СПб., 1999.

тельность зачастую носит и транснациональный, и организованный характер, она выносится за пределы понятия «транснациональная организованная преступность». В этом смысле говорят о «терроризме» и «транснациональной организованной преступности», как однопорядковых понятиях. Разграничение носит условный характер и подчеркивает специфику терроризма. Оно праводится по критерию соотношения средства и цели. Для террористов, чаще всего, террористическое насилие и его политический эффект являются целью, основным содержанием их преступной деятельности, а получение прибыли преступным путем и отмывание доходов – средством достижения этой цели. Для членов других транснациональных преступных групп целью является прибыль, а террористическое насилие и его политические последствия – средством. Однако различие между средством и целями становится все менее заметным.

В последние десятилетия особенно интенсивно происходит сращивание политической и аполитичной преступности на фоне слияния и сотрудничества нелегальных и легальных структур экстремистского толка с националистическими, религиозно-сектантскими, фундаменталистскими и другими сообществами на основе взаимовыгодных интересов¹. «Криминологические исследования показывают, что, с одной стороны, возрастание масштабов корыстных притязаний приводит со временем к стремлению удерживать полученные капиталы, в том числе путем получения и использования рычагов легальной власти. Так корыстная мотивация начинает взаимодействовать с политической, – пишет А.И. Долгова. – С другой стороны, чисто политическая мотивация антиконституционной, противозаконной деятельности («устранение узурпатора», изменение политического режима на тот, который наиболее полно отражал бы интересы большинства населения и т.п.), со временем также становится взаимосвязанной с экономической мотивацией»².

¹ Миньковский Г.А., Ревин В.П. Характеристика терроризма и некоторые направления повышения эффективности борьбы с ним // Государство и право. – 1997. – № 8. – С. 84.

² Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. – М., 2003. – С. 339.

Транснациональные политические преступления (прежде всего, террористические), имеют, как правило, антигосударственную направленность. Оппозиционная политическая преступность, включающая в себя именно преступные, а не «мнимо преступные» правонарушения, носит, преимущественно, насильственный характер. Вместе с тем, нужно подчеркнуть, что некоторые идеологические правонарушения, связанные с расизмом, ксенофобией, разжиганием национальной и религиозной вражды, вполне могут быть отнесены к международным политическим преступлениям.

Характерной чертой транснациональной оппозиционной политической преступности является то, что она опирается на самостоятельную этическую систему, с позиций которой антигосударственность, противоправность деяний не означает их аморальности: мораль и закон противостоят друг другу. Мораль «оправдывает» преступление. Отсутствие универсального этического запрета на все формы насилия, какими бы мотивами они не обосновывались, какими бы идеями не прикрывались – вот в чем состоит реальная причина «раздвоения» понятия «политическое преступление». По существу, в этом словосочетании первое слово – «политическое» – заслоняет собой второе – «преступление», противостоит ему, оправдывает его.

Внутри «антигосударственной» политической преступности целесообразно различать преступления «внешнеполитические» и «внутриполитические». Последние можно подразделить на: 1) преступления, направленные на неконституционное изменение формы правления и/или политического режима (преступления социально-политического характера); 2) преступления, направленные на неконституционное изменение государственного устройства (преимущественно, сепаратистские преступления этнополитической мотивации, усиленной радикально-религиозной идеологией); 3) экстремистские идеологические и деструктивные «протестные» преступления (радикально-религиозного, сектантского, так называемого «мировоззренческого», мессианского или иррационального характера), не преследующие конкретных политических целей.

Внешнеполитические преступления направлены против внешней политики государства (государств) или внутренней политики иностранного государства, на провокацию межгосударственных конфликтов и препятствие мирному урегулированию конфликтов.

Терроризм занимает особое место в системе международной преступности, диктуя необходимость формирования международного антитеррористического права¹. Современные террористические организации обладают разрушительной мощью, сравнимой с мощью вооруженных сил крупного государства. Международный терроризм представляет реальную угрозу внутренней и внешней безопасности государств, мирным взаимоотношениям между ними, развитию и функционированию демократических институтов и принципов. Он опирается на поддержку разного рода экстремистских организаций, получая от них финансовую помощь, современное оружие, средства связи и т.п. Это, в свою очередь, обуславливает широкий спектр его проявлений: от отдельных акций до диверсионно-террористических войн. Аналитики констатируют масштабность и скоординированность действий международных террористов, их трансграничный характер². Интеграция мирового сообщества, расширение экономических и иных связей между государствами, возрастание миграционных потоков и либерализация пограничного контроля открывают для террористов новые возможности³. Реальную опасность приобрел так называемый высокотехнологичный терроризм⁴.

¹ См.: Антипенко В.Ф. Борьба с современным терроризмом. Международно-правовые подходы. – К., 2002. ; Антипенко В.Ф. Теории мирового развития и антитеррористическое право. Логика сопрягаемости. – К., 2007.

² Николаенко В.Д. Борьба с международным терроризмом как приоритетное направление сотрудничества государств-участников договора о коллективной безопасности и ее международно-правовое обеспечение // Международный терроризм: истоки и противодействие: Материалы международной научно-практической конференции, 18–19 апреля 2001 года: Сб. статей. – СПб., 2001. – С. 92.

³ Хлестов О.Н., Мышляева М.Л. Вооруженная борьба против международного терроризма // Московский журнал международного права. – 2001. – № 4. – С. 13.

⁴ См.: Степанов О.А. Международные правовые аспекты противодействия высокотехнологичному терроризму // Современное право. – 2003. – № 2. – С. 19–22.

Террористические преступления сочетают в себе признаки и общеуголовных, и политических правонарушений. Называя проявления терроризма политическими преступлениями, мы не исключаем, что они являются общеуголовными. Термин «политическое» подчеркивает их политическую значимость, но не лишает общеуголовного содержания. Террористические организации обладают разрушительной мощью, сравнимой с мощью вооруженных сил крупного государства. В условиях вероятной доступности для них оружия массового поражения и использования современных технологий возрастает опасность оппозиционного политического насилия. По существу, государства утрачивают монополию на применение вооруженной силы и на ведение войн, а преступное сообщество получает атрибуты государственной власти.

В.Ф. Антипенко вполне обоснованно определяет терроризм как «изначально международное явление», поскольку «практически любой, даже, на первый взгляд, исключительно внутригосударственной терроризм, имеет международные аспекты»¹. «Субстанцией терроризма, той оптимальной величиной, в которой отражается сущность, причины и основы этого явления», – подчеркивает В.Ф. Антипенко, – следует считать терроризм в его международном, глобальном понимании»². Достижение полного криминологического осмысления терроризма возможно лишь при условии оценки его как явления международного³.

Оппозиционная политическая преступность, в значительной мере, носит идеологический характер. Часто она выражается в радикальных формах идеологического (в том числе религиозного) фанатизма. Религия всегда была и остается мощным идеологическим оружием в процессе политической борьбы, вследствие чего многие проявления политического экстремизма и терроризма приобретают

¹ Антипенко В.Ф. Современный терроризм: состояние и возможности его упреждения: (Криминол. исслед.) – К., 1998. – С. 28-30.

² Антипенко В.Ф. Борьба с современным терроризмом. Международно-правовые подходы. – С. 375.

³ Антипенко В.Ф. Тероризм: криминологична та кримінально-правова характеристика. – К, 1999. – С. 28-29.

религиозную мотивацию. «Религиозный» характер могут принимать как социально-политические, так и этнополитические преступления. С фундаменталистскими концепциями связана деятельность ряда праворадикальных групп, в то время как леворадикальные группы чаще используют идеологию воинствующего атеизма. В этнополитическом терроризме религиозная мотивация имеет более существенное значение, поскольку религия тесно связана с традициями этноса и его духовным самовыражением¹.

Современные технологии придают действиям террористов потенциально катастрофогенный характер. Мир становится все более зависим от злой воли и поведения отдельного человека, движимого самыми разнообразными, в том числе политическими, интересами. В этой связи значительно возрастает угроза, исходящая от политических фанатиков, которым свойственны апокалипсические настроения и деструктивные мотивы. Такое поведение может иметь идеологическую или дискриминационную мотивацию (как рациональную, так и иррациональную), обосновывается коллективистскими или иными целями, однако оно не находится в прямой зависимости от политики определенных организаций, хотя их идеологическое воздействие может быть весьма существенным.

Особом феноменом политической преступности являются «бунты», «мятежи», «погромы», политический вандализм, движимые негативистской мотивацией «толпы». Деструктивные разрушительные влечения многократно усиливаются в агрессивно настроенной толпе².

Возрастающую опасность приобретают акты террористического насилия, совершаемые вне политического контекста. Аполитичные группы, применяющие тактику терроризма, рассматривают его как часть преступного бизнеса, дающую возможность деморализовать официальные власти, устранить или устрасить конкурента, либо достичь иных целей. Террористическое насилие как способ соверше-

¹ См. подробнее: Зелинский С.А. Истоки терроризма: этнополитические концепции // Актуальні проблеми: Зб. наук. праць. – Вип. 14. – Голов. ред. С.В. Ківалов. – Одеса, 2002. – С.80-83.

² См. подробнее: Бандурка А.М., Зелинский А.Ф. Вандализм. – Харьков, 1996. – С. 131.

ния преступлений придает им ту степень политической значимости, которая обосновывает их включение в разряд «политических».

Все больше внимание привлекают к себе «корыстно-политические» преступления, совершаемые из личных, эгоистических интересов, и получающие политический резонанс в связи с тем, что субъект преступления занимает должностное положение, позволяющее злоупотреблять им в политически значимых масштабах. К этой категории, с учетом конкретной ситуации, относятся политическая коррупция, рассматриваемая как средство решения политических проблем, связанных с получением, сохранением, распределением и утратой власти¹, отмывание доходов, полученных преступным путем, злоупотребление служебным положением, хищения, совершаемые с использованием политического статуса виновного лица и т.п. Такие преступления не являются классическими «политическими преступлениями», поскольку направлены на достижение эгоистических целей. Однако влияние именно этих форм преступности на политические процессы столь велико, что не позволяет их игнорировать и сводить современную политическую преступность к ее идеалистическим формам (впрочем, и идеалистам-революционерам никогда не были чужды эгоистические и корыстные цели).

Как справедливо отмечает профессор В.В. Лунеев, в станах, где «власть – деньги – власть – собственность» завязаны в один порочный узел», «политическая воля направлена на одно: на захват и удержание власти любыми технологиями, среди которых коррупционные технологии признаются наиболее эффективными и бескровными»²

¹ Кабанов П.А. Понятие и криминологическая характеристика политической коррупции // Следователь. – 1998. – №8. – С. 48-55; Кабанов П.А. Политическая коррупция: краткий обзор существующих дефиниций // Следователь. – 2003. – №1. – С.48-52; Кабанов П.А. Политическая коррупция: понятие и некоторые перспективные направления ее криминологического познания // Государство и право. – 2003. – №4. – С. 110-112; Кабанов П.А. Политическая коррупция в России: понятие, сущность, причины, предупреждение: Монография. – Нижнекамск, 2004.

² Лунеев В.В. Политическая коррупция в России // Организованная преступность, терроризм и коррупция: Криминологический ежеквартальный альманах. – Вып. 1. – М., 2003. – С. 71.

В понятии «транснациональная организованная преступность» отражены два параметра: 1) транснациональный характер преступной деятельности, выходящего за пределы одного государства, своего рода «интернационализация в пространстве»; 2) «сплоченность» преступников разных государств – то есть «интернационализация по кругу лиц, создание интернациональных преступных сообществ. Таким образом, это понятие отражает усложнение и укрепление транснациональных связей между преступными группировками разных стран, что позволяет им значительно увеличить масштабы преступной деятельности. «Транснациональная организованная преступность представляет собой параллельное общество, живущее по своим собственным законам, – утверждает А. Боссард¹.

Транснациональная организованная преступность не является простой суммой транснациональных преступлений, совершенных организованными группами. Это сложное, специфическое и многоаспектное социальное явление. «Будучи продуктом общества, оно обладает собственными характеристиками и закономерностями развития и способно оказывать обратное влияние на породившие его социальные условия»².

Дж. Мартин, А. Романо пишут о появлении «мультинациональных системных преступлений», которые пересекают юрисдикцию двух и более государств и оказывают воздействие или иначе затрагивают социальные учреждения и интересы граждан двух или более государств. Такая причастность обычно существенна и длительна. В качестве примера, иллюстрирующего причастность к мультинациональному системному преступлению нескольких государств, Дж. Мартин и А. Романо называют вовлечение в торговлю героином многих стран от Юго-востока Азии до Канады в середине 1980-х годов. Начавшись с так называемого «Золотого треугольника», область распространения торговли наркотиками включила: Таиланд, Бирму, Лаос, Китай, Гонконг, Малайзию, Тайвань, Южную

¹ Bossard A. Transnational Crime and Criminal Law.- Chicago: The Office of International Criminal Justice The University of Illinois at Chicago, 1990 . – P.111.

² Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. – М.,1986.– С. 68-69.

Корею, Японию, Филиппины, Сингапур, Индию, Пакистан, Шри-Ланка, Мексику, Соединенные Штаты, Канаду. Эпитет «системное» отражает тот факт, преступление является коллективной преступной деятельностью групп¹.

В качестве самостоятельного подвида транснациональной преступности можно выделить преступления общеуголовного характера, направленные на финансирование, сокрытие, обеспечение и поддержку политических преступлений. В этой связи принципиально важным представляется вопрос о корпоративной уголовной ответственности. Во многих государствах установлена уголовная ответственность за действия юридических лиц (организаций), вследствие чего понятие «преступность» расширяется за счет преступлений, субъектами которых являются организации.

В Докладе Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам, озаглавленном «Более безопасный мир: наша общая ответственность» излагается новая концепция коллективной безопасности, которая учитывает все основные угрозы для международного мира и безопасности, существующие в мире. В докладе говорится: «Транснациональная организованная преступность представляет собой угрозу для государств и обществ, подрывая безопасность человека и коренное обязательство государств обеспечивать правопорядок. Борьба с организованной преступностью служит двойной цели уменьшения этой прямой угрозы для безопасности государства и человека, а также является необходимым шагом в усилиях по предотвращению и урегулированию внутренних конфликтов, борьбе с распространением оружия и предотвращению терроризма»².

На рубеже тысячелетий происходят криминализация политики и политизация преступности. «Криминализация политики» означает, прежде всего, использование традиционной преступной тактики и средств в различных формах политического поведе-

¹ Martin J. M., Romano A.T. Multinational Crime. Terrorism, Espionage, Drug & Arms Trafficking // Studies in Crime, Law, and Justice. – Vol. 9. – P.16.

² Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам «Более безопасный мир: наша общая ответственность» A/59/565. – П. 165.

ния. «Политизация преступности» может интерпретироваться как повышение роли преступных сообществ в жизни общества, возрастание их политического влияния. В целом, это взаимосвязанные и неразделимые процессы, стирающие четкую грань между политическими и общеуголовными преступлениями в системе международной преступности.

Международная преступность превратилась в самостоятельную политическую силу. Криминологическое исследование этого сложнейшего феномена является чрезвычайно сложной, но очевидно актуальной и важной задачей.

КУБАЛЬСКИЙ В.Н.

*кандидат юридических наук, доцент кафедры
международного права Института международных отношений
Национального авиационного университета*

КРИМИНОГЕННОСТЬ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ДЛЯ ВЫДЕЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ КРИМИНОЛОГИИ

Проблема преступности носит глобальный характер, поскольку она приобрела такой характер, что уже ни одно государство в мире не может справиться с ней в одиночку. Глобализация уголовного права и уголовных законов государств безусловно обусловлена глобализацией преступности. Прежде всего речь идет о глобализации коррупции, терроризма и организованной преступности. Эти преступления составляют серьезную угрозу всем человечеству, с которыми ни одна страна не может справиться самостоятельно, поэтому требуется создание гармонизированной правовой основы для противодействия им.

Глобализация уголовного права – необратимый исторический процесс, который действительно происходит. Свидетельством этому является вступление в силу Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, Конвенции ООН против коррупции, универсальных антитеррористических соглашений и других документов. Это знаменует собой наступление новой исторической эпохи в развитии уголовного права. Предыдущая эпоха – это период развития национальных теорий уголовного права¹ и криминологии.

Длительный период теория уголовного права развивалась в рамках национальных государств. Методика создания теории уголовного права исходила из национальных реалий и интересов одной страны, обобщала теоретические предпосылки с точки зрения безопасности конкретного государства. Процессы криминализации и декриминализации в основном происходили в соответствии с внутригосударственными национальными интересами и отражали существующие национальные условия и требования безопасности отдельных государств².

Изменения, произошедшие в мире в конце тысячелетия, детерминировали процессы глобализации экономики, что с неизбежностью повлекло развитие и других общественных процессов, в первую очередь связанных с преступностью. В эпоху глобализации преступность перестала быть внутригосударственной проблемой, она игнорирует национальные границы, и становится всеобщей проблемой современной цивилизации, что требует единого уголовно-правового и криминологического подхода к противодействию ей. В этой связи требуется существенное обновление и пересмотр традиционных уголовно-правовых концепций и методик криминологических исследований, как не отвечающих на новые вызовы современности. В этой связи базовые положения уголовно-правовой теории разных

¹ Хе Бинсун, Пан Дунмей, Репецкая А. Основные направления развития организованной преступности в эпоху глобализации // Криминологический журнал байкальского государственного университета экономики и права. – 2009. – № 4. – С. 53-58. – Режим доступа до журн.: <http://cj.isea.ru/pdf.asp?id=5279>

² Там же.

зарубежных государств должны иметь общие базовые основания, а национальное уголовное законодательство зарубежных государств должно отвечать не только требованиям безопасности каждого государства в отдельности, но и безопасности человеческой цивилизации в целом¹.

Необходимо создать глобальную теорию уголовного права, в основе которой будет находиться всеобщее комплексное криминологическое исследование. Не вызывает значительных возражений существование международной уголовной юстиции, таким образом не должно вызывать удивления существование международной криминологии. Например, в американской ассоциации криминологии существует отдел международной криминологии.

Безусловно криминология, уголовное право и уголовная юстиция все чаще приобретают международное и сравнительное измерение. В некоторые периоды своей истории человечество определенные виды поведения считало желаемыми, которые сейчас законодательством многих стран признаются как преступные. То, что в одном штате США признается преступным, в другом – легализовано (например, деятельность казино в штате Невада). В штате Мэриленд легальный возраст сексуальной активности определяется в 9 лет, а в других штатах – 16-18 лет. Почему? На эти и другие вопросы отвечает, к примеру, американская криминология.

Любое преступление несет зло. Это в любой стране. Но преступным может признаваться и деяние, которое не несет зла, но тем не менее определяется в законе как преступное. В мире не существует универсального определения преступления.

Отсюда разное отношение законодателя к криминализации эвтаназии, аборт, легких наркотиков, владения оружием, американский опыт криминализации производства алкоголя в 20-30 г. XX ст. В тоже время общепринято во всех правовых системах мира то, что убийство является криминализируемым деянием с учетом его огромного и очевидного вреда.

¹ Там же.

Как справедливо заметил Я. Гилинский, «преступность – понятие относительное, конвенциональное, социальный конструкт. Нет деяний (действий, бездействий), которые по своему содержанию были бы преступны. Так, умышленное лишение человека жизни может быть тяжким преступлением – убийством, или дозволенным действием, скажем, эвтаназия, когда она разрешена, или... подвигом – на войне»¹.

Например, употребление алкоголя преступно в мусульманских странах, курение табака было преступно и каралось смертной казнью в средневековой Испании и т.п. Нет и не может быть причины преступности и только преступности, ибо, как социальный конструкт, преступность имеет одну единственную «причину» – «конструктора», или законодателя. В свою очередь, международное уголовное право имеет свой механизм создания норм через совершенно другую систему – согласование воле государств, как основных субъектов международного права. Отмени уголовный закон, и преступности не будет, хотя будут лишать жизни и имущества. Преступность в любом современном государстве охватывает столь разнородные деяния, что в принципе не может быть их единой причины. Объем деяний, признаваемых преступными, меняется от государства к государству, от одного времени к другому. А как быть с причиной?

Границы между позитивным и негативным девиантным поведением подвижны во времени и пространстве социумов. Это в первую очередь касается необходимости криминализации причин и условий терроризма через конструирование сложного субъекта терроризма.

Так вот, «вечность» преступности, потребления наркотиков и алкоголя, проституции, коррупции, не говоря уже о позитивных девиациях – творчестве, свидетельствует о том, что все существующие проявления девиантности – функциональны: несут ту или иную социальную нагрузку, играют определенные социальные роли. Или,

¹ «Меня не переставали интересовать причины преступности» (к 75-летию социолога Я.И. Гилинского). – [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://sartracc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Press/gilinsky.htm

как говорил Гегель, «все действительное разумно». То же самое можно применить и по отношению к терроризму. Терроризм общепризнанно является одним из регуляторов взаимоотношений акторов международных отношений.

Получается, что для международного уголовного права нет своей «вспомогательной» дисциплины, какой является криминология для уголовного права. Уголовное право априори является оторванным от международной обстановки. Международная криминология в своем становлении должна опираться на основные понятия и категории международного уголовного права.

Итак, в перспективе (достаточно, впрочем, далекой) видится формирование, наряду с уже существующими международным уголовным правом и криминологией, таких самостоятельных наук, как социология международного уголовного права. Это обусловило преимущественно социологический подход к основным проблемам международной криминологии (причины преступности, меры борьбы с криминальными проявлениями). Ведь такие меры возможно разработать лишь в рамках международного права, поскольку на причины того же терроризма эффективно можно воздействовать в первую очередь с использованием инструментов международного уголовного права. Механизм отечественного уголовного права явно недостаточен для противодействия терроризму как международному по своей природе явлению.

Выделение международной криминологии неизбежно, это лишь вопрос времени, сосуществование международной криминологии, сравнительной криминологии и традиционной криминологии также неизбежно, они неразрывно связаны между собой, и только совместное их изучение способно адекватно объяснить исследуемые процессы и дать правильные ответы на вопросы, стоящие перед человечеством на современном этапе – а это коррупция, терроризм, организованная преступность и т.д., которые носят зачастую международный характер. К тому же этот термин вполне отвечает принципу наименования научных дисциплин и отраслей науки по формуле: обозначение предмета + «логия». Одним из

важных аспектов указанного предмета выступают криминогенные глобализационные процессы.

Очевидно, что при исследовании терроризма следует применять криминологический подход, обладающий свойствами системности, поэтому целесообразно рассматривать терроризм как глобальное, международное явление. Отсюда задачей международной криминологии является выработка объективных и справедливых унифицированных критериев криминализации преступных деяний для государств мира, что существенно упростило бы международное сотрудничество в сфере борьбы с международной и трансграничной преступностью, правовую помощь в уголовных делах, подготовку, принятие и ратификацию универсальных международных договоров, содержащих нормы международного уголовного права.

РЫЖОВ И.Н.

докторант Национальной академии

Службы безопасности Украины,

кандидат юридических наук, доцент специальной кафедры

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ ТЕРРОРИЗМА

Вопросы, касающиеся определения криминологической сущности терроризма сегодня, на фоне глобальной международной антитеррористической кампании, очень актуальны. Криминологическая сущность терроризма не может быть понята без уяснения соотношения понятий «террористическая деятельность» или «террористический акт», «террор» и «терроризм». При этом следует заметить, что если понятие терроризма является криминологическим, то понятие любого конкретного действия – уголовно-правовым. Терроризирование или террор – общая криминологическая характеристика для данного типа преступной деятельности.

В отличие от понятия «террор», содержание которого знакомо из курса истории, понятие «терроризм» сравнительно новое. Его триумфальному ходу по планете в значительной мере оказывает содействие развитие средств массовой информации и появление новых информационных технологий, способных мгновенно донести все ужасы террористического акта до большой аудитории, причем, не только констатировать тот или другой факт, но и в деталях его прокомментировать и показать последствия – тем самым, тиражируя ужас и культивируя массовый синдром неадекватного страха. Без этого современный терроризм невозможен. Можно утверждать, что социально-политическое содержание современного терроризма – это состояние неадекватного социально-психологического резонанса в обществе, которое достигается путем многократного усиления средствами массовой информации эффекта психологического влияния единичного факта насильственных противоправных действий или угрозы их осуществления.

Вопрос о месте терроризма в современном обществе адресован прежде всего политикам, так как именно они формируют концепцию права, а также правоведам, поскольку их трактовка этого явления предполагает определение соответствующих норм и санкций.

Юристы советской школы определяют терроризм как преступление против общественной безопасности, в основном в форме угона воздушного судна, захвата заложника, покушения на жизнь государственного или партийного деятеля. В такой трактовке практически невозможно определить принципиальные отличия терроризма от уголовной преступности. При этом не определяются расхождения между понятиями «терроризм» и «террористический акт», хотя очевидно, что терроризм – это процесс, а террористический акт – действие, а основным квалифицирующим признаком этого действия есть запугивание определенной части членов общества. Террор политический – злоупотребление государственной властью с целью принуждения путем запугивания гражданского общества – это разновидность террористической деятельности.

Сам факт террористической деятельности может и должен рассматриваться как уголовное преступление. Но террористический акт – это лишь способ достижения цели. Цель терроризма состоит не в осуществлении взрыва или поджога. Цель терроризма – разрешение социального конфликта между системой социального управления и остальным обществом. При этом обе стороны могут применить насильственные методы террористической направленности. Власть (или некоторые из ее институтов) также наиболее часто применяет методы запугивания населения, влияет на принятие решений. Особенно остро такие процессы наблюдаются в нашем обществе в период становления той же власти. Каким образом соотносятся террор в отношении собственного народа в период построения социализма, преследование инакомыслящих в период развитого социализма и терроризм? В рамках современного правового поля такой вопрос никогда не стоял. В подобном контексте терроризм должен быть предметом публичного права.

Даже парадигма слова предполагает двойственность смыслового содержания. Терроризм может рассматриваться как процесс и как действие. Сущность понятия «терроризм» как действия принято иллюстрировать соответствующими статьями из Уголовного кодекса или традиционно принятым в обществе понятием. При этом, на мой взгляд, содержание этого понятия косвенно отображает стиль власти. Так, американские политологи считают, что терроризм – это «использование или угроза использования насилия в политических целях отдельными лицами или группами, которые действуют как на стороне, так и против существующего правительства, если такие действия направлены на то, чтобы повлиять на большее количество людей, чем непосредственные жертвы».

Террористическая деятельность, как правило, определяется содержанием соответствующей статьи УК и относится к группе преступлений, направленных против общественной безопасности и общественного порядка. В соответствии с этими целями терроризм (подрыв, поджог или другие общественно опасные действия) есть нарушение общественной безопасности, запугивание населения или

влияние на принятие решений органами власти. В отличие от трактовки американских политологов, которые допускают возможность использования насилия в интересах действующего правительства, например, «российская» трактовка терроризма однозначно определяет терроризм как преступление против общественной безопасности. Однако такая трактовка скрывает мотивы терроризма как фазы социального конфликта, заочно оправдывает власть, то есть существующий механизм социального управления обществом. На мой взгляд, подобная трактовка понятия «терроризм» – всего лишь удобная форма маскировки подавления несогласных с существующим режимом политических сил. Концепция борьбы с «врагами народа» в эпоху построения социализма также основывалась на идее усиления общественной безопасности. В условиях тоталитарного государства это закономерно, но не допускается в обществах, которые стремятся к демократии.

Терроризм – это вид преступной деятельности, который предполагает двойной объект: непосредственную жертву террористического акта и опосредованную жертву психологического влияния. Вид преступления, которое используется для террористического акта, не может быть конкретизирован. Это может быть любое противоправное действие, связанное с человеческими жертвами, или же без таковых. Терроризм, в нашем понимании, – это процесс навязывания гражданскому обществу, независимо от принципов его организации, алгоритма социального управления, или его принудительной коррекции путем угрозы или проведения антиобщественных действий насильственного характера, которые способны вызвать широкий общественный резонанс на основе виртуального страха.

Как вытекает из определения, цель терроризма как действия сводится к попытке коррекции алгоритма социального управления в обществе путем запугивания общества. При этом не имеет значения, о каком типе социального управления идет речь. Это может быть режим власти в обществе, мировой порядок или принцип управления внутри организованной преступной группы или трудового коллектива.

Таким образом, терроризм можно рассматривать как отягчающую вину обстоятельство. В этом случае что-либо, в том числе и должностное преступление, – злоупотребление служебным положением или превышение власти, которое спровоцировало применение методов терроризирования – может быть дополнительно квалифицировано в зависимости от степени социальной опасности.

Терроризм можно рассматривать как форму организованной преступности, жертвой которой есть общество, а целью – власть. Мотив терроризма – изменение алгоритма социального управления. Это более широкое понятие, нежели простая попытка повлиять на принятие решения органами власти. Ведь решение органов власти, в особенности в области хозяйственно-экономической деятельности, не всегда имеют политическое значение. В условиях перманентной демократии любая попытка повлиять на решение власти может привести к нерешаемому социальному конфликту. В таком контексте терроризм – прерогатива публичного или конституционного права.

Сущность понятия «терроризм» как процесса сводится, в конце концов, к вере в возможность перестройки мира путем использования террористических методов. Прежде всего, это использование метода запугивания населения, как правило, того, которое не имеет отношения к конфликтующим, с целью психологического давления на более сильного участника конфликта, который занял принципиальную позицию. Именно трехгранность конфликта специфично отличает терроризм от уголовного преступления. При этом есть обязательное условие – наличие фактора массового запугивания, иначе этот конфликт будет типичным уголовным преступлением.

На мой взгляд, именно подобная идеология служит основой международного терроризма, который все чаще заявляет о себе как о глобальном социальном процессе. В этом случае терроризм может рассматриваться как реакция некоторых оппозиционных сил (как правило, равных субъектов геополитического масштаба) на несправедливость мирового порядка.

Юридическая парадигма понятия «терроризм» многозначна: преступление, состав преступления, степень социальной опасности. На наш взгляд, терроризм нельзя рассматривать как отдельное

преступление. Терроризм – должен рассматриваться как характер социальной опасности без привязки к конкретному преступлению. Прежде всего, терроризм – обстоятельство, определяющее степень социальной опасности преступления, отягчая ответственность за него. При этом, учитывая специфику терроризма, как последствий несовершенства и ошибок в системе социального управления, мера ответственности должна распространяться и на те системы и элементы систем социального управления, отдельных личностей, которые своими действиями или бездействием спровоцировали терроризм.

Вопрос определения сущности терроризма является полемическим и донныне. На фоне лозунгов борьбы с терроризмом, каждая из воюющих сторон его трактует и понимает по-своему. Да и в лагере борцов с терроризмом нет единства в понимании сущности данного процесса. Попытки дать правовую оценку терроризма, как правило, сводятся к его квалификации как уголовного явления. На мой взгляд, терроризм как вид преступной деятельности, в рамках отдельно взятого общества квалифицирован быть не может, именно потому, что представляет собой внутрисистемную фазу социального конфликта между обществом и властью. Попытки определить законодательно содержание терроризма минимум авантюрные, а в условиях перманентной демократии опасны, поскольку имеют целью подчинения несогласных с установленным алгоритмом социального управления. При этом узаконивается применение насилия в отношении несогласных, т.е. легитимизируется террор, а это тоже преступно. Установить кто прав, а кто виноват, способна только система более высокого уровня, на основании глубокого объективного социального мониторинга конфликтующих обществ. Такой механизм отсутствует, однако, терроризм, как и многие другие глобальные проблемы, ценою в человеческую трагедию, стоящих перед обществом в настоящее время, требует немедленного ответа, сформулировать который в состоянии террорология – частная криминологическая теория, изучающая террор, основные виды и формы его проявления, причины, личность террориста, меры по предупреждению террора и терроризма.

ДУДЧАК А.В.

кандидат экономических наук,

Киевский национальный торгово-экономический университет

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ МИРОВЫХ РЕСУРСОВ – ОТ ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕРРОРИЗМА ДО ГУМАНИТАРНОГО ТЕРРОРА

С 11 сентября 2001 года слово «терроризм» стало самым популярным в речах большинства американских политиков, их поддержали сначала западные средства массовой информации, а потом эхом и все остальные информагентства планеты. Дружный хор политических деятелей практически всех стран мира активно подпевал, снежным комом наращивая страхи перед «всемирной террористической угрозой». В последние годы в средствах массовой информации слово «терроризм» уступило по популярности, но лишь немного, слову «кризис».

Эти два понятия взаимосвязаны. Что из них первично, что вторично – вопрос такой же риторический, как и вопрос «что было раньше – яйцо или курица?». Страна, переживающая глубокий экономический кризис имеет естественную среду для размножения вируса терроризма: социальное неравенство создает почву для усиления противоречий между различными слоями общества, стимулирует развитие различных националистических (этно-религиозных) группировок, в том числе экстремистских, вызывает массовое недовольство населения руководством страны. В тех случаях, когда центральная власть не имеет достаточно ресурсов для подавления внутренней оппозиции, а интересы радикально настроенных сил внутри страны совпадают с интересами противников государства на внешней арене (или вообще созданы внешними силами), страна в большой степени вероятности попадет под волну терроризма. С другой стороны, страна в целом благополучная с точки зрения общих макроэкономических показателей, но попавшая в силу определенных

обстоятельств под системную террористическую атаку, сталкивается с проблемой возникновения экономического кризиса.

Изучать отдельные террористические акции и даже деятельность террористических организаций в целом и пытаться предотвратить их традиционными способами, такими, как совершенствование контрпартизанской тактики (применение наиболее приемлемых ответных форм и методов действий, которые должны применяться против диверсионно-террористических формирований) и развитие институциональных органов и систем (которые должны продуцировать и реализовывать антитеррористическую деятельность во всем разнообразии ее направленностей, форм и методов, а также примененных сил и средств)¹ – все это необходимо. И все это – удел стран, центральная власть которых имеет политическую волю отстаивать свои интересы (чаще всего, эти интересы совпадают с интересами большинства населения), но не имеет экономических и технических возможностей ликвидировать источники подрывной деятельности внутренних диверсионно-террористических организаций, осуществляемой при поддержке внешних сил.

Борьба за ресурсы велась на протяжении всей истории человечества. В настоящее время она значительно усилилась и ужесточилась, приобрела новые формы, способы и стратегии. Терроризм, как одна из наиболее эффективных форм этой борьбы, вышел на совершенно иной качественный уровень – государственный. Если раньше, на протяжении столетий, насильственное перераспределение ресурсов между государствами происходило с помощью военных действий, то сегодня потери, понесенные многими государствами в результате преобразований, зачастую «демократических», ничем по масштабам не уступают потерям, присущим традиционным боевым действиям. А способы «перераспределения» этих ресурсов варьируются от террористических с использованием вооруженных сил, но исполняемых на государственном уровне, до «ненасильственных» методов свержения законной власти страны, с использованием так

¹ В.Ф. Антипенко. Оптимізація антитерористичної системи держави в умовах міжнародної і регіональної інтеграції. – К., 2008. – С. 247.

называемой «демократической оппозиции» и неправительственных организаций (НПО).

Война – это средство отъема ресурсов (природных, людских, интеллектуальных, культурных и пр.) у одного политического образования, субъекта международных отношений другим. Войны бывают «горячие», когда проливается кровь, гибнут люди, порой миллионами, а бывают и «холодные», когда затрачиваются огромные ресурсы для наращивания военного потенциала. Как говорил Клаузевиц, «война есть продолжение политики иными средствами»¹.

В настоящее время, весь мир по сути находится в состоянии войны. Украина – наиболее яркий пример и подтверждение происходящей ныне Мировой войны. Потери украинского государства к моменту окончания правления «оранжевой» администрации в сравнении с концом 80-х составили, в объемах производства – 40-50% и численности населения – 14%, что сопоставимо с потерями УССР, пережившей фашистскую оккупацию во время Великой Отечественной Войны и последующий неурожай, и голод 1945 года. Именно, этот период с 1991 года – уничтожение Советского Союза «демократическим» путем и можно считать началом Третьей мировой войны – «демократической». Методы ведения нынешней войны невероятно разнообразны в зависимости от места проведения «боевых действий».

Происходит перераспределение ресурсов планеты и устанавливается контроль над стратегически важными с геополитической точки зрения территориями с помощью приведения к власти марионеточных режимов. Судя по организаторам и «реализаторам» этого перераспределения – происходит оно в интересах одного государства. Остальные исполняют роль «союзников», сателлитов, врагов или жертв – теряющих свои ресурсы в разной степени. В отдельных случаях этот процесс происходит в виде прямой вооруженной агрессии, во многих случаях – путем смещения законных властей иными способами и заменой их на колониальные режимы современного типа. Чем больше в недрах страны содержится природных ресурсов,

¹ <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/3/137.htm>

в первую очередь исчерпаемых углеводов и чем меньше политика этого государства отвечает интересам США, тем выше степень угрозы внешней агрессии и активизации внутренней оппозиции и диверсионно-подрывной деятельности.

В настоящее время, страны с недостаточно мощным государственным аппаратом, неспособным противостоять внешнему политическому и финансовому давлению, первыми теряют контроль над своими ресурсами и свой суверенитет – среди них восточноевропейские, бывшие социалистические страны и некоторые республики бывшего Союза, в том числе и Украина. Украина все еще не восстановила суверенитет и контроль над своими ресурсами, невзирая на смену власти, из-за тяжелой кредитной зависимости от Международного валютного фонда и других международных финансовых организаций, из-за кабальных условий членства во Всемирной торговой организации и многих иных причин.

Страны с достаточно сильной государственной властью и идеологией, объединяющей большинство населения, пали вследствие вооруженной внешней агрессии из-за невозможности оказать достойный отпор вооруженными средствами (в первую очередь из-за отсутствия ядерного оружия). Сильная государственная власть, не соглашающаяся добровольно отдать свои ресурсы «старшим братьям по разуму» из Вашингтона объявляется «диктатурой», «тоталитарным режимом», «пособником терроризма», подвергается международным санкциям, и, в итоге уничтожается. Так было с Югославией (в границах 1999 года), Афганистаном и Ираком.

Лишь страны, обладающие высоким военным потенциалом (в первую очередь ядерными технологиями), мощным государственным аппаратом и идеологией, способны к сопротивлению, но чаще всего находятся «под прицелом», как будущие жертвы и в состоянии экономической блокады. Такие страны получили кличку «изгоев» – Иран, Северная Корея.

Высший пилотаж – организация современных не кровопролитных «боевых действий», направленных на перераспределение ресурсов. Это добровольная отдача государством своих ресур-

сов завоевателю, путем «демократического волеизъявления» народа, вследствие которых руководство страной достается проамериканскому марионеточному режиму. Так уже было в Сербии, Грузии, Украине (2004-2010 гг.), Киргизии (2005 г.) и т.д. В связи с этими событиями можно утверждать, что появился совершенно новый вид войны – война «демократическая». Для ее непосредственного ведения не требуются армия, авиация и флот. Ее цели реализуются с помощью различных «некоммерческих», «неприбыльных», общественных и т.д. организаций – НПО. Но в ходе «демократической» войны точно также определенное государство теряет контроль над своими ресурсами, как и в ходе традиционной «горячей» войны. Утрачивает боеспособность армии или армия переходит под управление иностранных штабов, так как это произошло в случае с восточноевропейскими странами. Бывшие социалистические страны Восточной Европы, вступив в НАТО, потеряли в значительной степени свой военно-промышленный комплекс (ВПК) – например, Польша лишилась 95% своего ВПК со вступлением в НАТО. Их заставили избавиться от высокотехнологичных средств вооружений – например, Словакия и Болгария вынуждены были уничтожить тактическое ракетное вооружение, доставшееся им по наследству от Организации Варшавского договора.

В результате «демократических» войн страна зачастую попадает в зависимость от международных валютно-финансовых организаций, а местные производства, не выдерживая конкуренции с международными транснациональными корпорациями, превращаются в их дочерние предприятия. Захват ресурсов и территорий часто сочетает в себе методы гуманитарного воздействия и откровенно террористические операции.

Как известно, общепринятого юридического определения понятия «терроризм» до сих пор не существует. Можно воспользоваться таким определением этого понятия: идеология насилия и практика воздействия на общественное сознание, на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с

устрашением населения и/или иными формами противоправных насильственных действий¹. Такое определение дает российское право. Можно воспользоваться и трактовкой терроризма правом США – преднамеренное, политически мотивированное насилие, совершаемое против мирного населения или объектов субнациональными группами или подпольно действующими агентами, обычно с целью повлиять на настроение общества².

В обоих случаях действия США в Афганистане, Ираке и Югославии полностью подпадают под эти определения. Как и в более, чем в четырех десятках стран за период после Второй мировой войны. Из двухсот вооруженных конфликтов, организованных США после Второй мировой войны, лишь два (!) были формально санкционированными ООН, в остальных случаях мнение мирового сообщества было полностью игнорировано. Официальная причина вторжения в Афганистан – необходимость поимки практически сказочного персонажа, изобретенного самими же Соединенными Штатами – Осамы бен Ладена, которому инкриминируют осуществление терактов в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. (также подготовленных и осуществленных соответствующими ведомствами самих же США)³.

А чем на самом деле занимаются США в Афганистане? И ради чего требуют от своих партнеров увеличить численность своих вооруженных сил в этой стране? Судя по тому, что за время пребывания там американских войск, производство наркотиков на территории Афганистана увеличилось в 44 раза, то именно ради этого и ведется война. На сегодняшний день 92% мирового производства героина сосредоточено именно в Афганистане, а 21% мирового потребления приходится на одну только Россию. Международная наркомафия зарабатывает на афганских опиатах, в первую очередь на героине, по самым скромным подсчетам, свыше 100 мил-

¹ Федеральный закон РФ от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

² Кодекс законов США, титул 22 раздел 2656 ф(д).

³ Платонов О., Райзеггер Г. Почему погибнет Америка? (Взгляд с Востока и Запада). – К., Оріяни, 2005. – С. 213-409.

лиардов долларов в год¹. Правительство США выделяет на войну в Афганистане 65 млрд. долл. И это без учета расходов других стран, участвующих в «наведении порядка» в этой стране.

ВВП Афганистана – 13,32 млрд. дол. по официальному курсу обмена и 23,35 млрд. дол. (по паритету покупательной способности). А в расчете на душу населения – 700 долл. в год. – 53% населения живет ниже черты бедности. Остальные «поселились» не намного выше. Доходная часть бюджета страны в 2009 году составила – 1 млрд. долл. и 3,3 млрд. долл. – расходная его часть – разница покрывается различными «фондами восстановления»². Неужели на сумму, выделенную на войну, в 4,9 раза превышающую весь ВВП страны по официальному курсу, нельзя было бы создать условия для мирной и сытой жизни внутри этой страны? Можно было бы. Но эти простые цифры говорят об истинных целях американской администрации – создание напряженности в этом важнейшем, с геополитической точки зрения, регионе; возможность контроля среднеазиатских республик, в том числе и с помощью финансирования подрывной деятельности на средства, полученные от наркоторговли; уничтожение населения России с помощью контрабанды наркотиков и т.д. То есть действия США в этой стране полностью соответствуют определению – «терроризм».

Но террористические действия порой оправдываются «борьбой с терроризмом»! Как это было, например, в Ираке. Официальные причины вторжения в эту страну – наличие у Ирака оружия массового поражения, и финансирование международного терроризма. Вряд ли, для более менее образованного человека могут быть сомнения, что реальные причины очевидны: одни из крупнейших в мире запасов нефти, в недостаточной степени контролируемые США до войны; необходимость сдерживания экономического роста Китая, который планировал многомиллиардные инвестиции в экономику Ирака; важное стратегическое местоположение Ирака, предоставляющее возможность контроля региона и давления на Иран. Но

¹ <http://www.antidrugfront.ru/publications/00908.html>

² <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/af.html>

окончательно Саддам Хусейн подписал сам себе смертный приговор отказом от расчетов за нефть в долларах – планировался переход на расчеты в евро и иенах. А это уже воспринимается Соединенными Штатами, как попытка залезть в их карман. За первые три года пребывания войск США в Ираке около одного миллиона людей были уничтожены американцами. По их мнению, все они были террористами. А вторгшиеся на чужую территорию, за тысячи километров от своего дома иностранные войска – «освободители, принесшие демократию». Теперь же обе эти страны – и Афганистан, и Ирак стали «незаживаемыми» ранами. Вероятно, кровопролитие там закончится не раньше истощения нефтяных запасов и опиумных посевов. А бороться с «террористами» можно, пока не закончится население этих стран.

Пример уничтожения Югославии – один из наиболее откровенных и циничных примеров терроризма на государственном уровне. День праздника Святой Пасхи, 24 марта 1999 года – дата начала бомбардировок натовскими агрессорами территории суверенного государства Югославии, главная вина которого – несоответствие политики страны интересам США. Дата 24 марта 1999 года – дата смерти международного права, как такового, соблюдение общепризнанных принципов и норм которого было обязательно для всех стран мира. По официальным данным, в результате бомбардировок Югославии войсками НАТО, около 2500 мирных граждан погибли, среди них 89 детей, около 12500 были ранены, пропали без вести более 1000 человек. Без работы осталось около 600 тысяч человек, 2,5 млн. граждан осталось без каких-либо доходов и средств к существованию. Натовские террористы издевательски назвали операцию – «Милосердный ангел».

В ходе 11-недельной операции натовских ВВС нанесено в общей сложности 2300 авиаударов по 995 объектам. В ней было задействовано 1150 боевых самолетов. На югославской земле разорвалось около 420 тысяч боеприпасов общим весом в 22 тысячи тонн, в том числе 20 тысяч тяжелых авиабомб, 1300 крылатых ракет, 37 тысяч кассетных бомб, многие из которых были начинены обедненным

ураном – сейчас этот «обедненный уран» вызвал массовое заболевание раком среди жителей Сербии и Черногории. Уровень радиации в ряде населенных пунктов Сербии, пораженных в 1999 году обедненным ураном, до сих пор превышает допустимые нормы. По существу, это геноцид США против народов Югославии. Практически полностью была уничтожена не только военно-промышленная, а и гражданская инфраструктура Сербии, разрушены более 1,5 тысячи населенных пунктов, 60 мостов, 30% всех школ, около 100 памятников. Материальный ущерб от бомбардировок составил до 100 млрд. долларов¹.

За всю послевоенную историю такое в Европе случилось впервые. Избиение Югославии окончилось Кумановским военнотехническим соглашением (подписано 9 июня 1999 года), по которому сербские войска и полиция на территории Косово и Метохии заменялись международным «миротворческим» контингентом.

Бомбардировки прекратились после полудня 10 июня, в тот же день Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1244 по проблемам статуса и мирного урегулирования в Косово – наконец-то НАТО разрешило ООН поучаствовать! На ее основании, на территорию южной сербской провинции были переброшены 37,2 тысяч военнослужащих контингента КФОР из 36 стран мира. Отряды миротворческих сил КФОР вошли в Косово и Метохию 13 июня 1999 года «с целью обеспечить мир и стабильность всем жителям края». За время, прошедшее с того дня, более трехсот шестидесяти тысяч (360 000) сербов бежали или были изгнаны из своих домов, несколько сотен людей убито или похищено албанскими экстремистами, последними сожжены тысячи сербских домов². Множество бесценных православных храмов XIV-XVI веков было уничтожено после прихода «миротворцев» и при полном им безразличном созерцании.

Теперь на территории Косово находится самая крупная, по численности личного состава, зарубежная база США – Бондстилл. Логическим результатом военной агрессии НАТО против Югославии

¹ <http://www.srpska.ru/article.php?nid=11077>

² <http://www.pravoslavie.ru/cgi-bin/sykon/client/display.pl?sid=422&did=693>

стал акт о независимости Косово, принятый в Приштине 17 февраля 2008 года¹. Сербия, Россия, Китай, Индия, пять государств-членов ЕС, а также десятки других стран, в том числе и Украина, составляющих абсолютное большинство в ООН, самопровозглашенную косовскую независимость признавать отказываются. Теперь это квазигосударство на юге Европы само является территорией постоянного террора против коренного сербского населения. Но это уже совершенно не беспокоит организаторов уничтожения Югославии – своих целей они добились.

Становится очевидным, что самая мощная страна в мире является и самым большим международным террористом. США официально выделяют на вооружения 680 млрд. долл. в год (по состоянию на 2009 г.) – сумма, превосходящая сводный военный бюджет всех остальных стран мира. Она более чем в 2 раза превышает военный бюджет США времен самого напряженного противостояния двух систем в разгар «холодной войны», когда президент США Р. Рейган обозвал СССР «империей зла». Сегодня США имеют 830 военных баз в более чем 130 странах мира. Потому и может себе позволить производить примерно 20% всемирного ВВП, а потреблять около 40%.

Бороться с терроризмом можно традиционными средствами, если это деятельность действительно подпольных организаций, преследуемых всеми официальными властями всех государств мира. Но если организатор – самая мощная страна мира, бороться с терроризмом, ею организованным, практически невозможно.

В последние десятилетия происходит смещение акцентов с военных методов, открытых вооруженных вмешательств и агрессии против суверенных государств, в сторону невооруженных, «ненасильственных» методов свержения законных правительств различных государств. Многие страны оказались бессильными перед новыми технологиями ведения «демократических войн». Технологии, в основе которых лежали теории «гражданского неповиновения» и «ненасильственного сопротивления» Генри Торо и Махатмы Ганди, как политические и военные технологии в сочетании с

¹ [http://ru.wikipedia.org/wiki/Провозглашение_независимости_Косова_\(2008\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Провозглашение_независимости_Косова_(2008))

информационными, стали широко применяться с начала 80-х годов. И дали эффект, значительно превосходящий прямые вооруженные вторжения. Результатом этого стало поражение СССР в «психоментальной войне», как называл это противостояние Айзек Азимов, и появление на политической карте мира более двух десятков новых государств и территорий, оспаривающих свою легитимность. Возникает важный вопрос – каков механизм реализации этих политических технологий? Через какие организационные формы происходит реализация этих идей?

Современные проводники этих технологий – различные фонды и НПО, имеющие более чем нескромное финансирование как из госбюджета Соединенных Штатов и их союзников, так и якобы состоящее из частных пожертвований. Официально вся эта спонсорская помощь предназначена «программам поддержки демократии» и прочим вполне пристойным программам. Естественно, США и их западные союзники стараются не афишировать источники финансирования переворотов и революций. Для этих мероприятий специально создаются «независимые» фонды, институты и центры, действующие самостоятельно, от своего собственного имени. Среди первостепенных американских учреждений, участвующих в организации массовых выступлений оппозиции можно выделить такие, как: Национальный демократический институт, Международный республиканский институт, Госдепартамент США, Агентство международного развития США, Национальный фонд за демократию, Дом свободы и Институт Открытого Общества миллиардера Джорджа Сороса. Из-за транспарантов любой из «цветных революций» в мире «торчат уши» этих организаций, везде присутствуют одни и те же лица и структуры. Они спонсируют оппозицию, консультируют ее лидеров и организуют информационные мероприятия.

Но особое место среди них занимает организация, осуществившая трансформацию теории и накопленного опыта в методологию, получившую практическую реализацию. Это Институт Альберта Эйнштейна (далее – ИАЭ), действующий совместно с Домом свободы – организацией с многолетним опытом, начавшей свою деятельность еще во времена президента Рузвельта. Обе организа-

ции работают по формированию нужного общественного мнения. Возглавляет ИАЭ Джин Шарп, изучавший в 50-е годы XX века теорию гражданского неповиновения Генри Торо и Махатмы Ганди. В 80-е годы XX века гражданское неповиновение стало политической и даже военной технологией. В 1983 году в Центре международных отношений Гарвардского института Джин Шарп создает «Программу ненасильственных действий». В своей теории Д. Шарп исследует возможности применения населением восточноевропейских стран-членов Организации Варшавского Договора тактики гражданского неповиновения в случае ввода войск Варшавского Договора под руководством СССР.

Д. Шарп добивается финансирования своих исследований и применяет созданные модели на практике. В 1987 году, в разгар перестройки в СССР, ИАЭ получает субсидию от Американского института мира Соединенных Штатов и организывает семинары по обучению соответствующих организаций «защите от коммунистических оккупантов путем гражданского неповиновения» в дружественных Советскому Союзу социалистических странах. Французский генерал Жорж Фрико-Шагно в рамках этих семинаров в Институте исследований национальной обороны представляет концепцию «гражданского устрашения». Кстати, ранее Генерал Жорж Фрико-Шагно был военным атташе в посольстве Франции в Вашингтоне, а позже – главой французской военной миссии в НАТО. Осознавая потенциальные возможности ИАЭ, ЦРУ направило в эту организацию специалиста по секретным действиям полковника Роберта Хелви, работавшего в тот момент деканом Школы подготовки военных атташе посольства.

Использование технологий «ненасильственного» свержения законной власти можно было наблюдать в каждом случае проведения «цветной революции», а точнее в каждом эпизоде всемирной «демократической» войны, в результате которого к власти в странах ведения этой войны были приведены проамериканские режимы. Это такие, как «поющая революция» в Литве (1990 год), «бархатная революция» в Чехословакии, смещение президента Словакии – Мечьяра в 1998 году (идентичный сценарий был использован при приведе-

нии к власти Ющенко в 2004 г. в Украине), «студенческая революция на граните» в Украине в 1990 году (в 2004 г. на манеже будут все те же, точнее на Майдане, но уже более опытные и в 2004 г. бывшие «гранитные» студенты получают посты во властных структурах), «революция роз» в Грузии, «оранжевая революция» в Украине, «революция тюльпанов» в Киргизии, переворот в Сербии в 2000 году и многие другие удавшиеся и не удавшиеся перевороты.

Во всех этих случаях активную работу проводили одни и те же НПО, перечисленные выше. Одни и те же источники финансирования. Организаторы не очень беспокоятся о разнообразии средств и методов, используя как клише наиболее удачные. Даже внешне их творения ничем не отличаются. Можно лишь сравнить символику и видеокadres проведения акций таких организаций, как сербский «Отпор», грузинская «Кмара», украинская «Пора» и нынешняя российская «Оборона». Лидеры этих подрывных организаций активно обмениваются опытом, проходят «повышение квалификации» на средства все тех же NED, Freedom House, USAID, IRI, IAE, NDI, Open Society и т.д.

Одна из наиболее часто используемых тактик – требование отставки отдельных, выбранных в качестве жертвы, неудобных политиков, вплоть до президента, членов кабинета министров, вплоть до премьера. Для этого используются «студенческие волнения», давление средств массовой информации, создание невыносимых условий для работы и выполнения своих рабочих обязанностей. Всему этому можно дать точное название – «гуманитарный террор». Эту тактику «гуманитарного террора» мы можем наблюдать после победы В. Януковича на выборах президента Украины. Первой его жертвой избран министр науки и образования – Д. Табачник. Странное понимание «демократии» наблюдаем у самых громких глашатаев демократии – убрать неудобного им деятеля путем разнообразного давления, с использованием поддержки «демократических» СМИ, при супервайзерстве «независимых» международных НПО. Выборы разных уровней в государстве уже не являются демократическим способом смены власти. Хотя они и проводятся при массивном давлении со стороны СМИ, судя по акционерам, многие из них уже принад-

лежат транснациональным корпорациям или попали под их влияние. Даже если народ не полностью поддается оболваниванию и в результате выборов приходит к власти личность, не устраивающая «главного спонсора», то в таком случае на арену выходит «демократическая оппозиция» с требованием «прислушаться к ее мнению», а по сути, с вымогательством полностью выполнять ее требования, т.е. требования меньшинства, проигравшего выборы.

Подробный учебник «гуманитарного террора» – «198 методов ненасильственных действий»¹ Джина Шарпа – библия современного гуманитарного террориста-грантоеда. Эти методы открыто пропагандируются и используются. Невзирая на все признаки терроризма, эти методики не встречают практически никакого сопротивления. Очередная недооценка их эффективности может привести к очередной смене власти «ненасильственным» способом. Пора называть вещи своими именами. Пора назвать террористов террористами и научиться оказывать им сопротивление.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Антипенко В.Ф. Оптимізація антитерористичної системи держави в умовах міжнародної і регіональної інтеграції. – К., 2008. – С. 247.
2. <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/3/137.htm>
3. Федеральный закон РФ «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. // Собр. зак-ва Рос. Фед. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.
4. Кодекс законов США, титул 22 раздел 2656 ф(д).
5. Платонов О., Райзеггер Г. Почему погибнет Америка? (Взгляд с Востока и Запада). – К., Оріяни. – 2005. – С. 213-409.
6. <http://www.antidrugfront.ru/publications/00908.html>
7. <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/af.html>
8. <http://www.srpska.ru/article.php?nid=11077>
9. <http://www.pravoslavie.ru/cgi-bin/sykon/client/display.pl?sid=422&did=693>
10. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Провозглашение_независимости_Косова_\(2008\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Провозглашение_независимости_Косова_(2008))
11. <http://www.aeinstein.org/organizationsb555.html>

¹ <http://www.aeinstein.org/organizationsb555.html>

ТЕРРОРИЗМ

*Террор не придумал для уравнения общества
никаких других средств, как только рубить головы,
поднимающиеся над уровнем посредственности.*

Пьер Буаст (1765-1824), французский лексикограф

*Террор, возведенный в систему, есть признак
слабости и выражение страха*

Джулио Мазарини (1602-1661),
французский кардинал

Борьба родит борьбу

Владимир Ильич Ленин (1870-1924),
российский политический деятель

*Терроризм в наше время из категории преступления
«революционирует» в новый вид глобальной войны,
может быть последней*

Автор

1. Понятие и общая характеристика

Термин «терроризм» происходит от латинского слова terror – страх, ужас. Как социально-политическое явление и общественно опасное деяние терроризм имеет многовековую историю. Его обыденное и юридическое понимание с течением времени изменялось и расширялось, но основная суть его – наведение страха и ужаса на власть и население путем совершения жестокого насилия и угроз насилием с целью запугивания, устрашения и подавления политических противников и конкурентов, навязывания им своей линии поведения остаются практически неизменными. Террологи (специалисты по изучению терроризма) отмечают, что в литературе приводится до ста определений терроризма, но во всех них, как правило, присутствует два основных признака собственно террорис-

тических действий – насилие и его необходимое следствие – устрашение. Использование крайнего насилия и угрозы его применения для достижения публичных или политических целей является пока наиболее распространенным определением терроризма в мировой и отечественной литературе. Тем не менее, общепринятого понятия терроризма еще не выработано.¹ Один из современных исследователей терроризма У. Лакер вообще считает, что общей научной теории терроризма не существует, так как у этого феномена чересчур много различных причин и проявлений.² О множестве причин и проявлений терроризма сказано верно, но это не означает, что имеющееся множество не поддается обобщению. Некоторые философы, наоборот, несколько упрощают его для нашего времени, полагая, что терроризм – один из вариантов тактики политической борьбы, связанной с применением идеологически мотивированного насилия.³ Делается попытка различать понятия «терроризм» и «террор». «Террор» трактуется как нелегитимное насилие со стороны государства по отношению к обществу в целом либо к диссидентам и оппозиции, а «терроризм» как практика нелегитимного насилия, реализуемая противостоящими государству силами и организациями. Такое деление условно. Бесспорно одно: терроризм представляет собой особую разновидность политической преступности, кто бы ее не совершал: власти, стремящиеся радикальным путем изменить существующий порядок в стране, или оппозиционеры (революционеры, националисты, религиозные фанатики, организованные преступ-

¹ В связи с этим есть экзотические и далекие от науки и реалий объяснения терроризма. Новая аналитическая энциклопедия полагает «терроризм» (заземление) – от лат. Terra – Земля. Полемический и литературный прием, использующийся для уподобления чего-либо земному или Земле. А отсюда «террористы» (земляне) – общественное движение, выступающее за заземление (терроморфизацию) всей вселенной.

² The Terrorism Reader: A Historical Anthology. Ed. by Walter Laqueur. Temple University Press. Philadelphia, 1983. P. 183.

³ Яковенко И.Г. Терроризм. «Нева», 2005, №12; Яковенко И.Г. Энциклопедия Кругосвет. <http://www.krugosvet.ru/articles/104/1010495/print.htm>; Ольшанский Д.В. Психология террора. Екатеринбург, 2002.

ники) жаждущие захвата и изменение власти или ее существенных уступок.

Можно согласиться с В. Виктюком и С. Эфировым, которые полагают, что «терроризм – это политическая тактика, связанная с использованием и выдвиганием на первый план тех форм вооруженной борьбы, которые определяются как террористические акты».¹ Не случайно к терроризму по российскому законодательству относится не только ст. 205 УК (террористический акт), но и целый ряд других деяний, охватываемых понятиями «террористическая деятельность» или, как сказано в законе, «деяния террористической направленности», которые раскрывается в следующем параграфе данной главы. И эти деяния по воле законодателя могут приобретать разные названия, но суть всех их остается одна – насилие и устрашения власти и населения в своих политических, идеологических, религиозных и иных целях. При этом надо иметь ввиду, что формы терроризма, террористической деятельности и даже их цели постоянно эволюционируют, приспособливаясь к имеющимся реалиям.

Один из известных теоретиков терроризма (который был народолюбом, а после революции стал даже академиком АН СССР) Н.А. Морозов, ратуя за терроризм в борьбе с деспотизмом, очень сильно заблуждался, выдвигая теорию справедливой избирательности террористического насилия. Он писал, что террористическая революция представляет собой самую справедливую форму борьбы. Она казнит только тех, кто действительно виновен в совершившемся зле.² Анализ современного и даже прошлого терроризма в мире и нашей стране показывает, что в террористических актах гибнут сотни, тысячи ни в чем не повинных людей, а те «виновные» (по Морозову) не несут никаких наказаний, ни террористических, ни правовых. Несостоятельно мнение прежних террористов, этически оправдывающих терроризм, духом самопожертвования,

¹ Виктюк В.В., Эфиров С.А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. – М., 1987. С. 222-223.; В статье О.В. Будницкого «Терроризм глазами историка. Идеология терроризма» // Вопросы философии, 2004, № 5 детально описываются различные взгляды на терроризм.

² Морозов Н.А. Террористическая борьба. Лондон, 1880. С. 7-8.

чувством чести, святым делом, ненавистью и т.д. По сути своей мотивация терроризма является очень сложной. Подобными мотивами оправдываются и оправдывались чеченские террористы. Но их действия опровергают надуманную позитивную этику терроризма. Обратимся для примера к Бесланской трагедии. Где там честь, святое дело? В чем вина школьников? Кровавую трагедию сотворили нелюди, которым вообще недоступна человеческая мораль.

Мотивация терроризма и его последствий дает возможность отличить терроризм от диверсии, которая может совершаться как в военных, так и в политических целях. С точки зрения нашего уголовного законодательства диверсия толкуется, как совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности страны. Подобные действия и последствия объективно могут наступить и при террористическом акте, только его субъективные цели являются шире и глубже. Для последнего важны не только и не столько объективные преступные последствия, сколько общественный, политический и международный резонанс на них, устрашение власти и населения, открытая демонстрация своей силы. Засекреченный теракт, как это было у нас в советское время (терроризм в те годы у нас не был криминализован), утрачивает для террористов всякий смысл. Терроризм нуждается в демократическом широком освещении события в газетах, журналах, по радио, телевидению, Интернету. Расцвет «свободных и безответственных» СМИ в последние годы был одним из условий интенсификации террора в мире и, особенно, в нашей стране.

Это условие четко просматривается в динамике чеченского терроризма. Первые террористические акты были скорее диверсионными, поскольку террористы скрывали свою принадлежность и непосредственных организаторов. И это было одной из особенностей начального чеченского терроризма, когда они, в отличие от мировой практики, не брали на себя ответственности за теракты. И

только тогда, когда они овладели СМИ и иными пропагандистскими возможностями, чеченский терроризм стал представлять особую опасность. И надо признать, что чеченская пропагандистская машина на каком-то этапе переиграла российскую, которая долго не могла найти золотую середину между демократией, свободой СМИ и управлением психозом террористического устрашения.

Терроризм в широком современном понимании многолик. Он вбирает в себя самые разные формы террористической деятельности – от политической, идеологической, сепаратистской, религиозной и даже так называемой партизанской борьбы до разовых кровавых криминальных акций. От справедливой вынужденной борьбы с угнетением за свое выживание до зверского уничтожения ни в чем не повинных людей в узко корыстных, личностных и политических интересах. Никто сегодня не застрахован от террористического нападения, считая самых охраняемых людей в мире (монархов, президентов и глав правительств, руководителей банков, корпораций, компаний).

Лига Наций еще в 1934 г. после убийства короля Югославии и министра иностранных дел Франции поручила Комитету экспертов сформулировать понятие терроризма и подготовить конвенцию по предотвращению актов терроризма и борьбы с ним, но начавшаяся Вторая мировая война отодвинула реализацию этих решений. В послевоенное время Генеральная Ассамблея ООН приняла более десяти резолюций о национальном, региональном и международном терроризме, но так и не смогла дать его более или менее приемлемого определения.¹ В своем первом анализе терроризма в 1972 г. Секретариат ООН констатировал существование в мире главным образом таких форм терроризма, которые проистекают от нищеты, безысходности, бед и отчаяния, побуждающие некоторых людей жертвовать человеческими жизнями, включая свои собственные,

¹ Международно-правовые основы борьбы с терроризмом. Сб. документов. Составитель В.С. Овчинский. – М., 2003. В этом сборнике более полно приведены документы по международно-правовым основам борьбы с терроризмом.

в стремлении добиться радикальных перемен для притесняемых групп населения, а иногда и целых народов. И это в те годы было недалеко от истины. Да и сегодня подобные действия в некоторых странах вершатся.

В рекомендациях 8-го Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, 1990) констатируется: «Начиная с первого исследования международного терроризма, проведенного ООН в 1972 году, международное сообщество до сих пор не может достигнуть согласия в отношении общеприемлемого содержания термина «международный терроризм».¹

Основной трудностью для международного сообщества при выработке более или менее однозначного толкования терроризма было прямое или косвенное признание справедливости борьбы народов за свое освобождение (независимость, суверенитет) при наличии противоречивых международно-правовых принципов (право наций на самоопределение, с одной стороны, и нерушимость существующих границ, – с другой). Не способствовало выработке единого понимания и использование разными странами двойных стандартов при оценке действий тех или иных национальных, религиозных, политических и социальных групп населения. Руководство отдельных стран в угоду своих политических или экономических притязаний и выгод при оценке действий террористических образований, использующих крайнее насилие для достижения политических, сепаратистских, националистических и религиозных целей, в одной стране признает борьбой за свободу, а в другой – терроризмом. Одной из проблемных ситуаций является отграничение терроризма от освободительной и национально-освободительной борьбы. Терроризм, как правило, не носит массового характера, он замкнут на себя, узок, антидемократичен. С другой стороны, если освободительная борьба базируется на убийствах невинных мирных жителей, женщин и детей, то она не ничем не отличается от терроризма.

Такая двойственность была особенно характерна в период жестокого противостояния в холодной войне двух мировых систем (со-

¹ Там же. – С. 128.

циализма и капитализма). Более того, обе стороны широко использовали террористические методы борьбы друг с другом, а также в целях свержения неудобных режимов или их лидеров. Эти различия оценок и двойных стандартов в той или иной мере сохраняются и до настоящего времени, хотя холодной войны, как констатируется, давно уже нет. Инерция не остановлена. Одним из последних примеров международного двуличия может служить разная оценка насильственно-террористической практики косовских албанцев против сербов в бывшей Югославии.¹ Аналогичные подходы применялись и применяются к другим странам, например, на Ближнем Востоке (Израиль, Палестина), в Ираке, во время его оккупации американскими и английскими войсками. Даже оценка очевидно-го дикого и кровавого террористического акта в России (Северная Осетия, Беслан, 2004 и геноцид грузинских войск спящих граждан Южной Осетии в 2008 г.) не была в западном мире однозначной.² Политически мотивированная оценка была особенно характерной для

¹ Бывший обвинитель трибунала по Югославии Карла дель Понте, которая негативно в начале относилась к сербам, выступила с сенсационными признаниями. В своей книге «Охота: я и военные преступники» она рассказала, как нынешнее руководство независимого Косово вывезли 300 молодых сербов в Албанию для изъятия внутренних органов // Известия RU <http://www.izvestia.ru/world/article3114658/index.html>

² В то время как большинство людей в мире скорбило по погибшим детям и женщинам от террористического акта в Бесланской школе (Северная Осетия, Россия) 1-3 сентября 2004 г. по самой большой государственной программе «Антенн-2» демократической Франции «Ведущий сообщает: «В Беслане число погибших достигло 320 человек, а число раненых – за 700. Но прежде чем перейти к подробному рассказу о событиях, мы задаем нашим телезрителям вопрос: «надо ли придать суду президента Путина?» Пожалуйста, дорогие телезрители, голосуйте по телефону или Интернету, кто «за», кто «против». Итоги голосования мы приведем в конце новостей.» (Гладилин А. Террористы и политкорректность.// Российская газета. 2004. 17 сентября). В это же время эта ведущая даже не пытается поставить вопрос об ответственности Дж. Буша за варварские убийства тысяч невинных иракцев, сербов или афганцев. Это не политкорректно. То же самое произошло и с оценкой Западом варварского нападения грузинской армии на мирные селения и города Южной Осетии в августе 2008 г. И только потом некоторые из них осознали терроризм и геноцид грузинских властей.

тринадцатидневной (многие зовут ее пятидневной) войны Израиля «Литой (расплавленный) свинец» в секторе Газа на переходе 2008 – 2009 годов. По данным некоторых СМИ, палестинцев погибло около 750 человек и ранено более 3 тысяч (главным образом мирных жителей), а израильтян погибло около 14 человек и ранено несколько десятков человек.¹

Народы стран, подвергшихся вооруженному насилию, нередко по-своему осознают, кто для них является террористом: те, кто под флагом борьбы с терроризмом осуществляют ковровые бомбардировки их территории, разрушая экономику и уничтожая мирных жителей, или те, кто путем жестокого насилия отстаивают свои националистические, сепаратистские или религиозные интересы. Таким разночтениям можно было бы не придавать большого значения, если бы они не были особо криминогенными и террогенными.

При всей противоречивости подходов определенные сдвиги к взаимопониманию есть. Окончание холодной войны и интенсивный процесс глобализации терроризма в последние годы приводят мировое сообщество все к большему единству взглядов о недопущении насильственных террористических методов для достижения любых политических, национальных, религиозных и уж тем более сугубо криминальных целей. Но данное единство пока не закреплено в международном праве.² И эта констатация не может запретить

¹ Во время войны Израиля в Газе израильский писатель и активист движения за мир Гуш Шалом – Ури Авнери опубликовал старый еврейский анекдот, в котором мама провожает сына, призванного в царскую армию на войну с турками. «Не рвись сильно», – внушает она ему, – убей турка, и отдохни, убей турка и отдохни...» «Но, мама!» – восклицает сын, – «А что, если турок убьет меня?» «Убьет тебя?!» – восклицает мать, – «Зачем? Что ты ему сделал?» // Пятидневная война в Газе – <http://www.warandpeace.ru/ru/reports/vprint/20917> (от 24 января 2009)

² Об этом говорится лишь в итоговом документе совещания министров «восьмерки» (Париж, 1996): «В международном сообществе усиливается настрой в пользу осуждения терроризма в любых его проявлениях и формах, независимо от мотивов...» и в резолюции Совета Безопасности (№ 1456, 20 января 2003): «Любые акты терроризма являются не имеющими оправдания преступлениями, независимо от их мотивации, когда бы и кем бы они не совершались, и подлежат безоговорочному осуждению, особенно в тех случаях, когда

борьбу людей (иногда многолетнюю и многовековую) за политическую, социальную, национальную и религиозную справедливость (ирландцы, баски, курды, абхазы, юго-осетины и др.), что при определенных условиях может вылиться в радикализм, экстремизм, насилие и терроризм. Лобовое военное насилие против таких «борцов» и поддерживающего их народа, как показывают события на Ближнем Востоке и в других регионах и странах, лишь «загоняют болезнь в глубь». Выход лежит в переговорном процессе и поиске компромиссов. Но озлобившиеся друг на друга стороны для принятия таких решений, как правило, не готовы.

Терроризм обычно делится на государственный и «частный». Эти формы используются как в международных, так и внутренних целях. Другие авторы классифицируют его на государственный, международный и внутренний¹. Все эти деления условны, поскольку в их основу кладутся разные классификационные признаки. Но при всех их недостатках различные систематизации терроризма позволяют увидеть многие сферы его распространения.

Государственный терроризм (или государственный террор) предполагает террористическую деятельность самого государства против внутренних политических противников и в отношении иностранных государств для решения внутривнутриполитических и внешнеполитических задач. Субъектом данного вида террора выступают государства и их различные структуры. Внутренний государственный терроризм свойственен диктаторским, фашистским, коммунистическим и религиозно-фундаменталистским режимам. В нашей стране он практически доминировал в годы сталинизма. Внешний государственный терроризм широко распространился во второй половине XX столетия после Второй мировой войны. В эти годы наибольшее расползание он получил между идеологически противоборствующими странами (между социалистическими и ка-

они носят неизбежный характер или когда от них страдают гражданские лица.» Но даже и здесь мы видим оговорки.

¹ Современный терроризм: состояние и перспективы. Под ред. Е.И.Степанова. М., 2000. С. 54-71

питалистическими государствами), а также развитых стран против развивающихся и других государств в целях военно-политической экспансии и расширения зоны влияния.

В резолюции ООН «О недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государств, направленных на подрыв общественно-политического строя в других суверенных государствах», а также в последующих документах ООН эта деятельность получила международное осуждение и ее уровень стал постепенно уменьшаться. Но это совершенно не сдерживает США, которые, несмотря на осуждение мирового сообщества и при отсутствии санкций ООН с середины прошлого века до настоящего времени реализовывают свои глобалистские интересы с помощью вооруженного насилия. Так они действовали, например, против Филиппин, Кореи, Лаоса, Вьетнама, Камбоджи, Ливана, Ливии, Панамы, Никарагуа, Кубы, Сомали, Руанды, Гаити, Восточного Заира, Югославии, Ирака, Афганистана. На очереди находятся другие страны. И, в первую очередь, Иран. Реализуются и иные (информационные, финансовые, идеологические) формы вмешательства во внутренние дела различных стран в собственных национальных интересах. Борьба за зоны влияния и жизненные ресурсы нередко осуществляется с помощью модифицированного (под предлогом установления демократии и борьбы с терроризмом) государственного терроризма¹.

Следующей формой государственного терроризма является различная поддержка (финансирование, предоставление оружия, баз для обучения террористов, укрытие их от возможного наказания и т.д.) некоторыми странами с военными диктаторскими режима-

¹ Этот вопрос подробно освещается в литературе (См. например: Решетов Ю.А. Политика государственного терроризма США – орудие империалистической реакции // Партийная жизнь. 1986. № 11. С.77-80; В. Кудрявцев. Государственный терроризм - вне закона? // Азия и Африка сегодня. 1987. № 6. С.15-20; Современный терроризм: Состояние и перспективы. Под ред. Е.И.Степанова. М., 2000; Супертерроризм: новый вызов нового века. М., 2002; В.Ф.Антипенко. Борьба с современным терроризмом. Международно-правовые подходы. Киев. 2002; Glen E. Schweitzer with Carole C. Dorsch. Superterrorism. Assassins, mobsters, and Weapons of Mass Destruction. New York and London. 1998 и другие.).

ми (например, Афганистаном во время правления талибов) террористических организаций в собственных политических интересах. Этот вид государственного терроризма также получил международное осуждение. Против таких стран (Ливия, Ирак и другие) применялись жесткие международные политические, экономические и иные санкции.

Международный терроризм может быть осуществлен двумя субъектами, террористическими государствами (государствами, поддерживающими терроризм) и международными террористическими организациями типа Аль-Каиды Бен-Ладена, которые в настоящее время представляют основную опасность. К ним можно отнести также такие террористические организации как «Серые волки» (Турция), «Красные бригады» (Италия), «ИРА» (Англия), «ЭТА» (Испания), «Фронт национального освобождения Корсики» (Франция), «Хамас» (Палестина, Израиль), «Хезболла» (Ливан), «Братья мусульмане» (Египет, Сирия, Саудовская Аравия), «Аум Синрикэ» (Япония), «Арийские нации» (США), «Вооруженная исламская группа» (Алжир, Франция), «Военно-спортивная группа Гофмана» (ФРГ), чеченские группировки (Россия) и многие другие.¹

Между этими субъектами международного терроризма существуют различные формы преступного сотрудничества. И если внешний государственный терроризм (в своем изолированном виде) более или менее контролируем, тогда как преступная деятельность международных террористических организаций в условиях глобализации, расширяющей свободы передвижения, интенсивных миграционных и коммуникационных процессов является трудно отслеживаемой. Более того, различные международные террористические организации, располагающиеся на территории многих государств, имеют тенденцию к политическому, организационному, материальному и финансовому взаимодействию, что делает их еще более опасными. Особую опасность международный терроризм

¹ Кожушко Е. П. Современный терроризм: анализ основных направлений. Минск. 2000; Современный терроризм: состояние и перспективы. Под ред. Е.И.Степанова. – М., 2000. – С. 43.

представляет не столько для отдельных стран, сколько для международного правопорядка и международных отношений в целом.

Доминирование радикальных мусульман в международной террористической деятельности актуализирует вопрос о причинах резкой активизации исламизма. В этом вопросе нет единства мнений. Разными специалистами толкуется это, как: столкновение христианской и исламской цивилизаций в условиях идущей глобализации и дисбаланса мирового развития; как противоречие «догоняющей модернизации»; как демографические диспропорции; как инструментальное использование ислама в виде мобилизующей идеологии; как внутренне обусловленный радикализм ислама; как формирование исламского мирового порядка; как скоординированная активность в глобальном масштабе; как издержки «духовного возрождения» мусульман и т. п.¹ Все эти причины в той или иной мере схожи или близки между собой. Они отражают существующую неравновесность мирового развития в условиях идущей глобализации, в которой некоторые мусульмане не видят для себя достойного места. И это дает основание для выделения особого вида терроризма – исламского, причем не только международного, но и внутреннего.

Внутренний терроризм также может быть осуществлен двумя субъектами: собственным государством против своего народа и внутренними террористическими организациями и отдельными лицами против своих политических и экономических конкурентов. И если первая разновидность внутреннего терроризма более или менее надежно контролируется международными организациями, наблюдающими за соблюдением прав человека и гражданина в разных странах, то террористические организации политической, националистической, религиозной, а чаще всего, уголовной, корыстной направленности, нередко сросшиеся с организованной преступностью внутри страны и поддерживаемые извне, труднее поддаются социально-правовому контролю. Попытки в нашей стране взять

¹ Игнатенко А.А. Исламизм как глобальный дестабилизирующий фактор. Доклад на семинаре в НИИ социальных систем МГУ 22 сентября 2004. // www/niiss.ru/s_info2.shtml

под законный контроль финансовую деятельность некоммерческих организаций, сотрудничающих с зарубежными странами, вызывает большое недовольство, как со стороны самих организаций, так и их спонсоров.

Политически, националистически или религиозно мотивированный внутренний негосударственный, или «частный» терроризм, может быть направлен против существующей власти, ее отдельных представителей, ее конкретных решений, установленного правопорядка, общественной безопасности, прав и свобод граждан, а также против национальных или религиозных установлений и традиций (назовем его условно «оппозиционный терроризм»). Особо распространенным подвидом «частного» внутреннего терроризма является применение насильственных методов в борьбе с политическими и экономическими противниками и конкурентами, их убийство, устранение с политической сцены, разгром их организаций и т.д. (условно назовем его «междоусобный терроризм»). Его разновидностью является уголовный, корыстный терроризм, направленный на раздел сфер и территорий влияния, захват банковских и других коммерческих структур, денежных потоков, прибыльной деятельности, борьба за лидерство в криминальной среде, за контроль над «общаком», устранение конкурирующих преступных группировок и т.д. А поскольку борьба с политическим терроризмом отнесена в России к ведению ФСБ, а борьба с уголовным, корыстным терроризмом – к ведению МВД, то в литературе предпринята попытка разграничить эти две разновидности терроризма по ряду существенных признаков (по субъектам, идеологии, мотивации, целям, методам, выбору жертв и др.).¹ Согласно последнему ФЗ (2006) подобное деление недопустимо. Противодействие терроризму централизовано. И вся организация противодействия осуществляется Президентом и Правительством РФ, федеральными органами (включая вооруженные силы) в целом и органами местного самоуправления в пределах своих компетенций. В целях же их координации решением Президен-

¹ Петрищев В.Е. Заметки о терроризме. М., 2001. С. 180-181.

та РФ могут формироваться соответствующие координационные органы, федеральные и субъектов РФ.

В структуре различных видов терроризма особое место занимает уголовный терроризм.¹ Он может включать в себя все или большинство видов террористической деятельности, классифицированных по тем или иным основаниям: международный и внутренний, наземный, воздушный и морской, традиционный и технологический и т. д.

Уголовный терроризм, как правило, интернационален, аполитичен и атеистичен. Он не гнушается сотрудничать с террористическими организациями, занимающими те или иные идейно-политические платформы (идеологические, националистические или религиозные), обеспечивая их средствами и оружием и используя их для давления на власть в целях самозащиты или для облагораживания и прикрытия своих сугубо криминальных целей. На плечах оппозиционных сил, использующих террористические методы борьбы, они при благоприятных для них условиях не прочь войти с ними во власть.

Всеядность уголовного терроризма представляет особую общественную национальную и международную опасность. В связи с этим он является своеобразным измерением террористической деятельности со специфической причинной базой, для контроля над которым и борьбы с ним необходимы свои меры. Уголовный терроризм, как и любой другой, может быть совершен одиночками и группами лиц. Одиночный терроризм ныне явление относительно редкое и он не представляет собой особой общественной национальной или транснациональной опасности. Главными субъектами уголовного терроризма являются организованные преступные группы,

¹ По сути своей любые виды терроризма уголовно-наказуемы, а, следовательно, любой терроризм – уголовный. Условное выделение уголовного терроризма, мотивированного корыстными побуждениями, связано с необходимостью его отличия от политически-сепаратистски-националистически-религиозно мотивированного.

преступные сообщества и преступные организации национального или транснационального характера.¹

Они используют устрашение и непосредственное насилие в различных формах как главное средство воздействия на власть, ее представителей, лоббистов, на своих конкурентов по незаконному и законному бизнесу в целях перераспределения сфер влияния, собственности, финансовых потоков, видов преступной и правомерной деятельности. Президент США Никсон в свое время указал на три цели организованной преступности в США: эксплуатация, коррупция, и уничтожение. Последняя форма ее преступной деятельности и является организованным уголовным терроризмом. Заказные умышленные убийства представителей власти, правоохранительных органов, судов, предпринимателей, банкиров, мешающих преступной деятельности или не выполняющих их требований, конкурирующих в сфере их преступного или правомерного бизнеса, кровавые разборки между самими преступными группировками во второй половине 90-х годов истекшего столетия стали обыденным явлением в нашей стране и в мире в целом.

Учитывая, что в России не преодолены криминальные связи в отношениях «деньги – собственность – власть и власть – собственность – деньги», террористическая деятельность организованной преступности имеет тенденцию к определенной политизации. Она осуществляется в целях ослабления деятельности правоохранительных органов, торможения законодательных инициатив, которые не выгодны преступной среде, деморализации населения, вхождения в органы законодательной власти преступных авторитетов или их лоббистов, пособников и покровителей, занятие важных постов в

¹ Лунеев В.В., Кудрявцев В.Н. Петрищев В.Е. Терроризм и организованная преступность в условиях глобализации мира.// Борьба с терроризмом. Под ред. В.Н.Кудрявцева. М., 2004. С. 5-80; Эти вопросы также нашли широкое освящение в выпускаемом Московским исследовательским центром альманахе «Организованная преступность, терроризм и коррупция.» См. статьи американских авторов Питера С.Пробста, Флетчера Н. Болдуина, Джозефа Б. Томкинса в альманахе, посвященном терроризму. // Организованная преступность, терроризм и коррупция. Криминологический ежеквартальный альманах. 2003, № 2. С. 104- 128.

исполнительной федеральной и региональной власти, получение иммунитета от законных преследований за совершенные преступления.

Стремление организованной преступности к желаемым политическим результатам используется некоторыми далекими от политической чистоты партиями, которые получают от организованных преступников серьезную финансовую поддержку своих политических целей, расплачиваясь за это лоббированием интересов преступных формирований, включением в свои списки представителей от организованной преступности, оказанием иной политической помощи уголовному миру.

Международные и внутренние террористические акты по сфере, технологии и формам совершения могут быть наземными, воздушными, морскими, технологическими, информационными, ядерными, биологическими, химическими, генетическими, экологическими, психологическими и т.д.¹ Особо распространенным является терроризм на транспорте: воздушном, водном, железнодорожном, подземном (метрополитен), автомобильном, трубопроводном.² Наибольшую опасность может представлять ядерный терроризм, посягательства на объекты применения атомной энергии, использования ядерных материалов, радиоактивных веществ, источников радиоактивного заражения.

Терроризм как явление социально-политической жизни и его юридической оценки известен в России давно. Первые попытки какого-то определения его в действующих законах специалисты

¹ Glen E. Schweitzer with Carole C. Dorosch. *Superterrorism. Assassins, Mobsters, and Weapons of Mass Destruction*. New York and London. 1998; Высокотехнологичный терроризм. Материалы российско-американского семинара (на русском и английском языках). – М., (Washington) 2002; Супертерроризм: новый вызов нового века. – М., 2002. – С. 175-220.

² II Международная научно-практическая конференция. Терроризм и безопасность на транспорте. Сборник материалов. Часть 2. – М., 2003; Терроризм и безопасность на транспорте в России (1991-2002 гг.). Белая книга (аналитический доклад) // Под ред. В.Н. Лопатина. – СПб., 2004.

относят к XI веку.¹ В истории российского самодержавия политически мотивированные заговоры и убийства сановников или царствующих особ в политических и иных целях были частыми. Наряду с этим, фактический властный террор осуществлялся царями и вельможами против своих подданных. В XIX веке террор в России приобрел наиболее зримые черты. Народнический, революционный террор, с одной стороны, и черносотенный – с другой.

С 1917 г. в нашей стране существовали специфические формы политического и идеологического терроризма: революционный и контрреволюционный (белый и красный) террор в период революции и гражданской войны; государственный внутренний террор в период сталинских и последующих политических репрессий; государственный международный терроризм в течение всего периода существования советской власти. Эти формы терроризма не были криминализованы во время их существования и оценены обществом и государством в качестве политического террора только после разрушения советской системы.

Государственный террор в советское время, особенно во времена сталинизма, стал действительно ужасающим. Им занималась политическая юстиция, которая академиком РАН В.Н. Кудрявцевым определяется как «часть юридической системы, специально созданная или используемая для подавления политических противников, путем применения правовых и противоправных средств».² Миллионы людей были уничтожены и репрессированы по политическим мотивам. По подсчетам автора, общее число репрессированных составило около 40 млн. человек.³ В то же время массовый страх и жесточайший тоталитарный контроль советского режима фактически

¹ История российского терроризма относительно полно изложена в работах: Кошель П.А. История российского терроризма. – М., 1995; История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях // Автор-составитель О.В. Будницкий. – Ростов-на-Дону, 1996; Петрищев В.Е. Заметки о терроризме. – М., 2001. – С. 186-231 и др.

² Кудрявцев В., Трусов А. Политическая юстиция в СССР. – М., 2000. – С. 14.

³ Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1997. С. 187-189

заблокировали реальное и политически мотивированное насилие против существующей власти.

В 60–80 годы истекшего столетия террористические акты были единичными: в 1973 г. взрыв самолета, летевшего из Москвы в Читу; в 1977 г. три взрыва в Москве (один – в метро, другой – магазине, третий – на улице), совершенные армянскими националистами, членами нелегальной партии. Были покушения на руководителей партии и государства, о чем будет сказано ниже.

В период перестройки в СССР во второй половине 80-х годов XX столетия, распада советского государства и непоследовательного демократического и рыночного реформирования России и других стран, образованных на постсоветском пространстве уже на рубеже веков, насильственная террористическая деятельность этнополитической, сепаратистской, националистической и религиозной мотивации приобрела практически новый массовый характер (Литва, Азербайджан, Армения, Грузия, Таджикистан, Узбекистан, Молдова, Чечня и т.д.). В ряде случаев эта мотивация была прикрытием рвущихся к власти и собственности новоявленных политиканов. Террористические действия некоторых из них со временем получили поддержку международных террористических организаций и стран, поощряющих международный терроризм в своих интересах. Так внутренний терроризм объединился с международным.

В России нет особо консолидированных террористических организаций типа «Хамас», «Хезболла» или «Братья мусульмане», хотя террористические чеченские формирования с участием бандитов из арабских и некоторых других стран, в той или иной мере, будучи связанные с Басаевым и Масхадовым, активно действовали и им «присваивались» какие-то названия. Об этом же свидетельствует и определенная системность и скоординированность совершаемых терактов. Статистически они совершаются ежедневно и даже более того. В 2002 г., например, было зарегистрировано 360, а в 2003 г. – 561 случай терроризма на 365 дней в году (т.е. в среднем 1,5 теракта в день). Есть достаточно оснований полагать, что в последние годы

чеченскими террористами руководят международные террористические исламистские центры, которые их и финансируют.

2. Проблемы криминализации терроризма в России

В соответствии с реальной криминологической обстановкой в СССР, преступления террористической направленности в пост-сталинские времена были в нашей стране редким исключением. Поэтому они в уголовном законодательстве предусматривались лишь в структуре особо опасных государственных преступлений и в двух видах: террористического акта – убийства государственного или общественного деятеля или представителя власти либо причинения им тяжкого телесного повреждения, совершенные по политическим мотивам (ст. 66) и аналогичного террористического акта против представителя иностранного государства с целью провокации войны или международных осложнений (ст. 67 УК РСФСР 1960 г.).

Рост посягательств террористического характера иной мотивации в конце 80-х и начале 90-х годов прошедшего столетия вынудил власти в июле 1994 г. криминализировать классическую форму терроризма – «совершение в целях нарушения общественной безопасности либо воздействия на принятие решений органами власти взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба, а равно иных тяжких последствий» (ст. 213-3), а также – заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 213-4). Годом раньше в УК были введены ст. 125-1 (похищение человека), ст. 126-1 (захват заложников), которые были предтечей терроризма в его более кровавой форме против ни в чем не повинных граждан. За несколько месяцев до принятия нового УК 1996 г. Президентом РФ был издан Указ «О мерах по усилению борьбы с терроризмом». Однако все это не могло остановить растущий терроризм в России и других странах постсоветского пространства. В 1994 г. почти ежемесячно совершались убийства государственных и общественных деятелей, а с началом военных действий федеральных войск в Чечне в январе

1995 г. терроризм и иные деяния террористического характера стали повседневным явлением. Начало было положено кровавым террористическим нападением на Буденновск (Ставропольского края) 14 июля 1995 г.

В действующем УК РФ 1996 г. существуют несколько самостоятельных статей об ответственности за терроризм и другие деяния террористической направленности. Ст. 205 (терроризм) является основной. Она дает определение терроризма: «Совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях» (в редакции 2006 г.). Квалифицирующими обстоятельствами являются совершение террористических действий группой лиц по предварительному сговору, с применением огнестрельного оружия, а особо квалифицирующими: совершение этих же действий организованной группой либо повлекли по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия, а равно сопряжены с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ.

Более подробное определение рассматриваемого явления дается в ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» 2006 г.¹ В этой статье определяются основные понятия терроризма:

1) **терроризм** – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органа-

¹ В связи с вступлением этого закона в силу утратили свое правовое значение Федеральный закон от 25 июля 1998 года N 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом»; Федеральный закон от 21 ноября 2002 года N 144-ФЗ «О внесении дополнения в Федеральный закон «О борьбе с терроризмом»; ст. 33 Федерального закона от 30 июня 2003 года N 86-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации...» и другие законодательные акты.

ми местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий;

2) **террористическая деятельность** – деятельность, включающая в себя:

а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта;

б) подстрекательство к террористическому акту;

в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре;

г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;

д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;

е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности;

3) **террористический акт** – совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях;

4) **противодействие терроризму** – деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления по:

а) предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма);

б) выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом);

в) минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма;

5) **контртеррористическая операция** – комплекс специальных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств по пресечению террористического акта, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности физических лиц, организаций и учреждений, а также по минимизации последствий террористического акта.

Рассматриваемый закон сформулировал в ст. 24 ответственность организаций за причастность к терроризму по 12 составам. В Российской Федерации запрещаются создание и деятельность организаций, цели или действия которых направлены на пропаганду, оправдание и поддержку терроризма или совершение преступлений, предусмотренных статьями 205 (террористический акт), 205-1 (содействие террористической деятельности), 205-2 (публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма), 206 (захват заложников), 208 (организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем), 211 (угон воздушного судна или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава), 277 (посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля)¹, 278 (насильственный захват власти или насильственное удержание власти), 279 (вооруженный мятеж), 280 (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), 282.1 (организация экстремистского сообщества), 282.2 (организация деятельности экстремистской организации) и 360 (нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой) Уголовного кодекса Российской Федерации.

Организация признается террористической и подлежит ликвидации (ее деятельность – запрещению) по решению суда на основании заявления Генерального прокурора Российской Федерации или

¹ Первоначальный текст ст. 277 УК РФ именовался «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (террористический акт)». По ФЗ от 27 июля 2006 г. слова (террористический акт) были исключены. Тем не менее, данное преступление может содержать в себе террористическую направленность.

подчиненного ему прокурора в случае, если от имени или в интересах организации осуществляются организация, подготовка и совершение преступлений, предусмотренных вышеперечисленными статьями 205 – 206, 208, 211, 277 – 280, 282.1, 282.2 и 360 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также в случае, если указанные действия осуществляет лицо, которое контролирует реализацию организацией ее прав и обязанностей. Эти положения распространяются на иностранные и международные организации, а также на их отделения, филиалы и представительства в Российской Федерации.

Федеральный орган исполнительной власти в области обеспечения безопасности ведет единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных судами Российской Федерации террористическими. Указанный список подлежит опубликованию в официальных периодических изданиях, определенных Правительством Российской Федерации.

Обращение к закону о противодействии терроризму помогает глубже понять, почему к терроризму относят не только деяние, предусмотренное ст. 205 УК РФ (терроризм), а и другие деяния террористической направленности: захват заложников, заведомо ложное сообщение об акте терроризма, организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой и т. д. Террористическую направленность могут приобрести и преступления, предусмотренные ст. 105 ч. 2 п. «б» (убийство лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или общественного долга), ст. 295 (посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование), ст. 317 (посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа), ст. 357 (геноцид), ст. 358 (экоцид) и другие. Прямой и непосредственной целью перечисленных деяний при их отнесении к террористическим должны быть соответствующая направленность (мотивация): идеология насилия и практика воздей-

ствия на принятие решения органами государственной власти и другими органами.

Аналогичный подход можно наблюдать и в других странах, например, в США. В Законе о борьбе с терроризмом и применении смертной казни 1996 г. раскрываются различные формы террористической деятельности. Указав в качестве квалифицирующего признака на цель совершения террористических акций, законодатель дает относительно широкий перечень ранее криминализованных деяний (более 30), которые могут быть автоматически отнесены к разряду террористических, если они совершены с целью оказания давления на правительство США, в качестве мести ему или для затруднения его нормальной деятельности.¹ В августе 2007 г. Конгресс США принял новый закон о борьбе с терроризмом, а также ряд антитеррористических мероприятий, проводимых министерством национальной безопасности США, которые существенно ограничивают права и свободы американских граждан, допускают определенное вмешательство в частную жизнь людей.²

В УК РФ есть еще около четырех десятков статей, предусматривающих деяния, связанные с общественной, транспортной, компьютерно-информационной, государственной и международной безопасностью, с экологией и порядком управления, которые, не являясь непосредственно террористическими, облегчают совершение террористической деятельности или способствуют достижению террористических целей. Эффективная и своевременная борьба с ними способствует предупреждению терроризма, которые будут предметно рассмотрены в разделе о предупреждении терроризма.

При всем многообразии норм, которые прямо или косвенно могут быть связаны с уголовно-правовой борьбой с терроризмом, нельзя не заметить тех пробелов в действующем УК, которые обнаружились в последнее время.

¹ Петрищев В.Е. Заметки о терроризме. – М., 2000. – С. 137.

² «В Америке сейчас не так безопасно, как это могло быть, и наш законопроект позволит повысить безопасность страны», заявила спикер палаты представителей США Нэнси Пелоси // Российская газета, 2007, 30 июля.

Во-первых, ст. 205 УК связывает терроризм только с целями нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказание воздействия на принятие решений органами власти (ч. 1). Однако терроризм как преступление более многолик. Он предполагает воздействие и на другие структуры (убийство банкиров, предпринимателей, руководителей и активистов партий, других общественных деятелей, журналистов). В связи с этим диспозиция ч. 1 ст. 205 УК должна быть дополнена еще одной целью террористических действий – воспрепятствование политической, служебной или иной общественно-полезной деятельности. И это непосредственно вытекает из положений Закона о борьбе с терроризмом 2006 г. и криминальных реалий, отраженных в дополнительных семнадцати статьях.

В прежнем законе о борьбе с терроризмом было явным пробелом (в свете событий в США) отсутствие нормы об ответственности за финансирование террористических организаций. В Законе, а затем и в Указе Президента РФ от 10 января 2001 г. «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 1373 от 28 сентября 2001 г.» прямо говорится о необходимости предотвращения и пресечения финансирования террористических актов и о введении уголовной ответственности за умышленное предоставление или сбор средств с намерением их использования для совершения террористических актов. При ее введении возникнет вопрос и об ответственности за создание террористических организаций и участие в них. В ныне действующем законе этот пробел устранен. То же можно сказать и об угрозе совершением террористической акции.

Не отпала необходимость в криминализации распространения материалов, содержащих указания (инструкцию, пособия) по совершению террористических действий. Примером такого пособия может служить книга «Война без правил» (2000 г.), в которой подробно описывается с объяснением на рисунках различные способы изготовления и применения взрывных и зажигательных устройств, организацию террористических актов на различных видах транспорта, совершения убийств и т.д. Аналогичными пособиями для

террориста могут служить и другие книги («Поваренная книга анархиста», «Работа секретного суперагента», «Рельсовая война», «Подготовка разведчика»). Перечень книг свидетельствует о массовости и общественной опасности этого явления, которые являются важными основаниями для его криминализации. В новом законе о противодействии терроризму есть указание на информационное пособничество. Но эту норму можно распространить лишь на непосредственное информационное пособничество к конкретному террористическому акту. Тогда как выпуск выше указанной литературы, как правило, не имеет прямого отношения к информационному пособничеству конкретных террористов. В то же время опыт уголовного преследования за распространение материалов, содержащих общие указания по совершению не только терроризма, но и других преступлений против общественного порядка есть, например, в Германии (ст. 130а УК ФРГ).

Особо остро, на наш взгляд, стоит вопрос о криминализации международного терроризма. Это вытекает из многих международных документов, косвенно и из российского закона о противодействии терроризму. В ст. 3 (основные понятия) упоминаются международные организации, как субъекты террористического посягательства, а в ст. 4 говорится о международном сотрудничестве в области борьбы с терроризмом. Этому же касается ст. 360 УК РФ (нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой). Но понятие международного терроризма выходит за пределы этих определений. Об этом свидетельствуют и криминальные реалии в мире и в стране. Такая норма, например, имеется в УК Республики Беларусь (ст. 126), предусматривающая уголовную ответственность за международный терроризм.

Таким образом, терроризм и террористическая деятельность это сложное социально-политическое общественно опасное явление, имеющее многовековую историю существования, представляющее собой сложный конгломерат различных уголовно-наказуемых деяний, которые при соответствующей мотивации субъектов преступлений представляют собой конкретные формы террорис-

тической деятельности. Краткий анализ тенденций в уголовном законодательстве России по криминализации различных форм терроризма свидетельствует о том, что законотворческая, организационная и оперативная деятельность не успевала за качественным и количественным ростом терроризма и других деяний террористической направленности в период провальной перестройки, распада СССР, проведения криминальных рыночных реформ и военных действий в сепаратистской Чечне. И только в последние годы противодействие терроризму стало более или менее организованным и эффективным.

3. История терроризма в мире

Терроризм является постоянным спутником человечества. Еще в I веке нашей эры в Иудее уже действовала секта сикариев (сика – кинжал или короткий меч), уничтожавшая римлян и представителей еврейской знати, которые сотрудничали с завоевателями из Рима. Убийство совершалось «сикой» с соблюдением определенных ритуалов.

В средние века действовали и мусульманские секты исмаилитов, именовавшиеся ассошафинами (ассасинами), которые, получив приказ своего повелителя, некоего Старца горы убивали префектов и калифов – инородцев из Сирии, несмотря на любые меры предосторожности. Наряду с ассошафинами, были и другие мусульманские протеррористические образования.

Подобное поощрялось и католической церковью. Фома Аквинский и представители церкви допускали убийство правителя, враждебного народу. Религиозные авторитеты католики обосновывали правомочность убийства монархов подданными – монархомахи. И эти оправдания к 16 в. были очень актуальными. В это время были убиты противники воинствующего католицизма Вильгельм Оранский (1584), Генрих III (1589) и Генрих IV (1610). В 1605 г. состоялся «пороховой заговор» капитана английской армии Гая Фокса. Его заговор был направлен против парламента и короля Якова I. Целью этого заговора была религиозной – реставрация католицизма. И уже

в 18 веке во Франции был убит якобинец Жан Поль Марат за тот кровавый террор, который был устроен якобинцами после изгнания жарондистов. Подобные кровавые террористические акты наблюдались в других европейских странах, а также в Индии, Китае, Афганистане.

А.А. Аслаханов предпринял попытку разобраться в предыстории терроризма, его истоках и эволюции в США, Османской империи и России.¹ Он называет первым теоретиком терроризма одного из руководителей якобинцев и деятелей Великой французской буржуазно-демократической революции (1789-1794) Робеспьера Максимилиана, обосновавшего необходимость истребления врагов революции в особом судебном порядке, в связи с чем, Конвентом в 1793 г. был принят Закон о терроре. Но годом позже особый порядок был применен и к нему.

Робеспьер был казнен термидорианцами. Закон о терроре, принятый Конвентом, был действительно первым в мире, но сам террор, как убийство и угроза убийством по политическим мотивам возник, как мы уже говорили, с доисторических времен. Политические заговоры, перевороты и убийства существуют с того момента, как человечество стало заниматься политикой. Во все времена честолюбцы бросали вызов законному правителю. Кризис власти – экономический, политический – благодатная почва для политического устранения или убийства властителя.²

В эти годы формируются и более глубокие теоретики терроризма. Одним из них был немецкий радикал Карл Петер Гейнцен.

В настоящее время террологи (практики, теоретики и иные исследователи проблемы политического насилия) признают Карла Петера Гейнца (нем. Karl Peter Heinzen, 1809-1880), немецкого публициста, руководителя баденской революции, агитатора и сторонника радикального преобразования Европы на республиканских основах, основоположником теории современного терроризма, А. Герцен

¹ Аслаханов А.А. Эволюция мирового терроризма. – М., 2003. – С. 11-89.

² 100 великих заговоров и переворотов. Автор-составитель И.А.Мусский. – М., 2000.

называл его «Собакевичем немецкой революции». Среди русской эмиграции репутация Гейнцена строилась на его «каннибальских выходках». Он призывал «избить два миллиона человек на земном шаре – и дело революции пойдет как по маслу». С ним дискутировали Маркс и Энгельс. Испытывая ненависть к монархической власти и благодаря своему радикальному мировоззрению, Гейнцен стал одним из создателей так называемой «философии бомбы». Он опровергал моральные запреты на многократные убийства в политической борьбе. Его статья «Убийство» (1849) содержала тезис об относительности морали, которая объявлялась устаревшим понятием в свете целесообразности адресных убийств. О конфликте революционеров с властью он писал: «Их лозунг – убийство, наш ответ – убийство. Им необходимо убийство, мы платим убийством же. Убийство их аргумент, в убийстве – наше опровержение». Среди призывов к максимальному хаосу боевые взгляды Гейнцена прогнозировали применение отравляющего газа и ракет, способных вести «охоту» за человеком. Задолго до Ницше и Гитлера Гейнцен писал: «Если нам потребуется поразить половину континента или пролить море крови, ... нас не будет мучить совесть». Концепция Гейнцена получила закономерное развитие в теориях Михаила Бакунина и Петра Кропоткина, выдвинувших доктрину «пропаганды действием», которая сыграла мобилизующую роль в революционном терроризме в России. Некоторые в те годы полагали, что не экономика, а «насилие служит исходным пунктом исторического развития».¹ Последняя сентенция не умерла до настоящего времени. Достаточно взглянуть в реальные действия некоторых государств. Уже в то время Гейнцен считал, что силе и дисциплине реакционных войск нужно противопоставить такое оружие, с помощью которого небольшая группа людей может создать настоящий хаос. Корни его «философии бомбы» уходят к оправданию тиранубийства в греческую историю.²

¹ Википедия. <http://ru.wikipedia.org/wiki>; Die Hel den des deutschen Kommunismus, den Herrn Karl Marx gewidmet von K. Heinsen. Bern 1848.

² Heinzen Karl Peter. Die preussische Bureaukratie, 1848.

Некоторые авторы полагают, что Великая Французская революция и наполеоновские войны разделяют предысторию и собственно историю терроризма. Ставший классическим массовый террор эпохи Французской революции продемонстрировал модель управления страхом (выделено В.Л.) и запустил механизмы вызревания тактики терроризма¹ в разных странах мира в 18 и 19 столетиях.

В начале 18 века в Италии возникают заговорщические организации для борьбы с французской оккупацией. В истории криминологии их, как правило, рассматривают как зарождение организованной преступности «Козы ностры» (наше дело) в мире, которая в разных районах Италии имела свое название (в Сицилии – мафия, в Неаполе – каморра, в Калабрии – ндрагета и т.д.). Ориентируясь на страх народа и властей – свой основной метод выживания, мафия (в широком и современном понимании этого термина) пыталась запугать должностных лиц, начавших активную борьбу с ней. Она организовала серию убийств парламентариев, журналистов, судей и полицейских.² Но именно здесь уже появилось сращивание организованной преступности с терроризмом и все организации мафии приняли на вооружение террористические методы, которые в последние годы лишь развивались.³

После Италии организованная преступность и ее самая опасная разновидность – терроризм распространились в Европе. На короля –гражданина Франции Луи-Филиппа I (1848-1852) Династии Бурбонов было совершено семь покушений, во время которых гибли невинные люди. В середине 19 века было совершено несколько удачных и неудачных покушений на короля Пруссии Фридриха Вильгельма IV (1840-1861); на императора Австрии и короля Вен-

¹ Яковенко И.Г. Терроризм. «Нева». – 2005. – № 12.

² Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. Изд. второе, перераб. и допол. М. 2005. С. 613.

³ Лунеев В.В. Терроризм и организованная преступность в условиях глобализации мира. (в соавторстве с В.Н.Кудрявцевым и В.Е.Петрищевым) // Борьба с терроризмом. Под ред. В.Н.Кудрявцева. Общественно-консультативный совет РАН по проблемам борьбы с международным терроризмом. М.: Наука, 2004. С. 5-80.

грии Франца-Иосифа I (1830-1916) и на императора Франции Луи Наполеона III (1848-1852), на котором завершилась Вторая империя Франции и династия Бурбонов; на Фердинанда III Неополитанского и испанскую королеву Изабеллу (1856). По два покушения пережили прусский король Вильгельм I (1861-1871) и 1-й рейхсканцлер Германской империи Отто Бисмарк (1815-1898). В эти годы были убиты герцог Пармский (1854), австрийский премьер-министр граф Карл Штюрк (1916), сербский князь Михаил Обренович (1868), Президент Французской республики Сади Карно (1894) и другие политические деятели. Восемнадцатый век завершается формированием идеологии терроризма.

Терроризм распространяется в США. В 1861 г. 16-м президентом США становится Авраам Линкольн (1809-1865), один из организаторов Республиканской партии, выступивший против существующего в стране рабства. В ходе развязанной плантаторами Юга Гражданской войны в США он провел ряд революционно-демократических преобразований, принял законы об отмене рабства и перешел к революционным методам ведения войны, что обеспечило разгром рабовладельцев, но в 1865 г. он был убит агентом плантаторов. Далее убийства президентов продолжались. В 1881 г. был смертельно ранен 20-й президент республиканец США Гарфилд Джеймс Абрам (1831-1881), который во время Гражданской войны был одним из командиров армии севера. В 1901 г. анархистом был убит 25-й президент США республиканец Мак-Кинли Уильям (1843-1901), который развязал испано-американскую войну и провозгласил доктрину «открытых дверей» в Китае. В 1963 г. в Далласе был убит 35-й президент демократ США Джон Фицджералд Кеннеди (1917-1963). Выступая за укрепление вооруженных сил США, он склонялся к более реалистичному курсу в отношениях с СССР, что вызвало нападки со стороны крайне реакционных кругов США. Это громкое дело осталось фактически нераскрытым. Нельзя не сказать и о покушении на жизнь 40-го президента США Рейгана Рональда Уилсона (1981-1989), которого сумела спасти его охрана. Террористические акты в США не ограничивались президентами. Особо выделяется

террористическая организация Ку-клукс-клан, которая совершала теракты против религиозных и расовых меньшинств.

Аналогичные процессы происходили и в других странах. В конце 19 века терроризм превращается в значимый фактор политической жизни, он стал превращаться в условие межгосударственного противостояния, а террористические организации стали получать поддержку от своих стран-спонсоров, относящихся к коммунистическим, фашистским, исламско-радикальным и другим движениям.

Террористическое убийство эрцгерцога Фердинанда в Сараево (июль 1914 г.) ставшего поводом к началу Первой мировой войны (1914-1918). Терракт произошел на территории Боснии, которая в то время входила в Австро-Венгрию. Предполагается, что этот теракт совершила сербская террористическая организация «Черная рука». Война разразилась между двумя коалициями держав (германо-австрийский блок и страны Антанты – «Тройственное согласие» Великобритании, Франции и России, куда в последствии втянулись около 20 государств, в том числе США, Япония, Италия и другие). Убийство Фердинанда было лишь поводом для Австро-Венгрии, в основе войны лежали глубинные противоречия в мире. В войну было вовлечено 38 государств. И в ее результате распались три империи.

Мировая война задала новый импульс к дальнейшему развитию более результативного терроризма. Государственная поддержка становится уделом агрессивных режимов. Расширяется география терроризма. В межвоенный период к власти приходят коммунистические и фашистские режимы, которые широко используют тактику государственного терроризма. Эта тактика выносятся вовне, превращаясь в один из инструментов решения задач политической экспансии и политики экспорта революции. Фашистские режимы активно спонсировали терроризм. Таким спонсорством занимались и другие страны. В это время были убиты австрийский канцлер Энгельберт Дольфус (1934), югославский король Александр I Карагеоргиевич (княжеская, а затем королевская династия в Сер-

бии), французский министр иностранных дел Луи Барту, убийство премьер-министра Румынии Иона Дуки (1934) и т.д.

Лига Наций в 1934 г. после убийства короля Югославии Александра и министра иностранных дел Франции Барту поручила Комитету экспертов сформулировать понятие терроризма и подготовить конвенцию по предотвращению актов терроризма и борьбы с ним, но начавшаяся Вторая мировая война отодвинула реализацию этих решений. В послевоенное время Генеральная Ассамблея ООН приняла более двух десятков конвенций, резолюций и деклараций о национальном, региональном и международном терроризме (воздушном, морском, технологическом, ядерном и ином), но, как уже говорилось, так и не смогла дать его более или менее приемлемого определения.¹

Вторая мировая война знаменовала собой еще один этап в развитии терроризма. Он стал разрастаться по всему миру. Стала складываться практика современного терроризма. Некоторые даже считают, что террор становится способом управления обществом посредством превентивного устрашения.² Субъектами терроризма становятся профессиональные организации, опирающиеся на поддержку государств-спонсоров. Объектами терроризма становятся не только и не столько высокие должностные лица, а ни в чем не повинные граждане. Терракт становится эффективным механизмом давления на власть через общественное мнение, через страх населения, через кровь граждан.

После войны сузилось деятельность фашистских организаций. А после перестройки, развала СССР, реформирования России, развала социалистического лагеря стали ограничиваться некоторые возможности просоциалистических террористических организаций. Но терроризм не прекратил свое существование. Например, самая известная, самая опасная современная террористическая междуна-

¹ Международно-правовые основы борьбы с терроризмом. Сборник документов. Сост. В.С.Овчинский. М., 2003.

² Яковенко И.Г. Терроризм. Энциклопедия Кругосвет // <http://www.krugosvet.ru/articles/104/1010495/hrint.htm>

родная организация Бен Ладена формировалась, спонсировалась спецслужбами США в целях воспрепятствования действиям советских войск в Афганистане. Только потом она повернула свои стрелы на сами Соединенные Штаты. Огромную помощь она оказывала и чеченским террористам в России. После войны в Европе стали действовать ряд сепаратистских движений, на вооружении которых были террористические технологии. В 60-е годы стал складываться организованный арабский (исламский) круг государств – спонсоров терроризма. Есть основания полагать, что уже сложилась «дуга террористической нестабильности», идущая от Индонезии и Филиппин до Боснии и Албании. Терроризм дуги, как полагает И.Г. Яковенко, направлен против носителей неисламской (европейской, христианской, иудаистской, индуистской) идентичности или носителей светских, секуляристских ценностей в традиционно исламских странах. Это позволяет крупным теоретикам международных отношений, как Самуэл Хантингтон, говорить о межцивилизационном противостоянии переживающего кризис модернизации исламского мира и динамичной цивилизации Запада.¹

В Европе после войны начинает действовать ряд серьезных и крупных сепаратистских движений: ИРА и ЭТА. ИРА (Ирландская республиканская армия), возникла еще в 1914 г. после обретения Ирландией независимости. Она борется, в том числе и террористическими методами, за присоединение Ольстера (Северная Ирландия) к Ирландии. ЭТА (Страна басков и свобода) возникла в 1959 г. и борется с Испанией за независимость страны басков (Басконии). Она провела множество акций, в том числе и убийство премьер-министра Испании Карьеро Бланко (1973). Она неоднократно отказывалась от использования террористических методов, но целей своих не добивалась и вновь возвращалась к терроризму.

Особое развитие в Европе и в мире после войны приобрел «левый терроризм» в Испании, Италии, ФРГ, Португалии, Франции, Японии и даже в США. В Испании действовала маоистская «Комму-

¹ Яковенко И.Г. Терроризм. Энциклопедия Кругосвет // <http://www.krugosvet.ru/articles/104/1010495/hrint.htm>

нистическая партия Испании», в Италии – марксистские «Красные бригады», которые похитили и убили лидера христианских демократов Альдо Моро (1978). В ФРГ действовала «Фракция Красной армии», которая стремилась развернуть пролетарскую коммунистическую революцию. Западногерманские террористы похитили председателя «Союза германских промышленников» Ганса Шляйера (1977).

Во Франции террористической деятельностью занималась ОАС («Секретная вооруженная организация»), которая в целях удержания Алжира в составе Франции организовала покушение на президента де Голя и совершила ряд других терактов. В США было несколько террористических организаций. Одна из них – «Объединенная освободительная армия» похитила Патрицию Херст (дочь газетного магната), которая потом сама вступила в ряды этой организации. Самой крупной организацией левого толка в Японии была «Фракция красной армии». Она разделяла маоистские взгляды. В 1975 г. она устроила побоище в аэропорту Лод, где было убито 25 и ранено 72 человека. Аналогичные процессы происходили в Латинской Америке (Боливия, Колумбия, Чили, Перу), в организации которых большую роль играла Куба, Фидель Кастро и Че Гевара. Не избежала левого терроризма и Турция, где до ареста Абдуллы Оджалана руководящую роль осуществляла «Курдская рабочая партия». Все эти организации левого толка были в той или иной мере разгромлены правительствами разных стран. В связи с этим была снижена их террористическая деятельность. Самым больным местом терроризма является Ближний Восток, Палестина, Израиль, а также Алжир, Тунис, Ливия, Ливан, Иордания. Ближневосточный терроризм сложился в 60-е годы и конца его не видно.

4. История возникновения терроризма в России

В России терроризм как явление социально-политической жизни известен давно. Первые попытки какого-то определения его в действующих законах специалисты относят к XVI веку. В истории российского самодержавия политически мотивированные заговоры

и убийства сановников или царствующих особ в политических и иных целях были частыми. Наряду с этим, фактический властный террор осуществлялся царями и вельможами против своих подданных. В XIX веке террор в России приобрел наиболее зримые черты. Народнический, революционный террор, с одной стороны, и черносотенный – с другой.

С 1917 г. в нашей стране существовали специфические формы политического и идеологического терроризма: революционный и контрреволюционный (белый и красный) террор в период революции и гражданской войны; государственный внутренний террор в период сталинских и последующих политических репрессий; государственный международный терроризм в течение всего периода существования советской власти. Эти формы терроризма не были криминализованы во время их существования и оценены обществом и государством в качестве политического террора только после разрушения советской системы.

Как видим, терроризм имеет свою длинную историю. В начале он был делом романтиков, жаждущих переделать жизнь народа по-своему, к лучшему. Но сегодняшние террористы далеки от этих идеалов. В России своя отечественная история терроризма. Он пришел к нам, как и многое другое, с Запада. Российские теоретики революционного насилия (Бакунин М.А., Лавров П.Л., Ткачев П.Н., Степняк-Кравчинский С.М. и другие) формировали свои взгляды о терроризме в эмиграции в конце 18 века на основе опыта французской и других европейских радикальных восстаний. Концепция «философии бомбы» у Бакунина получила развитие и углубление в его «теории разрушения», а анархисты выдвинули уже упоминаемую нами доктрину «пропаганды действием». Кропоткин П.А. определял анархизм как «постоянное возбуждение с помощью слова устного и письменного, ножа, винтовки и динамита».

Наши теоретики дивились подвигами европейских бунтарей, их тайными организациями и тактическими формами насильственного изменения общественного строя. Все казалось относительно простым и эффективным. И уже в 1866 Каракозов Д.В. совершает

покушение на Александра II, которое не удалось. Был повешен. Десятью годами позже в Париже на жизнь царя покушается польский эмигрант А. Березовский. Через год был убит жандармский генерал Мезенцев. Процесс интенсифицировался. В 1879 был убит харьковский губернатор Кропоткин (двоюродный брат знаменитого анархиста) и в это же время возникла террористическая организация «Народная воля», которая вынесла «смертный приговор» Александру II. Предпринято было восемь покушений, последнее из которых 1 марта 1881 завершилось убийством царя. Наследник получил ультиматум с требованиями глубоких политических преобразований. Но народ не пошел за террористами. Среди них были террористы и из еврейской среды, которым не давала покоя «черта оседлости». Не исключено, что в связи с этим народ не принявший терроризм иногородцев, организовал еврейские погромы. Вскоре террористическая организация распалась и была разгромлена.

Крестьянство в России, а оно составляло большинство населения, как правило, не разделяло идей террористов-бомбистов. Иную позицию занимала образованная часть общества. Это было обусловлено социальными несправедливостями, которые существовали в России и с которыми крестьянская масса мирилась. Однако надо признать, что большинство из этих образованных людей, сочувственно относящихся к террористам, как потом выяснится, плохо осознавали последствия терроризма. Их сочувствие могло быть обусловлено двойственной российской ментальностью, которую я повторяю и которая афористично выразила М. Цветаева: «Если я вижу насилие – я за жертву, а если насильник убегает – я дам ему убежище».

Очень важно отметить, что отличительной особенностью дореволюционного российского терроризма было благожелательное отношение к террористам образованного общества. Люди, отрицавшие тактику террора по моральным или политическим соображениям, находились в абсолютном меньшинстве. Аргументы для оправдания революционного террора черпались в сокрушительных оценках российской реальности. В террористах видели подвижни-

ков идеи, жертвующих своей жизнью во имя высоких целей.¹ Этому способствовал оправдательный вердикт суда присяжных по делу народницы Веры Засулич, совершившей покушение на жизнь петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова за жестокое обращение с политзаключенными. Взволнованная сообщением о совершенном по приказу Трепова несправедливом наказании политического заключенного Боголюбова, Засулич стреляла в градоначальника. Речь защитника завершилась словами «Да, она может выйти отсюда осужденной, но не выйдет опозоренной...». Поэтому значительная часть образованного общества восхищалась подобными террористами. Засулич впоследствии была одним из организаторов группы «Освобождения труда» и членом редакций «Искры» и «Зари».

В начале царствования Николая II (1894-1917) произошла консолидация революционных сил самых разных ориентаций (социалистов-революционеров, эсеров, анархистов, националистов). Партия социалистов-революционеров, образованная в 1901, восприняла тактику терроризма и в этом же году была создана Боевая организация партии эсеров (распавшаяся в начале 1907). Первое политическое убийство совершил в России исключенный из университета студент Петр Карпович. 4 февраля 1901 г. он смертельно ранил консервативного министра образования Боголепова Н. П., который выступал за отправку студентов в солдаты. В апреле 1902 г. эсером Балмашовым С.В. был убит министр внутренних дел Сипягин Д.С. – вдохновитель русификаторской политики на национальных окраинах и инициатор жестоких карательных мер против народных движений. А в июле 1904 эсером Сазоновым Е.С. был также убит преемник Сипягина на этом посту – фон Плеве В.К., который слыл крайним реакционером. В феврале 1905 этот этап терроризма завершился убийством дяди царя, московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Это были наиболее громкие теракты. Особое место в истории русского терроризма в эти годы занимает дело Азефа. Евно Азев, сын еврейского портного, в 1892 г.,

¹ Терроризм в России // <http://www.krugosvet.ru/artickets/104/1010495/1010495a4.htm>

будучи студентом политехнического института в Германии, предложил свои услуги Департаменту полиции. Вернувшись в Россию, стал заметным деятелем эсеровского движения, выполняя указания министра внутренних дел Плеве. В 1908 г. он был разоблачен и объявлен провокатором.

Во время царствования Николая II консолидированные террористические организации самых разных ориентаций ознаменовали Первую русскую революцию (1905–1907) мощнейшим всплеском терроризма. Он охватил всю страну и превратился в повсеместное явление. С октября 1905 и до конца 1907 было убито и искалечено 4500 государственных чиновников, убито 2180 и ранено 2530 частных лиц. В 1907 году на счету террористов в среднем 18 ежедневных жертв. С конца 1907 революция отступает, но отступает с боями. С января 1908 по май 1910 зафиксировано 19957 терактов и революционных грабежей. Убивали полицейских, взрывали дома, экспроприировали (грабили на нужды революции) в домах, поездах и пароходах не профессиональные террористы, но сотни и тысячи тех, кого захватила революционная стихия. Принцип «пропаганды действием» работал. В России разворачивалась классическая партизанская война.

Сбить волну революционного террора смогла только практика военно-полевых судов, введенная энергичным премьер-министром П.А. Столыпиным. Он был надеждой для России, падающей в пропасть революции и террора. Будучи министром внутренних дел, а затем председателем Совета министров (с 1906) он в эпоху реакции определял правительственный курс, был организатором контрреволюционного третьеиюньского переворота 1907, руководителем аграрной реформы, названной столыпинской. Он приступил к разработке проекта «национализация капитала» – системы покровительственных мер в отношении русских предприятий. Поэтому охота на него была серьезной.¹ В августе 1906 эсеры-максималисты взорвали дачу Столыпина. Погибло 27 чело-

¹ П.А.Столыпин. Имя Россия. Исторический выбор 2008./ К.И.Могилевский, К.А.Соловьев. М., 2008. 15-85.

век, пострадали дети премьер-министра. Ситуация стабилизируется лишь в 1910¹. Последнее крупнейшее дело в истории дореволюционного терроризма – убийство Столыпина. 1 сентября 1911, скомпрометированный связями с охранным отделением, анархо-коммунист Дмитрий Богров смертельно ранил премьер-министра в здании Киевской оперы, на глазах царя и 92 агентов охраны. Да и сам Богров был агентом киевского охранного отделения, выдававший себя за революционера.² Убийца вскоре был повешен, но это мало что меняло. Надежда России П.А. Столыпин умер 5 сентября, так и не осуществив важнейших реформ для России.

Социал-демократы внешне декларировали неприятие систематического террора, считая эту тактику бесперспективной. Однако, практичные большевики взяли на вооружение практику экспроприаций, а также практиковали уничтожение осведомителей и террор против сторонников «черной сотни».

Эту позицию фактически разделяли Ленин и другие руководители партии и государства. В начале марта 1922 года Ленин, например, писал Каменеву: «Величайшая ошибка думать, что нэп положил конец террору. Мы еще вернемся к террору...». А спустя несколько дней, в «строго секретном» письме Ленин писал Молотову: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей **с самой бешеной и беспощадной энергией** (выделено автором)...». Далее последовало решение Политбюро: «...Внести раскол в духовенство, проявляя в этом отношении решительную инициативу и взяв под защиту тех священников, которые открыто выступают в пользу изъятия». В ходе изъятия церковных ценностей произошло 1414 кровавых инцидентов. Погибли в столкновениях или расстреляны по приговору суда 691 священник, 1962 монаха, 3447 монахинь, 29 епископов и большое число мирян.³ Но главным направлением большевистского тер-

¹ Там же.

² Мясников А. Российская летопись. – СПб, 2001. – С.370-371.

³ Мясников А.А. Российская летопись. – СПб, 2001. – С. 411.

роризма была в те годы экспроприации. Этим направлением работы руководил Леонид Борисович Красин. Наиболее активная деятельность развивалась на Кавказе. Группа под руководством Семена Тер-Петросянца (Камо) провела ряд экспроприаций. Самый громкий акт – «тифлисский экс» 12 июня 1907, когда большевики взорвали две почтовые кареты с деньгами и унесли 250 000 рублей на нужды «большевицкого центра» за границу. Терроризм развивался и на окраинах империи, в Польше, на территории Литвы и Белоруссии, на Кавказе, в Армении и Грузии. Центрами анархистского террора были Белосток, Одесса, Рига, Вильно, Варшава. Анархистский террор отличала направленность против имущих классов и широкое использование смертников.

Февральская революция и большевицкий переворот (1917) знаменовали собой новый этап в истории российского терроризма. Устанавливая свою власть, большевики столкнулись с противодействием широкой коалиции политических и социальных сил. Противники Советской власти, естественно, обратились и к тактике терроризма. Но тут выяснилась важная деталь, которая подтвердилась в последующие годы Советской власти: терроризм эффективен только лишь в обществе, идущем по пути либерализации. Тоталитарный режим противопоставляет разрозненному терроризму антиправительственных сил систематический и сокрушительный государственный террор. Во время Гражданской войны убили посла Германии графа Мирбаха (1918), коммунистов Урицкого Моисея Соломоновича (1918) и Загорского (Лубоцкого) В.М. (1919). В 1918 было осуществлено покушение на Ленина. В 1918–1919 – было несколько взрывов в общественных местах. Красный террор уничтожил антисоветское подполье в считанные годы. Террористическое движение лишилось как кадров, так и поддержки в обществе. Критика правительства и сочувствие террористам – роскошь, доступная человеку, живущему в более или менее свободном обществе. Кроме того, коммунистический режим создал мощную и продуманную систему охраны высших должностных лиц государства. Теракты против вождей стали почти невозможными. После окончания Гражданской

войны было несколько терактов за рубежом: убили советского дипломата Теодора Нетте в Латвии (1926) и полпреда Петра Лазаревича Войкова в Польше (1927). Советские спецслужбы решили и эту проблему. К концу 1930-х значительная часть эмиграции была взята под контроль. Традиция русского терроризма была уничтожена. Громкое дело середины 1930-х, послужившее сигналом к разворачиванию волны репрессий было убийство С.М. Кирова (1934), но оно, скорее всего, было организовано спецслужбами СССР по указанию Сталина. В эти годы страну захватили массовые политические репрессии (политический государственный террор), о чем мы подробно писали.¹ Напомним лишь, что государственный террор в советское время, особенно во времена сталинизма, стал действительно ужасающим. Миллионы людей были уничтожены и репрессированы по политическим мотивам. По подсчетам автора общее число репрессированных составило около 40 млн. человек.² В то же время массовый страх и жесточайший тоталитарный контроль советского режима фактически заблокировали реальное и политически мотивированное насилие против существующей власти.

После войны она продолжалась в форме наступательного и ответного терроризма в Прибалтике и Западной Украине. Партизанские движения, оперировавшие в Прибалтике и Западной Украине, осуществляли теракты, как против представителей органов советской власти, так и против советских активистов из местных жителей. К началу 1950-х антисоветские повстанческие движения, использовавшие террористические методы борьбы, были разгромлены и там.

¹ Политический красный террор в 20-е годы и политические репрессии с кровавым террором в 20-30 и последующие годы (во время войны и послевоенное время) подробно описан в курсе в предыдущей главе «Политическая преступность», поскольку политические репрессии намного шире государственного террора и выделение политического террора от политической преступности в целом было бы нецелесообразным, хотя такое разделение, которое принято в курсе является относительно условным.

² Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1997. С. 187-189.

Терроризм исчезает из жизни советского общества на десятилетия. В 60-80-е гг. XX в. террористические акты были единичными: в 1973 г. – взрыв самолета, летевшего из Москвы в Читу; в 1977 г. – три взрыва в Москве (в метро, магазине, на улице), совершенные армянскими националистами – членами нелегальной партии «Дашнакцутюн» Затикяном, Степаняном, Багдасаряном¹; в 1969 г. армейский лейтенант, позднее признанный душевнобольным, стрелял из пистолета в ехавшего в открытой автомашине, Леонида Брежнева; В 1970-х было предпринято несколько попыток угона самолета в Израиль. В 1990 г. А. Шмонов пытался произвести выстрел в М. Горбачева. Но также был признан невменяемым. Может быть, так было выгодно властям, чтобы не раскрывать реальное недовольство народа этими вождями. Несколько терактов произошло во времена перестройки. Среди них – попытка угона самолета семейством Овечкиных («Семь Симеонов») в 1988 г.

Новые теракты начинаются лишь во второй половине 1990-х. Распад СССР, ослабление государственных институтов, экономический кризис, формирования черного рынка оружия и взрывчатых веществ, взрывной рост криминального насилия (т.н. «разборок», заказных убийств), неконтролируемые потоки миграции, война в Чечне и другие факторы создали предпосылки для возникновения огромной волны современного терроризма. Отдельные теракты совершают небольшие группировки радикально-коммунистической направленности. Примеры – взрыв памятника Николаю II под Москвой (1998), ночной взрыв у приемной ФСБ в Москве (1999), минирование памятника Петру I в Москве. Все эти акции прошли без человеческих жертв. Неизмеримо серьезнее была серия террористических актов, связанных с войной в Чечне. Это – взрывы домов, взрывы на улицах и рынках, захват общественных зданий и взятие заложников. Теракты происходят в Дагестане, Волгодонске, Москве.

¹ В этом террористическом акте, пожалуй, впервые в нашей стране проявились жестокость в отношении ни в чем не повинных людей. По признанию террористов, они боролись против советского строя и мстили русским «неважно, кому именно: женщинам, детям, старикам – главное русским» (Бобков Ф.Д. Кремль и власть. М., 1995. с. 290).

Среди самых громких акций – захват отрядом террористов под руководством Шамиля Басаева роддома в городе Буденовске летом 1995. Теракт закончился унижительными переговорами со стороны российских властей и возвращением террористов на территорию, не контролируемую российской армией. Аналогичный захват театрального центра на ул. Дубровка в Москве отрядом под руководством Мовсара Бараева осенью 2002 завершился штурмом, уничтожением террористов и освобождением заложников.

В период перестройки в СССР в 80-е годы XX столетия, распада советского государства и непоследовательного демократического и рыночного реформирования России и других стран, образованных на постсоветском пространстве на рубеже XX и XXI веков, насильственная террористическая деятельность этнополитической, сепаратистской, националистической и религиозной мотивации приобрела практически новый массовый характер (Азербайджан, Армения, Грузия, Таджикистан, Узбекистан, Чечня и т.д.), что подробно рассматривалось автором на основе изучения уголовных дел и других документальных источников в отдельных главах предыдущих работ.¹

5. Основные тенденции терроризма в мире и России

Политические заговоры, перевороты и убийства существуют с того момента, как человечество стало заниматься политикой, когда появилась политическая мотивация достижения властных мест и целей. Во все времена честолюбцы бросали вызов законному правителю. Кризис власти – экономический, политический – благодатная почва для политического устранения или убийства властителя.² Щедро раздаются обещания райской жизни, которые тут же забываются, как только цель достигнута. Главное обезопасить себя от потенциальных противников и от ответственности. В

¹ См., например: Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1997, С. 354-381.

² 100 великих заговоров и переворотов. Автор-составитель И.А.Мусский. М., 2000.

истории всегда находились люди, считающие, что убийством того или иного деятеля можно изменить существующую систему. Генрих III, Генрих IV, Густов III, Линкольн, Фердинанд, Распутин, Махатма Ганди, Кеннеди и многие другие были убиты в политических целях. В российских правовых актах уже XVI века предусматривалась ответственность за подобные действия. Тем не менее, убивали царей, министров, генералов, полицейских. Таким путем пришли к власти Екатерина II, Наполеон, Ленин, Муссолини, Франко и другие. Но лучшей жизни не наступало. Однако и в современной истории такие случаи нередки.¹

Относительно массовое распространение терроризм получил в XIX и XX веках. После Второй мировой войны он приобретает

¹ Захват власти и ее удержание в России властолюбивым, амбициозным и мстительным Б.Ельциным вполне вписывается в классическую схему политического насилия с обманным использованием народа. И хотя его предшественник не был физически уничтожен, миллионы людей заплатили за громкие ельцинские клятвы, демагогию и обман власти своими жизнями, здоровьем и относительным благополучием. Стремясь к единовластию («Мне и России хватит»), он активно способствовал разрушению СССР. В этих же целях он расстрелял непокорный парламент из танковых пушек, что было впервые в истории человечества. Под демагогическими лозунгами демократии и рыночной экономики им был установлен бандитский капитализм и режим «по понятиям». Ради удержания власти им уничтожалось и разрушалось все, что мешало и грозило единовластию. Коррупционным и иными неправомерными путями он переизбрался на второй президентский срок. Президент Чечни Дудаев, стремясь к тому же единовластию, брал пример со своего патрона. Вместо решения вопроса политическим путем, Ельцин единолично решил вопрос о вооруженном нападении на Чечню в целях ее усмирения. Тысячами посылал в кровавую чеченскую бойню неподготовленных и не обученных российских солдат, которые гибли там из-за президентских амбиций. Сохраняющийся кавказский и международный терроризм в России – результат преступного властвования Ельцина. Видимо, сознавая это, он, покидая власть в силу своей физической и политической импотенции, выторговывал себе и своей семье одно – безбедную жизнь и пожизненную неприкасаемость. Спустя несколько лет после ухода с поста президента, он считал, что не допустит ни одной стратегической ошибки ни во внутренней, ни во внешней политике (Московские новости. 21-27. 10. 2003) и в стране, где идет вымирание народа, собирался прожить до 100 лет (Российская газета. 2003. 7 июля). Но это ему не удалось.

всемирный характер. В это время ООН было принято более двух десятков деклараций, резолюций, конвенций и других документов, обусловленных различными формами терроризма в мире. Совет Европы только за последние 5-7 лет принял примерно такое же количество рекомендаций, резолюций и деклараций, однако никаких системных данных, собираемых в мировом или европейском масштабах, до сих пор нет. Более того, их нет и в США, против которых совершалось много террористических нападений. Нет таких сведений и в западно-европейских странах.¹

По некоторым сведениям в Интернете с 1970 года в мире было зарегистрировано 5534 террористических акта. В 1981 было учтено 2700 атак, совершенных 125 террористическими группами, действующими в 50 странах. В 90-е годы число терактов несколько сократилось, а число жертв от них росло.² На сайте «Терроризм.Ру» дан далеко неполный перечень известных террористических актов, совершенных в 1968-1997 годы, с указанием их места, времени и наступивших последствий. Их общее число за эти годы составляет около 400 терактов, совершенных в основном мусульманами. В 60-70-е годы количество терактов в год исчислялось в пределах 2-5, в 80-е – до 10 и больше, в 90-е годы – несколькими десятками. Например, в 1993 г. значится 43 теракта, в 1994 – 33, в 1995 – 40, в 1996 – 31, в 1997 – 25.³ В этом списке в 1997 г. значится первый и единственный теракт, совершенный в России. Тогда как официально в этом году было учтено 32 теракта. Из этого сопоставления можно как-то исходить при оценке полноты перечня. Есть основания полагать, что в конце 90-х годов и в начале нового века число терактов росло в геометрической прогрессии в мире и особенно в России. Я уже не говорю об Ираке,

¹ Преступность в межнациональных конфликтах нами подробно исследовалась в главе 15 «Преступность в межнациональных конфликтах»// Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые региональные и российские тенденции. М., Издание 2-е, переработанное и дополненное. М., 2005. С. 705-742.

² http://www.auditorium.ru/conf/conf_fulltext/report.pdf

³ Терроризм. Борьба и проблемы противодействия. Под ред. В.Я.Кикотя. М., 2004, где дается перечень террористических актов в зарубежных странах (С.148-200) и в России (С. 201-224); <http://www.terrorism.ru/dosiel.phtml?id=4>

где ежедневно совершается десятки террористических нападений и взрывов. В России терроризм стал отслеживаться лишь в 90-е годы истекшего столетия. Таким образом, тенденции терроризма в мире и России в XX веке могут быть проанализированы лишь на основе неполных, отрывочных данных последних лет.

Беспрецедентные террористические акты, совершенные в США (в Нью-Йорке Вашингтоне), 11 сентября 2001 г. стали своеобразной точкой отсчета нового столетия, когда была, как бы, подведена специфическая черта под «холодной» войной между капитализмом и социализмом, между Западом и Востоком и началась доселе дремлющая «горячая» террористическая война между богатым Севером и бедным Югом, между исламом и христианством, между двумя основными цивилизациями, живущими по своим традициям и законам, существенно отличающимся между собой.

В этих оценках может быть много преувеличенного, но названные события действительно стали своеобразным поворотным пунктом, не в развитии самого терроризма, а его новой оценки, нового осознания мировых угроз. Терроризм и до этого события в США, и в других странах был также опасен и не менее распространен и кровав,¹ но он не получал такой практически единодушной отрицательной оценки в мире. Она была обусловлена несколькими обстоятельствами: масштабом и формой террористического нападения, числом жертв и другими криминальными разрушениями, реакцией США, которые на протяжении своего существования считали себя неуязвимыми, и беспрецедентными стратегическими и тактичес-

¹ Крупнейшие террористические акты, совершенные против США: в 1983 г. взрыв на базе морской пехоты в Бейруте (Ливан), погибли 200 человек; 1998 г. взрыв самолета над Локкерби (Шотландия), погибли 270 человек; 1993 г. взрыв в центре международной торговли (Нью-Йорк), погибли 6 человек, ранены -1000; 1995 г. взрыв здания Оклахома-Сити, погибли 168 человек; 1996 г. взрывы на военной базе в Дайхрейне (Саудовская Аравия), погибли 19 человек; 1998 г. взрывы американских посольств в Кении и Танзании, погибли 224 и ранены 5000 человек; 2000 г. взрыв на эсминце «Коул» в порту Адена (Йемен), погибли 17 человек. Однако эти террористические акты не вызвали такой реакции и в США, и в мире, как теракты в Вашингтоне и Нью-Йорке в 2001 г.

кими мерами, принятыми правительством США в своей стране и в мире в целом.

В России после политически мотивированных взрывов в январе 1977 г., (о которых упоминалось выше), совершенных армянскими националистами почти девять лет не было серьезных террористических актов. Они начались во время «первой» чеченской войны. 14 июля 1995 г. отряд до зубов вооруженных террористов численностью в 140 человек во главе с террористом № 1 Басаевым захватил здание местной администрации, телефонный узел и горбольницу с более чем тысячью заложников в г. Буденновске Ставропольского края. Убитыми и ранеными оказались около 500 человек.¹ Акция была приурочена к совещанию руководителей «большой семерки», куда был приглашен Б. Ельцин. Требование террористов – немедленное прекращение боевых действий в Чечне и вывод российских войск. По решению Председателя правительства РФ В. Черномырдина, который разговаривал по телефону с Басаевым и принял его условия, террористы вместе с 200 заложниками на автобусах были доставлены в Чечню и отпущены целыми и невредимыми. И это было победой горстки террористов над Россией, которая надолго окрылила их.

Заключение Хасавюртовского (Дагестан) соглашения об основах взаимоотношений между Россией и Чечней Секретарем Совета безопасности РФ А. Лебедем и начальником штаба Чеченских вооруженных формирований А. Масхадовым 30 августа 1996 г. мира не принесло, хотя Чечня почти 3 года оставалась практически самостоятельной, получая бюджетное финансирование из России. Она все больше и больше становилась «криминальным центром», управляемым из-за рубежа для совершения террористических актов, массовых захватов людей для выкупа, работорговли, захвата скота, совершения других преступлений. В марте – апреле месяце 1999 г. российские власти вынуждены были закрыть административные

¹ В царское время Буденновск именовался Святой Крест, с 1920 г. он назывался Прикумск, а с 1987 – Буденновск. Название Святой Крест было пророческим. Там в больничном корпусе чеченские террористы убили и ранили более 500 человек невинных мирных жителей - женщин, в том числе беременных, и детей.

границы Ставропольского края и Дагестана с Чечней. Тем не менее, в это же время Б. Ельцин дал согласие на встречу с А. Масхадовым, а в мае в Москву прибыла рабочая группа из Чечни для определения даты этой встречи. Однако соответствующие силы в Чечне и за ее пределами это не устраивало. Они стремились к созданию исламского халифата на Северном Кавказе. 16 мая 1999 г. во Владикавказе были взорваны три пятиэтажки. Погибли люди. 28 мая осуществлено нападение чеченцев на Дагестан с применением стрелкового оружия, минометов и гранатометов. Они были отброшены. Затем были нападения на г. Кизляр (Дагестан) и другие террористические акты. А в начале августа незаконные вооруженные формирования Чечни во главе с Басаевым, на стороне которого были местные ваххабиты, вторглись в высокогорные районы Дагестана и начались широкомасштабные боевые действия российских войск по освобождению Дагестана, которые затем перешли в Чечню.¹ За всем этим последовала настоящая террористическая война со стороны Чечни.

Кровавый теракт, совершенный 1-3 сентября 2004 г. в Бесланской школе (Северная Осетия), от которого пострадали более тысячи детей и их родителей, стал особо значимым не только для России, но и для других стран мира. В нападении участвовало 32 террориста. Ш. Басаев взял на себя ответственность за этот и другие террористические акты августа и сентября 2004, рассказав, кто участвовал в их совершении и во сколько они ему обошлись.² Террористы в бесланской школе были вооружены лучше армейского спецназа: 5 новых

¹ 29 сентября 1999 г. Масхадов пытался встретиться с председателем Госсовета Дагестана М.Магомедовым, но митингующие дагестанцы воспрепятствовали проведению этой встречи. Они осудили Масхадова, за то, что он не пришел в Дагестан, когда с территории Чечни ворвались бандиты и бесчинствовали на их земле, а пришел тогда, когда федеральная авиация стала бомбить Чечню.

² На сайте «Кавказцентр» появилось заявление амира бригады шахидов «Риядус-Салихыйна» Ш.Басаева. Он взял ответственность за теракт в Беслане и сообщил, что в банду якобы входили не 32, а 33 террориста (12 чеченцев, 2 чеченки, 9 ингушей, 3 русских, 2 араба, 2 осетина, 1 татарин, 1 кабардинец и 1 гуран). Он приводит также «авансовый отчет» своих последних терактов: взрывы 2-х самолетов обошлись ему в 4 тысячи, в Москве на Каширском шоссе и у метро «Рижская» - в 7 тысяч долларов, а операция в Беслане, которую он называет «Норд-Вест» (видимо, по аналогии с терактом в ДК на Дубровке,

огнеметов «Шмель», современные пистолеты, автоматы, пулеметы, гранатометы, Почти все гранаты, снайперские винтовки, мины, тротил, пластик, спутниковые телефоны, приборы ночного видения было захвачено 22 июня 2004 г. во время налета басаевской банды на управление МВД в Назрани.¹

Президент РФ В.В. Путин квалифицировал это бесчеловечное, беспрецедентное по своей жестокости преступление террористов, как «вызов всей России», как «нападение на нашу страну» и сделал очень серьезные выводы о деятельности международного терроризма и его пособниках. «Нужно признать, – говорил он, – что мы не проявили понимания сложности и опасности процессов, происходящих в своей собственной стране и в мире в целом. Во всяком случае, не могли на них адекватно среагировать. Проявили слабость. А слабых – бьют. Одни – хотят оторвать от нас кусок «пожирнее», другие – им помогают. Помогают, полагая, что Россия – как одна из крупнейших ядерных держав мира – еще представляет для кого-то угрозу. Поэтому эту угрозу надо устранить. И терроризм – это, конечно, только инструмент для достижения этих целей».² Аналогичную мысль высказал Л. Ивашов (1-й вице-президент Академии геополитических проблем): «В Академии геополитических проблем под терроризмом понимается своеобразный тип войны (тайной войны) и одновременно – метод управления политическими процессами. Терроризм выступает основным способом или, по военной терминологии, видом боевых действий в такой войне и инструментом реализации определенных политических установок».³

где был спектакль «Норд-Ост»), - 8 тысяч евро (Комсомольская правда. 2004, 17 сентября).

¹ Необходимых выводов из этого, видимо, сделано не было. Ибо аналогичный захват оружия (136 пистолетов, 26 автоматов и тысяч патронов был осуществлен в управлении Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков по Кабардино-Балкарии в г. Нальчике 14 декабря 2004 г. Во время захвата была убита вся дежурная смена (4 человека). К сожалению, террористы практически постоянно опережали действия антитеррористических сил России.

² Обращение Президента России Владимира Путина // Российская газета. 2004. 6 сентября.

³ Цит. по: <http://prognosis.ru/news/politic/2004/9/3/Levkin.html>

Таблица 1

Некоторые значимые теракты в России (1991-2009 годы)

Дата	Место теракта, взрыва	Число заложников	Пострадавшие		Террористы		
			убиты	ранены	всего	убиты	захвачены
1	2	3	4	5	6	7	8
30.05.1991	Взрыв пассажирского поезда Москва-Баку в Дагестане	-	11	22	Не раскрыт	-	-
31.07.1991	Взрыв пассажирского поезда Москва-Баку в Дагестане	-	16	-	Не раскрыт	-	-
1.03.1993	Взрыв пассажирского поезда Кисловодск-Баку в Чечне	-	13	11	Не раскрыт	-	-
13.04.1994	Взрыв пассажирского поезда Москва-Баку в Дагестане	-	6	3	Не раскрыт	-	-
14.07.1995	Буденновск Ставропольского края	1100	129	415	По решению Черномырдина в целях спасения заложников 140 террористов отпустили		
11.06.1996	Москва, метро, на перегоне между станциями Тульская и Ногатинская	-	4	12	Не раскрыт	-	-
11.07.1996	Москва, троллейбус 12 на Пушкинской площади	-	-	5	Не раскрыт	-	-
12.07.1996	Москва, троллейбус 9 у метро станция «Рижская»	-	1	28	Не раскрыт	-	-
23.04.1997	Взрыв в железнодорожном вокзале Армавира	-	3	20	Не раскрыт	-	-
27.06.1997	Взрыв в скором поезде Москва-Санкт-Петербург	-	5	14	Не раскрыт	-	-
8.07.1997	Подорван автомобиль с милиционерами в Хасавюрте	-	9	6	Не раскрыт	-	-

1	2	3	4	5	6	7	8
4.09.1998	Взрыв автомобиля в Махачкале	-	17, разруш. 30 домов	90	5	-	5
31.08.1999	Москва, Манежная площадь, подземный магазин	-	40	-	-	-	-
05.09.1999	Военный городок Буйнакск, Дагестан. Взрывом разрушен 5-и этажный дом и другие строения до 2-х км.	-	52	80	-	-	-
09.09.1999	Москва, жилой дом на ул. Гурьянова	-	94	-	-	-	-
13.09.1999	Москва, жилой дом на Каширском шоссе	-	119	-	-	-	-

Террористические акты совершались с использованием взрывных устройств: транспортных средств, минирований зданий правоохранительных и исполнительных органов, подрыв сотрудников силовых ведомств и органов исполнительной власти при исполнении ими своих должностных обязанностей, с помощью смертников, с использованием огнестрельного оружия и т.д.

География совершения террористических актов: Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Республика Дагестан, Республика Северная Осетия-Алания, Карачаево-Черкесская Республика, Кабардино-Балкарская Республика, Москва и некоторые другие города России.

По данным СМИ¹ в 2008-2009 гг. на Северном Кавказе сложилась такая ситуация, что борьба с терроризмом окончательно перешла в фазу контрпартизанской борьбы. Как отмечают эксперты, начиная с 2008 года, террористы предпочитают атаковать военные цели, то есть подрывают и обстреливают сотрудников правоохранительных

¹ На Северном Кавказе идет латентная гражданская война// <http://www.inosmi.ru/translation/251510.html>

органов, при этом, практически не трогая, гражданское население. И ситуация в этом плане обостряется на всем Северном Кавказе, в особенности в Ингушетии и Дагестане. Наведение конституционного порядка в Чечне, где все более-менее стало относительно спокойно, не привело к успокоению всего Северного Кавказа, а, скорее, наоборот, основные силы подполья оказались вытеснены за пределы Чечни, в соседние республики, где власть очень слабая, в значительной степени носит чисто формальный характер. Как утверждают российские эксперты, подполье и в Ингушетии, и в Дагестане продолжает во многом контролировать ситуацию в республиках, особенно это касается разного рода районов, отдаленных от столиц этих республик.

Так, взрывное устройство сработало в городе Дербент Республики Дагестан неподалеку от здания райотдела милиции. Один милиционер погиб, ранения получил еще один сотрудник правоохранительных органов. И это было уже вторым взрывом, прогремевшим в Дербенте. 10 августа, около 8 часов утра взрывное устройство сработало на пути следования автомобиля с военнослужащими пограничных войск. В результате взрыва погиб один военнослужащий-контрактник, еще один пограничник был ранен. Кроме того, в Лакском районе Дагестана и соседних с ним районах продолжаются поиски боевиков, которые в ночь на 10 августа совершили нападение на наряд милиции. Два милиционера были убиты, один ранен. Также был убит один террорист, двоим удалось скрыться, один из них, предположительно, ранен. В Ингушетии в ночь на 10 августа неизвестные из гранатометов обстреляли дом начальника УВД по Назрани. Пострадавших нет. Обстрел был произведен из проезжавшей автомашины «ВАЗ».

По данным российских СМИ, печальная хроника первого полугодия 2009 года такова: в Дагестане погибли не менее 30 и были ранены 41 сотрудник правоохранительных органов и военнослужащих. Около 26 раз в республике совершались нападения, обстрелы и устраивались взрывы с целью покушения на жизнь сотрудников милиции и других силовых ведомств. В ходе семи контртеррористи-

ческих операций (КТО), четырех спецопераций, 12 перестрелок и боестолкновений на территории Дагестана за полгода убиты не менее 56 человек, объявленных участниками незаконных вооруженных формирований. Количество задержанных и раненых при этом значительно меньше: известно о шести таких случаях в отношении пособников и о 14 – в отношении участников вооруженного подполья.

Разумеется, существуют фундаментальные причины того, что происходит сегодня на Северном Кавказе. Во-первых, это высокий уровень безработицы, прежде всего, среди молодежи. Во-вторых, высокий уровень коррупции, осуществляемой через клановые структуры. Эти структуры закрывают каналы для других и одновременно создают обиду на несправедливость власти. В-третьих, высокий уровень насилия, который осуществляется правоохранительными органами. Зачастую правоохранительные органы действуют не строго по закону, а в соответствии с логикой войны. В результате происходит привыкание к насилию, и на некое несправедливое насилие находитесь желание отомстить. Возникает социально-психологический эффект, выталкивающий людей в подполье. В-четвертых, огромная доля теневой экономики, которая работает в тесном контакте с криминальными структурами, что приводит к проникновению криминальных методов в экономическую и политическую активность.

Приходится констатировать, что Северный Кавказ превращается в кризисную зону и очаг террористической угрозы не только для России, но и для соседних стран. Положение на Северном Кавказе усугублено еще и тем, что боевики позиционируют себя как общекавказское исламское движение и пытаются заставить власти играть по своим правилам. По мнению российских экспертов, группы боевиков объединены наднациональной идеологией, и это уже религиозно-политическое движение.

Судя по опросам, половина россиян вообще не может понять, с чем связан рост террористической активности на Северном Кавказе. Чаще всего респонденты отмечают «активную поддержку бандформирований извне, другими странами, не желающими усиления влияния России на Кавказе» и «борьбу за обладание ресурсами

кавказских республик (нефть, деньги, территория)». Посмотрим на конкретные факты.

На сайте Кавказский узел приводится хроника террора за 1996-2009 годы в Дагестане. Проведена очень большая аналитическая работа. Мы взяли данные только за последний год с 11 августа 2008 г. до 30 августа 2009 г. За это время было совершено 184 события, связанных с террористической деятельностью и только в Дагестане, где ситуация является убедительным примером гражданской войны. Аналогичная, но более кровавая обстановка в Ингушетии.

На другом сайте приводится динамика терактов в Дагестане, Ингушетии и Чечне с 15 мая по 7 июля 2009 г. Приведем эти печальные данные. 15 мая в Чечне террорист-смертник взорвал себя около здания МВД. Погибли два милиционера, три получили ранения. 16 мая в Хасавюрте (Дагестан) расстреляны два человека, один из которых милиционер. 18 мая обстрелян дом начальника ОВД Хасавюрта (Дагестан). 24 мая в селении Хучни (Дагестан) обстрелян милицейский патруль. Один милиционер получил ранение. 3 июня в Назрани (Ингушетия) взорвалась машина начальника отдела собственной безопасности Госнаркоконтроля. 4 июня в кабинете дознавателя был взорван килограмм взрывчатого вещества, причинив ранения троим милиционерам. 5 июня совершено убийство министра внутренних дел Дагестана. 6 июня старший инспектор управления ГИБДД по Дагестану подорвался на бомбе в туалетной комнате стационарного поста. 10 июня убита заместитель Верховного суда республики Ингушетии. В тот же день обстрелян поселковый отдел милиции в Карамахи (Дагестан). В тот же день обстреляны два здания ОВД (Дагестан), выведены из строя шесть машин. 12 июня убит майор милиции в Махачкале (Дагестан). В ночь на 13 июня неизвестные обстреляли автомобиль с милиционерами. Двое получили ранения. В этот же день убит сотрудник правоохранительных органов (Дагестан). В этот же день в Назрани была расстреляна автомашина бывшего вице-премьера Ингушетии, который от ранений скончался. 17 июня на юге Дагестана обстрелян автомобиль, капитан милиции и его двое детей получили ранения. 22 июня в Назрани (Ингушетия)

сработало взрывное устройство, от которого погиб сотрудник милиции, президент Евкуров, его брат и водитель получили ранения. 28 июня взрыв в Хасавюрте (Дагестан). Три милиционера получили ранения. 29 июня в Гудермесе (Чечня) трое милиционеров получили ранения. В тот же день обстреляли майора милиции, причинив тяжелые ранения. 1 июля при нападении на здание милиции в Дербенте (Дагестан) два милиционера погибли, 14 получили ранения. В ночь на 2 июля подорвано полотно железной дороги (Дагестан). При прибытии саперов на место взрыва раздался второй взрыв, погиб сапер. В этот же день трое сотрудников милиции в результате радиоуправляемого взрыва в Хасавюрте (Дагестан) получили ранения. В этот же день произошел взрыв на обочине дороги при приближении служебной машины милиции. Пострадавших нет. 3 июля три теракта в Чечне. Два военнослужащих погибли, 5 получили ранения. Два взрыва прогремели около селения Шалажи. Ранения получили трое, командир взвода и двое контрактников. 4 июля автоколонна чеченских милиционеров попала в засаду в Сунжеском районе. Погибли 9 милиционеров и 10 получили ранения. 7 июля в Назрани (Ингушетия) получил ранение в голову полковник милиции начальник экспертно-криминалистического центра МВД Ингушетии. В этот же день в Шалинском районе Чечни автоколонна с сотрудниками ОМОН произошел взрыв на обочине дороги.

Итак, российская власть и общество привыкают к нестабильному Северному Кавказу. Однозначно определить ситуацию в регионе представляется им задачей трудной. Безусловно, в Кремле могут утверждать, что там стабильнее, чем было раньше, когда шли чеченские войны. Но, когда убийства и теракты случаются едва ли не каждый день, понятие «стабильность» неприменимо. Эксперты и политики считают, что на Северном Кавказе идет что-то вроде латентной гражданской войны, где действует странный симбиоз оппозиции из представителей самых разных группировок – от религиозных радикалов до коррупционеров. Нестабильность связана с борьбой внутри правящих элит, которая также ведется крайне жестоко и не обходится без жертв. Все это, как никогда прежде, ставит под сомне-

ние адекватность федеральной политики по отношению к региону. Тем более что, по мнению местных экспертов, все, что происходит в северокавказских республиках, – это замкнутый круг из коррупции, насилия и беззакония. Замкнутый круг, который, по их стойкому убеждению, может разорвать лишь Москва.

Таким образом, реальные события опровергают утверждения, которые раз за разом слышатся из Кремля, о «нормализации обстановки» в регионе, сокращении военного присутствия там и переходе от «контртеррористической операции» к восстановлению «народного хозяйства». С какими критериями бы эксперты ни подходили к оценке ситуации на Северном Кавказе, ясно одно: налицо ухудшение обстановки. Но попытки нормализовать положение дел на Северном Кавказе продолжают предприниматься. Одной из мер является создание нового Северокавказского федерального округа с центром в Пятигорске и с назначением его губернатором крупного хозяйственника, экономиста Хлопонина А.Г. с полномочиями заместителя председателя Правительства РФ и полномочным представителем Президента РФ.

Изучение основных тенденций и закономерностей развития терроризма в мире и России имеет исключительное значение для понимания криминальных реалий, их прогноза на ближайшее будущее и заблаговременной подготовке к их возможному предупреждению, блокированию, минимизации, снижению возможных негативных последствий. А поскольку терроризм не только криминологическое и социально-правовое явление, но и в значительной мере политическое, не только национальное, но транснациональное, которое оказывает влияние на международные отношения в целом, его отдельных регионов и стран, то трудно переоценить научно-практическую ценность объективного анализа тенденций и закономерностей терроризма для мирового сообщества и России. Сказанное находит убедительное подтверждение в тех международных изменениях, которые наступили после террористических актов в США, России и других странах в последние годы.

В современной российской литературе выделяется взаимосвязанный ряд стратегически важных тенденций терроризма в мире:

1. интенсивный рост общественной опасности как для международных отношений и международной безопасности, так и для национальной безопасности, конституционного строя и прав граждан;

2. расширение социальной базы терроризма путем вовлечения в террористическую деятельность представителей различных слоев населения и формирование устойчивых кругов, разделяющих политические устремления тех или иных террористических организаций;

3. превращение терроризма в долговременный фактор современной жизни;

4. рост организованности и управляемости террористических образований;

5. создание блоков террористических организации в рамках отдельных стран и мира;

6. смыкание терроризма и организованной преступности;

7. продолжение и даже усиление связей между государственным, международным и внутренним терроризмом.¹

Основной тенденцией терроризма на современном этапе является интенсивное повышение его общественной опасности. Она четко выражена в ниже приведенных данных (табл. 3).

Профессиональный уголовно-правовой и криминологический анализ уровня и динамики преступлений террористического характера и экстремистской направленности не дают оснований для их смешивания.²

¹ Авдеев Ю.И. Основные тенденции современного терроризма.// Современный терроризм: состояние и перспективы. Под ред. Е.И.Степанова. – М., 2000. – С. 137-175.

² Павлинов А.В. даже изобразил соотношение терроризма и экстремизма в виде пересекающихся кругов, или как они именуются в логике «перекрещивающиеся понятия» и, таким образом, существенно перепутал уголовно-правовые нормы ответственности за большой ряд серьезных преступлений и вопреки, хотя и несовершенной систематизации УК РФ, поставил перед практиками неразрешимую задачу.

Таблица 3

**Уровень и динамика преступлений террористической и
экстремистской направленности (2003-2009 гг.)**

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Зарегистрировано. деяний террористического характера	8664	9523	5438	1781	759	642	654
Динамика в %%	100,0	109,9	62,7	20,6	8,8	7,4	7,5
Раскрыто преступлений	1193	1689	1439	1068	661	550	530
Осуждено виновных	85	52	580	618	528	417	-
Оправдано лиц	3	3	8	4	2	3	-
Зарегистрировано деяний экстремистской направленности	157	130	152	263	356	460	548
Динамика в %%	100,0	82,8	96,8	167,5	226,7	293,0	349,0
Раскрыто преступлений	122	103	133	169	217	430	484
Осуждено виновных	470	684	728	481	476	561	-
Оправдано лиц	3	5	3	7	1	3	-

В 2003 г. было зарегистрировано 8664 преступления террористического характера, а деяний экстремистской направленности – 157, в 55 раз меньше, а через шесть лет в 2009 г. деяний террористического характера было учтено 654, а экстремистского – 548. Меньше всего лишь на 19%. Где ответ на возникающий вопрос? Несомненно, за последние годы идет процесс некоторого снижения деяний террористической направленности. Но в связи с пройденным ажиотажем террористического характера, некоторые деяния, которые ранее квалифицировались как террористические, стали объективно оцениваться иначе и статистически переходили в общеуголовные преступления против личности, общественной безопасности и т.д.

Например, из ст. 277 УК «Посягательство на жизнь государственного и общественного деятеля», в диспозиции которой это деяние называлось «террористический акт», он был убран ФЗ № 153 – 2006 г. Многие деяния террористического характера стали рассматриваться как экстремистские действия. Этому помог и законодатель. И законодатель и практика в годы выборов Президента и Госдумы действовали согласованно и работали на показатели. Тем более, что этот «политический ветер» заставил интенсивно и без глубокого криминологического и уголовно-правового анализа усиливать криминализацию различных аспектов расширительно толкуемого экстремизма.

Суммарный уровень преступлений терроризма и террористической деятельности увеличивался до 2004 г. в 5,9 раза, а затем сократился до 139,0%. Уровень собственно терроризма до 2003 г. увеличился более чем в 17,5 раза, а потом несколько сократился к 2009 г. Статья о вовлечении в террористическую деятельность была введена в УК РФ в 2004, а в 2006 г. переименована в «содействие террористической деятельности» и уровень этого деяния к 2009 г. увеличился в 3 раза. Число заведомо ложных сообщений об акте терроризма к 2007 г. возросло в 6,5 раз, затем стало постепенно сокращаться практически до исходного уровня. Число организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем – увеличилось более чем в 500 раз, организации преступного сообщества – в 2,5 раза. Тогда как захват заложников сократился почти в 10 раз, а угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава сократились в 4 раза. Ложное сообщение о теракте велико (9022 случая в 2004 г.) постепенно сокращается. Особо тревожит рост незаконных вооруженных формирований.

Аналогичная тенденция роста с выявлением организованных преступных образований. В связи с этим непонятна ликвидация департамента по противодействию организованной преступности в МВД РФ в 2009 г.

Ранее было замечено, что значительное снижение уровня захватов заложников связано практически (особенно с приобретением

Таблица 2.
Уровень и динамика терроризма и других преступлений террористической направленности
(против общественной безопасности) в России (1997-2009 годы)

Виды преступлений	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Терроризм (ст. 205)	32	21	20	135	327	360	561	265	203	112	48	10	15
<i>Динамика в %</i>	100,0	65,6	62,5	421,9	1022,0	1125,0	1753,1	828,1	633,4	350,0	159,0	31,2	46,9
Вовлечение в терроризм (ст. 205-1). С 2006 г. – содействие террористической деятельности.	-	-	-	-	-	-	-	5	13	16	7	10	15
<i>Динамика в %</i>							100,0	260,0	320,0	140,0	200,0	300,0	
Публичные призывы к теракту (ст. 205-2)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	1	2	7
Захват заложников (ст. 206)	114	69	64	49	32	39	24	22	20	22	18	12	16
<i>Динамика в %</i>	100,0	60,5	56,1	43,0	28,1	34,2	21,0	19,2	17,5	19,2	15,9	10,5	14,0
Ложное сообщение о теракте (ст. 207)	1386	2002	3462	4035	5323	6762	7811	9022	4840	3277	2299	1633	1432
<i>Динамика в %</i>	100,0	144,4	249,8	291,1	384,1	487,9	563,6	650,9	349,2	236,4	165,9	117,8	103,3
Орг. незакон. вооруж. формиров. (ст. 208)	1	2	9	340	165	135	267	212	356	571	592	522	510

Примечания:

Ст. 205 изменена в 2006 и 2008 гг.

Ст. 205-1 дополнительно внесена в УК РФ в 2002 г. и изменена в 2003 и в 2006 гг.

Ст. 205-2 дополнительно внесена в УК РФ в 2006 г.

Ст. 277 в 2006 г. Ф.З. исключена из террористической деятельности.

опыта спецслужбами в последние годы) со стопроцентной возможностью раскрытия их и привлечения виновных к уголовной ответственности, а может быть и с потерей их жизни при освобождении заложников или транспорта. Преступления же террористической направленности, совершаемые в условиях неочевидности, интенсивно росли, поскольку их совершение фактически безнаказанно. Особо массовым характером и высоким ежегодным приростом отличается заведомо ложное сообщение об акте терроризма. В силу своей почти полной безнаказанности это деяние превратилось среди молодежи и подростков в специфический и общественно опасный вид спорта. Нападений на лиц или учреждения, пользующихся международной защитой, за рассматриваемые годы вообще не регистрировалось.

Некоторое сокращение абсолютного числа учтенных террористических актов после 2004 г. обусловлено более интенсивной разведывательной и предупредительной деятельностью, которая позволяет предотвратить те или иные теракты. Директор ФСБ Патрушев сообщил, что было предотвращено более 300 диверсионно-террористических актов, которые бандиты планировали осуществить в 2005-2006 годы на территории Дагестана, Ингушетии, Чечни, Ставрополя. В 2006 г. пресечена деятельность 150 организаций террористической и экстремистской направленности, 35 бандгрупп, 501 организованной преступной группы, занимавшейся незаконным оборотом оружия. За преступления, связанные с террористической и экстремистской деятельностью осуждены на различные сроки лишения свободы 896 человек. Более 700 уголовных дел находятся в стадии расследования. В результате проведенных мероприятий 546 участников бандподполья и их пособников отказались от противоправной деятельности и вернулись к мирной жизни (Российская газета, 2007, 14 марта). Снижение числа терактов, как видно из слов Патрушева, может быть связано с квалификационными действиями. Многие деяния, которые ранее расценивались как терроризм, стали квалифицироваться как экстремистские проявления. Их число увеличивается. В 2008 г., например, только в Центральном округе РФ число экстремистских преступлений более чем удвоилось. Тем не

менее, реальный уровень терроризма, судя по приведенным данным по Северному Кавказу не уменьшается. Террористы ищут и другие пути. С Северного Кавказа они проникают в глубь России (<http://www.mygorod.ru>) и широко используют Интернет ресурсы. Спецпредставитель Президента по вопросам международного сотрудничества в борьбе с терроризмом А. Сафонов рассказал, например, что в 2007 г. с помощью Интернета в мире было совершено 15 тыс. терактов, в ходе которых погибли 22 тысячи человек. «Радикальный джихад вышел на свое максимальное развитие в своих двух ипостасях: джихад мечом и джихад словом» (Российская газета. 2008, 14 мая). В связи с этим снижение абсолютного числа учтенных терактов в некоторые годы следует оценивать критически.

С тенденциями терроризма в определенной мере коррелирует и динамика организованной преступности, которая детально исследуется в специальной главе. Следует лишь напомнить, что современный терроризм, как правило, совершается организованными преступными вооруженными формированиями, причем не местными, а региональными, межрегиональными и даже транснациональными, международными. А учет преступлений, совершенных организованными криминальными формированиями, осуществляется лишь при раскрытии преступлений и направлении уголовных дел в суд. По нераскрытым преступлениям сделать обоснованный вывод о совершении терроризма и других преступлений террористической направленности организованными преступниками невозможно.

В 2003 г., например, в России по ст. 205 УК было зарегистрировано 561 теракт, расследовалось в отчетном году с учетом прошлогодних дел – 610 преступлений, из них раскрыто было только 86 деяний, или 14,1% от всех расследуемых. Было также установлено, что 36 актов (из числа зарегистрированных в 2003 г.) совершены организованными преступными образованиями, т.е. 6,4%. В прошлые годы эти показатели были вдвое ниже. Хотя очевидно, что реально долю организованного терроризма можно оценить не менее 90%. В последние годы эти показатели положительно меняются. Тем не менее, можно сде-

лать вывод, что система уголовной юстиции, особенно оперативные сотрудники, приобрели положительный опыт в борьбе с терроризмом и его предупреждением. Таким образом, тенденция реального смыкания терроризма и организованной преступности¹ статистическими данными все больше и больше подтверждается. Динамика терроризма и динамика организованной преступности заметно и положительно коррелируют между собой.²

В 2000 г. межведомственная рабочая группа Правительства США подготовила обстоятельный доклад о комплексной оценке угрозы, которую представляет международная преступность, тесно связанная с терроризмом, для американской нации. Исследованию подверглись наркобизнес, незаконный ввоз мигрантов, торговля женщинами и детьми, экологические преступления (преступные промыслы), незаконная передача технологии и контрабанда материалов для изготовления оружия массового уничтожения, торговля драгоценными камнями и металлами, пиратство, контрабанда наркотических средств, нарушение интеллектуальных прав собственности, иностранный экономический шпионаж и отмывание денег.³ Все эти криминологические проблемы особо актуальны и для нашей страны в целом и в борьбе с терроризмом.

Организованная преступность обладает высоким криминальным потенциалом, тесной связью с коррупционными властями, опытом применения насилия, организационными возможностями, специальными силами и средствами (оружием, боеприпасами, сильнодействующими веществами, отрядами боевиков, киллеров, структурами слежения и безопасности). Одним из каналов финансирования терроризма было массовое похищение людей и тор-

¹ Современный терроризм: состояние и перспективы. Под ред. Е.И.Степанова. М., 2000. С. 59-60, 172-174.

² Лунеев В.В., Кудрявцев В.Н., Петрищев В.Е. Терроризм и организованная преступность в условиях глобализации мира. // Борьба с терроризмом. – М., 2004. С.5-80.

³ Оценка реальности угрозы, исходящей от международной преступности (Доклад Совета Национальной безопасности США, 2000 г. // <http://corruption.rsuh.ru/magazine/5-2n5-02.html>, а также: Журнал «Экономическая теория преступлений и наказаний». – № 5 – 2000).

говля ими. Этому же служили мошеннические чеченские авизо. Общеуголовные преступные организации в Чечне практически не отделимы от террористических. У них могли быть единые цели и задачи, но разные формы преступной деятельности. После Бесланской трагедии в печати приводился такой пример: при всей криминогенности в Чечне там не было случая подрыва нефтепроводов и машин с нефтепродуктами, которые находятся в руках теневых структур. Есть основания полагать, что и они тесно связаны с террористическими образованиями.

Особый интерес к организованной преступности со стороны террористических организаций представляют ее финансовые возможности и умение «делать деньги». В условиях снижения поддержки терроризма некоторыми странами, террористические организации вынуждены сами заниматься прибыльным бизнесом (торговлей наркотиками, оружием, взрывчатыми и сильно действующими веществами, торговлей людьми) и их сотрудничество с хорошо организованными и законспирированными преступными сообществами, коррупционно связанными с властями, выгодны террористическим формированиям. «Наиболее ярко выражен этот процесс, – как пишет известный терролог Ю.И. Авдеев, – в крупных индустриальных и политических центрах отдельных государств, в регионах с особым обострением межнациональных, конфессиональных, региональных и клановых противоречий (например, в некоторых республиках Закавказья, Таджикистане, в Российской Федерации – на Северном Кавказе). Структуры организованной преступности в ряде этих регионов выступают длительное время как один из влиятельных факторов инициирования и поддержки националистических и религиозно-экстремистских формирований, проводимой ими противоправной, политически мотивированной, насильственной, в том числе террористической деятельности, против законных властей или иных политических

противников».¹ Не следует забывать и того, что, как свидетельствуют данные МВД, «половина преступных доходов идет чиновникам».²

Организованная преступность, смыкаясь с идейными противниками и оппозиционерами властей, как бы идеологизирует и политизирует свою криминальную деятельность, укрепляет ее влияние и представляет определенную возможность ее собственного продвижения во власть. А нахождение во власти или приближение к ней является важным условием существования отечественной организованной преступности. На выборах в Государственную Думу в 1999 г., например, по партийным спискам баллотировалось 86 кандидатов из числа ранее судимых или находящихся под следствием. И они не были одиночками, за ними стояли соответствующие организации. Сейчас эти каналы перекрываются.

Интенсивное изменение терроризма в направлении повышения его общественной опасности является не только первой, но в определенной мере интегративной тенденцией. Интенсивный рост общественной опасности идет по нескольким направлениям:

- по темпам роста и прироста;
- по уровню организованности;
- по материально-техническому и финансовому обеспечению;
- по национальным и транснациональным масштабам терроризма;
- по степени тяжести наступивших последствий;
- по числу человеческих жертв;
- по характеру и объему целей и объектов посягательства;
- по расширению субъектов терроризма;
- по интенсивному расширению роли СМИ, способствующих самоутверждению террористов и распространению их бесчеловечных идей.

По темпам роста и прироста. За последнее три десятка лет в мире совершены десятки тысяч террористических актов только

¹ Там же. – С. 174.

² Рашид Нургалиев: Неприкасаемых чиновников-коррупционеров больше не будет. // <http://www/mvd.rupress/interview/5853/5853/>.

широко известных и нашедших отражение в мировой литературе.¹ Очаги террора существуют более чем в 50 странах мира. В настоящее время не проходит ни одного дня, когда бы национальные и мировые СМИ не сообщали о новых террористических актах в той или иной стране.

В нашей стране фактический терроризм стал расти в процессе и после распада СССР. Достаточно вспомнить кровавые события в Узбекистане, Таджикистане, Азербайджане, Грузии, Армении, в Прибалтике и Чечне. Но поскольку как преступление «терроризм» впервые был введен в УК РСФСР в 1994 г., то в этом году было зарегистрировано лишь 18 случаев терроризма, а уже в 2003 г. учтен – 561 случай. Всего же в этом году с учетом предыдущих деяний расследовалось – 610 террористических нападений. Прирост в 31-34 раза. Терроризм в России стал повседневностью. В 2003 году в стране в среднем совершалось 11 только террористических актов в неделю и 24 деяния террористической направленности (так тогда назывались иные террористические действия) в день.

При оценке реальных и потенциальных тенденций терроризма надо учитывать результаты предупредительной работы. В начале 90-х годов террористические акты были относительно редкими, а системы предупреждения и пресечения их практически не существовало. Общая профилактическая деятельность стихийно и планомерно разрушалась. Поэтому можно предположить, что ученный уровень терроризма (его скрыть практически непросто) относительно полно отражал террористические реалии. Сейчас положение другое. Как бы отрицательно не оценивалась работа правоохранительных органов (просчетов много), тем не менее, они научились вести большую и относительно эффективную разведывательную и предупредительную работу. Им удается предупредить и пресечь десятки и даже сотни готовящихся террористических атак.

По сообщению министра внутренних дел Р.Нургалиева в 2004 г. было предотвращено более 200 террористических актов и задержаны

¹ Жаринов К.В. Терроризм и террористы. Исторический справочник. – Минск. 1999. – С. 443-514; www.sdyouthforum.org/events/index3.html.

десятки террористов и их идеологических вдохновителей.¹ К сожалению, полных и системных данных об этом нет. А надо бы их публиковать. Есть основания полагать, что реальная террористическая обстановка намного сложнее учтенной. А, следовательно, темпы роста и прироста террогенности в стране намного выше объявляемой. И это необходимо осознавать.

По уровню организованности терроризм в истекшее столетие развивался от террористов одиночек до создания террористических групп, крупных организаций, политических террористических формирований левого (коммунистического), ультраправого (фашистского), националистического и религиозного толка до транснациональных террористических объединений типа Аль-Каида. В мире насчитываются сотни аналогичных организаций. Они известны и регулярно обнаруживаются.² Не впадая в националистические и религиозные симпатии и антипатии, приходится констатировать, что основную массу террористических организаций составляют арабские, исламские, мусульманские религиозно-радикальные объединения. Видимо, не случайно тема исламского терроризма в последние годы начинает занимать особое место в терминологической литературе. «Исламизм – глобальная угроза», «Исламизм как глобальный дестабилизирующий фактор» – названия многих современных научных конференций и семинаров.³

«Черный» список о террористических организациях в США начал составляться в 1997 г., и он регулярно обновляется и публикуется в специальном ежегодном докладе Госдепартамента США. В по-

¹ Террористы понесли потери // Газета. GZT.RU. www.gzt.ru/rub.gzt?rubric=novosti&id=6405070000035132/ 5 ноября 2004 г.

² Кожушко Е.П. Современный терроризм: Анализ основных направлений. Минск. 2000. С 13-345; Жаринов К.В. Терроризм и террористы. Исторический справочник. Минск. 1999. С. 98-398; Супертерроризм: новый вызов нового века. Под ред. А.В.Федорова. М., 2002. – С. 175-220; www.sdyouthforum.org/events/index4.html.

³ Johnson C. Usama ben Laden. The Way to Nowhere. New York, 2002; Алексиев А. Нефтяные миллиарды для джихада. Саудовская Аравия финансирует глобальный исламизм. // *Intrnationale Politik*. Терроризм. 1/2004. – С.27-41; www.niiss.ru/s_info2.shtml и др.

следние годы в нем числилось более 30 террористических организаций и 35 террористов, которые в основном действуют против США, Израиля, и Великобритании.¹ После многократных обращений России к США в этот список в феврале 2003 г. включили также три чеченские террористические организации: Международную исламскую бригаду, Исламскую бригаду шахидов Риядус аль-Салихыйн (Черные вдовы), Исламский отряд специального назначения. После этого счета этих организаций должны быть заморожены, а их членам запрещено въезжать в США.

В феврале 2003 г. Верховный суд РФ по представлению Генеральной прокуратуры запретил деятельность на территории России 15-ти радикальных исламских организаций: 1. Риядус аль-Салихыйн (Черные вдовы), 2. Высший военный Маджлисуль Шуры объединенных сил моджахедов Кавказа (Чечня), 3. Аль-Каида (База, Афганистан), 4. Конгресс народов Ичкерии и Дагестана (Чечня), 5. Асбат аль-Ансар (Ливан), 6. Священная война (Аль-Джихад, Holy War, Египет), 7. Исламская группа (Аль-Гамаа аль-Исламия,

¹ «Черный» список США – список иностранных террористических организаций: 1. Организация Абу Нидала (АНО), 2. Группа Абу Сайяфа, 3. Вооруженная исламская группа (ГИА), 4. Аум Синрике, 5. Баскская Родина и Свобода (ЭТА), 6. Гама аль-Исламия (Исламская группа), 7. Хамас (Исламское движение сопротивления), 8. Харакат уль-муджахидин (ХУМ), 9. Хезболла (Партия Аллаха), 10. Исламское движение Узбекистана (ИДУ), 11. Аль-джихад (Египетский исламский джихад), 12. Еврейская Кахане Чай (Кач) и сайты еврейских радикалов (newkach.org; kahane.org; kahane.net и др.), 13. Курдская рабочая партия (ПКК), 14. Тигры освобождения Тамила (ЛТТЕ), 15. Организация «Муджахедин-э халк» (МЭХ), 16. Национальная освободительная армия (ЭЛН), 17. Палестинский исламский джихад (ПИД), 18. Палестинский освободительный фронт (ПОФ), 19. Народный фронт за освобождения Палестины (НФОП), 20. Генеральное командование НФОП (ГК НФОП), 21. Аль-Каида, 22. Реальная ИРА, 23. Революционные вооруженные силы Колумбии (ФАРК), Революционные ячейки (Бывшая ЭЛА), 25. Революционная организация 17 ноября, 26. Революционная народно-освободительная армия / фронт (ДХКП/Ц), 27. Сияющий Путь (Сендеро Луминосо, Перу) Объединенные силы самообороны Колумбии (АУМ), 28. Бригада мучеников Аль-Аксы, 29. Фонд Святой земли за освобождение и развитие и другие. Аль-Каида, возглавляемая Бен Ладеном, который был «вскормлен» США для борьбы с СССР в Афганистане, была включена в список США в 1999 г.

Египет), 8. Братья-мусульмане (Аль-Ихван аль-Муслимун, Muslim Brotherhood, международная), 9. Партия исламского освобождения (Хизб ут-Тахрир аль-Ислами, Islamic Salvation Party, международная), 10. Лашкар-И-Тайба (Пакистан), 11. Движение Талибан (Афганистан), 12. Исламская партия Туркестана (бывшее Исламское движение Узбекистана), 13. Общество социальных реформ (Джамият аль Ислах аль Иджтимаи, Social Reform Society, Кувейт), 14. Общество возрождения исламского наследия (Джамият Ихья ат-Тураз аль Ислами, Islamic Heritage Revival Society, Кувейт), 15. Дом двух святынь (Аль-Хармейн, Саудовская Аравия). На конец 2008 г. в России Верховным судом РФ признаны террористическими 18 организаций и 7 экстремистскими, их деятельность запрещена на территории нашей страны.

По данным ФСБ, ряд эмиссаров этих организаций появлялись на территории России, в том числе и в Чечне. Исламские вербовщики действуют в 40 регионах России. Например, 8 задержанных в Афганистане россиян, которые содержались американцами на базе военнопленных в Гуантанамо и ныне переданных России, были завербованы представителями террористических организаций. Некоторые организации, указанные в российском списке, спонсировали деятельность ряда ваххабитских организаций в Дагестане, доставляли средства для чеченских бандформирований. Составление российского списка (который в ряде случаев совпадает со списком США), прежде всего, представляет собой запрет их деятельности на территории РФ, а в случае выявления их имущества, оно может быть по решению суда на основе закона «О борьбе с терроризмом» арестовано. Примерно такие же последствия могут наступить для террористических организаций, если они таковыми объявлены и в других странах.

В России пресечением финансирования терроризма занимается Комитет финансового мониторинга (ныне: Федеральная служба по финансовому мониторингу, подчиненная Премьер-министру). Эта служба на основании получаемых данных ведет свой «черный список», В нем значатся как вышеперечисленные террористические

организации, так и другие образования и граждане. По заявлению главы Росфинмониторинга в базу данных, которая обновляется каждые три месяца, «включены свыше 1000 физических и юридических лиц, спонсирующих международный терроризм». Информация о них поступает от российских правоохранительных органов, а также по линии МИД и ООН.¹

Список террористических организаций и отдельных террористов ведется также в ООН и в Европейском союзе. В списке последнего, например, числятся 35 террористов и 31 террористическая группировка, в том числе пять палестинских группировок, еврейская экстремистская организация «Кохане Чай», Баскская ЕТА и другие организации, перечень которых как-то совпадает со списком США. Аналогичные списки ведут и отдельные страны. В 2004 г., например, Китай опубликовал первый список террористических организаций и террористов «Восточного Туркестана», в который включены четыре исламских и уйгурских организации и 11 террористов.

По материально-техническому и финансовому обеспечению развитие идет от применения кинжала, пистолета до использования самых современных видов вооружения, организации колоссальных взрывов и даже с использованием средств массового поражения (химических, биологических, ядерных). Химические и биологические компоненты применялись в террористических нападениях в Японии (Аум Синрике) и в США. Мировую катастрофу может вызвать возможный ядерный терроризм. При всей жесткости национального и международного (МАГАТЭ) контроля за распространением ядерных материалов и технологий их получения², мир и его отдельные страны не застрахованы от получения террористами этих материалов путем незаконного оборота или собственных разработок. В последние годы фактическими обладателями ядерного оружия вопреки всем международным запретам стали Израиль,

¹ Известия RU <http://news.izvestia.ru/world/news88226>

² Конвенция (ООН) о физической защите ядерного материала от 3 марта 1980 г.// Международно-правовые основы борьбы с терроризмом. Сборник документов. Составитель В.С. Овчинский. М., 2003. С. 391-420.

Индия, Пакистан. Предполагается, что такие разработки ведутся в КНДР, Иране и других странах. Существует и нелегальный оборот ядерными материалами. По данным МАГАТЭ ежегодно фиксируется до 20-30 случаев незаконного оборота радиоактивных материалов, что, по оценке специалистов составляет не более 2-5% от реального оборота этих материалов.¹

Особую опасность представляют «живые бомбы», которые могут быть снаряжены любым взрывчатым, отравляющим, биологически-опасным, радиологическим и даже ядерным веществом. Ядерные мини-бомбы давно изобретены. Смертники, несущие на себе взрывчатые вещества получили особое распространение на Ближнем Востоке, в Палестине и Израиле. С 26 октября 2000 г. по 19 июня 2002 г. в Израиле произошло 39 нападений «человекобомб».² Израильские эксперты считают «человекобомбы» самым опасным оружием на ближайшие годы. Они уносят в четыре раза больше жизней, чем иные теракты и оставляют в 26 раз больше раненых. До 2001 г. 3% терактов, совершенных самоубийцами, на которые приходилось 48% всех погибших. В 2005 г. на 0,5% атак «человекобомб» пришлось 64% всех жертв от террора.³ Чеченские террористы переняли этот опыт. Они с 2000 г. поставили подготовку «живых бомб» на поток.⁴

¹ Высокотехнологичный терроризм. Материалы российско-американского семинара. М. 2002. С. 111-208.

² Авербух В. «Черных вдов» сменят дети-шахиды? // Российская газета. 2004, 3 сентября.

³ http://mail.yandex.ru/neo/message?current_folder

⁴ Неполная хроника террористических актов с участием смертников. 7 июня 2000 г. в Чечне впервые совершен теракт с использованием смертников. Хава Жансуркаева и Хеда Магомадова в селении Алхан-Юрт на автомашине УАЗ, нагруженной тротилом, прорвались к зданию комендатуры. Убито и ранено около 80 сотрудников спецназа. 11 июня на блокпосту в Грозном смертники взорвали автомобиль. Погибли 12 и ранены 7 военнослужащих. 2 июня смертники совершили 5 терактов с использованием грузовиков. Погибли 33 и ранены 84 сотрудника милиции. Аналогичные теракты были совершены 19 декабря 2000 г., 9 апреля и 29 ноября 2001 г., 5 февраля, 23 октября и 27 декабря (подрыв 2-х машин со взрывчаткой, разрушен Дом правительства Чечни, погибли 71 и ранены 640 человек) 2002 г., 12 мая, 14 мая, 5 июня, 20 июня, 5 июля и 9 декабря 2003 г., 6 февраля, Последними терактами смертниц

Полгода назад в Израиле стали задерживать со взрывчаткой детей. Женское лицо «живых бомб» может смениться детским. Вместо твердых и сыпучих взрывчатых веществ, которые легко распознаются, террористы осваивают «жидкие бомбы». Их можно пронести, например, в самолет в бутылках под видом различных напитков.

Использование гражданских самолетов для совершения террористических актов (США, 11 сентября 2001) показало, что материально-техническому обеспечению в этом деле практически нет предела. Терроризм с использованием различных видов транспорта: воздушного, водного, железнодорожного, автомобильного, трубопроводного, подземного (метрополитена) серьезно увеличивает уязвимость населения от террористических атак. В Белой книге «Терроризм и безопасность на транспорте в России (1991-2002 гг.)», подготовленной МПС, Минтрансом, МВД, ФСБ, ФПС и другими министерствами и ведомствами России, приводятся серьезные данные о террористических акциях на транспорте. На воздушном транспорте таковых было 38, на водном – более 60, на железнодорожном – 150 (в том числе в Чечне – 95), на автомобильном – 43, на трубопроводном – 13, на подземном – 15. И это неполные данные, так как некоторые ведомства представили сведения за 10 лет, другие – за 5, третьи – за 2. С годами эти данные могли только увеличиваться.

Близко к этому примыкают около четырех десятков видов неосторожных преступлений, которые не являются прямо террористическими, но их совершение облегчает осуществление террористической деятельности или способствует достижению террористических целей. Это:

– преступления против общественной безопасности (нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики, приведение в негодность объектов жизнеобеспечения, нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ, нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах, нарушение правил учета, хранения, перевозки и использования взрывчатых,

было подрыв 2-х самолетов 24 августа 2004 г, унесших жизни 90 человек. // Московские новости. 2003 г., № 43 и другие источники.

воспламеняющихся веществ и пиротехнических изделий, незаконное обращение с ядерными материалами и радиоактивными веществами, ненадлежащее исполнение обязанностей по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств);

– экологические преступления (нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ, нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов, нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо с биологическими агентами или токсинами, загрязнение вод);

– преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта (нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного или водного транспорта, приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения, нарушение правил безопасности при строительстве, эксплуатации или ремонте магистральных трубопроводов, нарушения международных полетов) и другие.

Чеченские террористы хорошо финансировались. Они были экипированы и вооружены по-современному, нередко лучше, чем российские спецслужбы. Более 90 млн. долларов – таков, по данным «Комсомольской правды», ежегодный бюджет бандитов Масхадова и Басаева. Больше половины, около 58 млн. – деньги «Аль-Каиды», других террористических организаций и множества, так называемых исламских благотворительных фондов, действующих по всему миру, в том числе и в Европе, особенно в Великобритании. И в ближнем зарубежье, например, в Азербайджане. Многие фонды расположены на территории России под крышами дружелюбных обществ, организаций и банков.

Считается, что 90 млн. долларов, это только выявленная спецслужбами часть финансового айсберга. Другие специалисты, и российские и зарубежные, считают, что эту сумму следует утроить.¹ Приводятся и другие данные. Около 80 млн. долларов, это оброк, которые чеченские криминальные структуры собирают на Северном

¹ Аналитическая программа «Постскрипtum» с А. Пушковым 25 сентября 2004 г.// www.tvc.ru/v2/series/id/401010000322.html

Кавказе. Еще 15 млн., деньги, которые приносят подконтрольные чеченскому криминалу банки и фирмы по всей России. 7 млн. – поборы в самой Чечне. Как утверждает газета, в каждом селе есть казначей бандитов. Еще 3 млн. в год приходит от зарубежной чеченской диаспоры. Кроме того, бывают разовые пожертвования. Есть доказательства, как пишет газета, что Б. Березовский, как минимум, выдал чеченским террористам 2 млн. долларов.¹

По данным МВД в оказании финансово-материальной помощи чеченским террористам было задействовано более 60 исламских экстремистских организаций, до сотни иностранных фирм и банковских групп. Только за несколько месяцев 2000 г. малоизвестная организация «Помощь Германии» подарила чеченцам 350 тыс. долларов, Датский совет по беженцам – 700 тыс., «Исламское освобождение» – 1,4 млн., «Норвежский совет по вынужденным переселенцам» – 500 тыс., «Польская гуманитарная акция» – 75 тыс. Германская организация «Help» в 2000 г. «выделила» Чечне 7 млн. марок и миллион в 2001 г. Судя по активности террористов на Северном Кавказе, есть основания полагать, что в последние годы финансирование увеличилось.

В Турции находится один из наиболее крупных центров переброски международных «благотворительных» денег в Чечню.² Под видом помощи чеченским братьям-ислаμισмам туда переводят деньги отдельные лица и организации Ирана, Саудовской Аравии, Ливии, Эфиопии, Великобритании, Индонезии и других стран (около 40). По данным спецслужб размер этого «общака» колеблется от 80 до 100 млн. долларов.³ Даже эти разрозненные и далеко неполные данные свидетельствуют о том, как велика ненависть и корыстных интересов некоторых кругов разных стран к России, как наследнице

¹ Аналитическая программа «Постскрипtum» с А. Пушковым 25 сентября 2004 г.// www.tvc.ru/v2/series/id/401010000322.html; Алексеев С. «Масхадов в роли рэкетира»// Век, 2002, 12 июля.

² Трилогия кавказской войны.// [www.namakon.ru/pic/article75.doc\(163KB\)05.02.2004](http://www.namakon.ru/pic/article75.doc(163KB)05.02.2004)

³ Баранец В., Герасименко С. Взрывы проплачены на месяц вперед // Комсомольская правда, 2001, 30 марта.

бывшего СССР. И в формировании такого отношения к нам огромную роль играют мировые СМИ, которые не погасили инерцию «холодной войны».

На этом фоне Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (от 9 декабря 1999 г.), резолюция Генеральной Ассамблеи Интерпола о финансировании терроризма (8-12 ноября 1999 г.), Восемь специальных рекомендаций ФАТФ по борьбе с финансированием терроризма (от 31 октября 2001 г.), а также международные документы об экстрадиции террористов исполняются плохо. Двойные стандарты в западном мире не преодолены. Россия предпринимает серьезные усилия для преодоления этих «пережитков прошлого». И находит в этом определенное понимание со стороны мирового сообщества, о чем свидетельствуют некоторые итоги 59-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН.¹

По национальным и транснациональным масштабам террористической деятельности. В этом плане терроризм «движется» от единичного локального места преступления (места совершения террористического акта) до охвата целых городов, стран, регионов организованной и систематической террористической деятельностью (Ирак). Ныне терроризм охватывает все континенты земли, большинство стран и народов мира. Наряду с транснационализацией террористической деятельности идет процесс интернационализации террористических организаций и террористов, хотя доминируют среди них мусульмане, исламисты, арабы. Среди европейских стран Россия становится самой террогенной зоной. По числу террористических актов на первом месте, видимо, находится Ирак, на втором – Израиль, на третьем – Россия и далее следуют другие государства.

Необходимо тесное сотрудничество всех стран мира, построенное на четкой, не допускающей двойных стандартов и толкований, международно-правовой основе. И оно активно декларируется мно-

¹ Дымарский В., Чиркин С. Советы Москвы Совету Безопасности. Сергей Лавров – о новых российских инициативах в ООН.// Российская газета. 2004. 27 сентября.

гими странами. Но реальные шаги осуществляются нередко только в рамках собственных интересов. Как и во времена холодной войны США и Запад активно и цинично используют двойные стандарты. Это особенно стало очевидным в связи с чередой кровавых террористических актов в России в августе-сентябре 2004 г. завершившейся кровавой Бесланской трагедией. Некоторыми силами на Западе она даже была использована для нагнетания антироссийской истерии с требованием переговоров с террористами.

О каком эффективном сотрудничестве в борьбе с международным терроризмом может идти речь, если США и некоторые страны ЕС стоят на позиции защиты чеченских и орудующих с ними международных террористов, принимают их на высоком уровне, представляют им политическое убежище (Ахмадову в США, Закаеву в Великобритании), не выдают по законной просьбе российских правоохранительных органов организаторов чеченского террора, под демагогическими предложениями ставят под сомнение систему уголовной юстиции России, хотя сами попирают элементарные права человека, например, в бывшей Югославии, в Ираке, в Гуантанамо и т.д. Это, во-первых. Во-вторых, для всего мира является очевидным, что основным международным органом выработки и реализации стратегий борьбы с международным терроризмом и другими видами транснациональной преступности может быть только ООН. Однако ее роль открыто игнорируется, занижается и подменяется США и наднациональными органами ведущих стран мира, «гегемонией нового типа», «американской глобальной системой» в однополярном мире.¹ Череда кровавых террористических актов в России (пять трагических нападений за неделю в сентябре 2004 г.), унесших жизни сотни ни в чем не повинных людей, была беспрецедентной. Однако международная реакция на них была иная. Некоторые политические деятели Запада и их наемные российские «правозащитники» были озабочены не гибелью безвинных российских граждан, а интересами чеченских «повстанцев», требованием политических

¹ Бжизинский Сб. Великая шахматная доска. Пер. с англ. – М., 2000. – С. 13-20.

переговоров с организаторами кровавых терактов и оставления Чечни.

Следует признать, что на фоне мирового финансового и экономического кризиса 2008-2009 годов практически рухнула бредовая идея однополярного мира. Меняется отношение к России. Запад относительно объективно оценил варварское нападение Грузии на Южную Осетию. Большая восьмерка увеличивается до двадцати государств. Становится очевидным, что миром можно управлять лишь сообща.

По степени тяжести наступивших последствий и числу человеческих жертв тенденция устрашающая. В среднем темпы прироста человеческих жертв на порядок опережают темпы прироста самих террористических актов. Тенденция такова: от убийств отдельных ненавистных террористам лиц и в чем-то, по их мнению, виновных перед ними, до уничтожения тысяч и десятков тысяч ни в чем не повинных жертв, не говоря уже о колоссальных материальных разрушениях. В России за последнее десятилетие число жертв среди гражданского населения составляет более двух тысяч человек, а число раненых – в несколько раз больше. К жертвам террора следует отнести и около 10 тысяч погибших военнослужащих, принимавших участие в контртеррористических операциях в Чечне. Самая страшная закономерность – растущее количество убитых детей. За 1994 год от рук террористов погибли 4 ребенка, а в 2004-м – более 250.¹ Особым и долгосрочным последствием терроризма в России является рост жестокости в обществе.

Эффективность террористической войны является самой высокой. Она долгое время была на порядок выше антитеррористической деятельности. Незначительные усилия и вложения в терроризм причиняют колоссальный ущерб другой стороне. Повторимся: если поверить циничному финансовому отчету, Басаеву пять террористических актов (взрыв 2 самолетов, трагедия в Беслане, взрывы на Каширке и у метро «Рижская») обошлись примерно в 20 тыс.

¹ Баранец В., Фалалеев М. Где в России ждать следующего теракта. // Комсомольская правда. 2004, 13 сентября.

долларов.¹ А физические (гибель около 500 ни в чем не повинных граждан), экономические, моральные, психологические, политические последствия этих терактов, совершенных всего за одну неделю конца августа и начала сентября 2004 г., – катастрофические. От этих терактов содрогнулись не только Россия, но и весь мир. И террористы это сознают. Они достигают своих целей – наведение ужаса на страну и мир минимальными усилиями. Тогда как эффективность антитеррористической правоохранительной деятельности – пока ничтожна мала, хотя она по разным силовым структурам различалась в 200 с лишним раз.²

Раскрытие террористических преступлений и привлечение виновных к уголовной ответственности (это борьба с терроризмом «по хвостам») составляет не более 10%. Уничтожение террористов на месте совершения преступления (как было в ДК на Дубровке и в Беслане) правомерно и справедливо, но непосредственные исполнители терактов для организаторов террора – расходный материал. А самое главное, вместе с ними погибли сотни ни в чем не повинных людей, женщин, детей. Более того, до самих организаторов правоохранители, как правило, почему-то не дотягиваются или дотягиваются очень редко. Отпустив в 1995 г. Басаева в Буденновске, российские

¹ Шаров А. Басаев собирался в Москву, но доехал до Беслана. // Российская газета. 2004, 18 сентября. Как показала Бесланская трагедия, эффективность террористических актов в России связана еще и с безответственностью органов различных ветвей власти. Например, один из террористов, некий Ходов, будучи в федеральном розыске в связи с совершением террористических актов, открыто жил в своем селе недалеко от Беслана, а другой террорист Шибеханов ранее был привлечен к уголовной ответственности за терроризм, убийство, незаконное хранение оружия и участие в незаконных вооруженных формированиях. Дело направили в Верховный суд Ингушетии, который освободил бандита, его оправдала коллегия присяжных. Через полтора месяца он участвовал в совершении кровавого теракта в Беслане.

² Анализ боевой эффективности различных силовых структур, действующих в Чечне, свидетельствует: один боевик, нейтрализованный силами почти полностью контрактной 42-й мотострелковой дивизии, приходится на более чем тысячу военнослужащих; в подразделениях МВД – 1 боевик на 149 сотрудников; во внутренних войсках 1: 30, в ВДВ 1:27, в спецназе ГРУ, где в основном служат контрактники 1:4.

спецслужбы очень долго не могли задержать его или уничтожить. И только в 2007 г. справедливость восторжествовала. По имеющимся сведениям Басаев лично проводил рекогносцировку в Ингушетии пред нападением на Назрань. Но в то время никто его не задержал. Некоторые ингушские милиционеры даже сопровождали его. Более эффективной является разведывательная и предупредительная деятельность. И при активном участии народа Чечни, Ингушетии и других республик Северного Кавказа, эта проблема могла бы решаться более результативно. Но национальная и религиозная солидарность с террористами, боязнь их жестокой мести и желание выжить в условиях безработицы и бедности, хотя бы на крови,¹ не способствуют этому. Тем не менее, народ не может быть безответственным, хотя бы за свое собственное саморазрушение.

По характеру и объему целей и объектов посягательств тренд вполне определен: от убийства отдельных лиц до свержения легитимных властей, разрушения государств и фактического уничтожения целых народов. Конкретные объекты посягательства могут быть любые, нападение, которые способно принести максимальный вред, посеять ужас и беспомощность. Проследим динамику объектов нападения: захват отдельных заложников, захват групп заложников с требованием выкупа, захват автобусов с заложниками, подрыв автобусов с людьми, подрыв взрывных устройств в людных местах (вокзалы, вагоны, кафе, госпитали), подрыв автомашин в людных местах, вооруженные нападения на колонны с военнослужащими и милиционерами, вооруженные нападения на здания органов власти, подрыв зданий органов власти и промышленных объектов, подрыв жилых домов с женщинами, детьми, стариками. Они не безуспешно ищут слабые звенья в защите. Одним из слабых звеньев в общей международной антитеррористической войне, судя по всему, в 90-е годы и в начале нового века оказалась Россия.

¹ В Чечне действовал такой прецедент: установка растяжки в Грозном – 20 долларов, мины – 50, фугаса – 500; убийство солдата – 1500, офицеров – от 3 до 7 тыс., генерала – 15 тыс. За захват заложников родным убитых террористов выплачивается по 30 тыс.; родственникам смертников – от 50 до 100 тыс. долларов.// www.tvc.ru/v2/series/id/401010000322.html;

Адекватная оценка угрозы террористов требует адекватных мер. Выработывая их в рамках демократических процедур, следует сознавать, что террористы вообще и особенно террористы чеченского покроя могут считаться только с хорошо организованной силой. И сами они рассчитывают только на свою неистребимую дикость и насилие. Истекшее десятилетие это убедительно показало. Либеральная демократия, рассматриваемая некоторыми как вольница, не способна справиться с растущим терроризмом.

Расширение субъектов терроризма идет по многим направлениям. Под знамена террористов становятся не только отдельные организации, политические, националистические, религиозные и криминальные образования, а иногда и целые народы (часто обманутые) или его значительные слои, которые составляют социальную базу терроризма. Среди террористов в Чечне обнаружены граждане почти из 50 стран.

Таким образом, выделяется взаимосвязанный ряд стратегически важных тенденций терроризма в мире и в нашей стране:

- интенсивный рост общественной опасности, как для международной, так и для национальной безопасности;
- расширение социальной базы терроризма путем вовлечения в террористическую деятельность представителей различных слоев населения и формирование устойчивых кругов, разделяющих политические устремления тех или иных террористических организаций;
- превращение терроризма в долговременный фактор современной жизни;
- рост организованности и управляемости террористических образований;
- создание блоков террористических организации в рамках отдельных стран и мира;
- смыкание терроризма и организованной преступности;
- усиление связей между государственным, международным и внутренним терроризмом.

Все эти тенденции свидетельствуют о становлении терроризма фактором глобального значения, с которым приходится считаться

любому правительству в своей внутренней и внешней политике и мировому сообществу в целом. Глобализация мира, транснационализация организованной и террористической преступности делает расширение международного сотрудничества в этой области неизбежным.

Интенсивное расширение роли СМИ, способствующих распространению терроризма. Интенсификация терроризма четко коррелирует с интенсификацией СМИ о нем. Некоторые даже утверждают, что терроризм возник вместе со СМИ и связан с ними неразрывно. Современный терроризм не имел бы смысла, если бы средства массовой информации не доносили их в каждый дом. СМИ являются надежными пособниками террористов, в создании страха, который планируется ими как одна из главных целей. Например, наше телевидение поэтизировало преступника Басаева, непрерывно показывая его «мужественную бороду и даже пускало ложную слезу» («у него при бомбежке погибла вся его семья»). Телевидение предоставляло ему эфир. С помощью наших же СМИ чеченские бандиты переиграли нашу государственную пропаганду и фактически выиграли первую войну.

В новой Концепции противодействия терроризму¹. Основными официальными тенденциями современного терроризма являются: а) увеличение количества террористических актов и пострадавших от них лиц; б) расширение географии терроризма, интернациональный характер террористических организаций, использование международными террористическими организациями этнорелигиозного фактора; в) усиление взаимного влияния различных внутренних и внешних социальных, политических, экономических и иных факторов на возникновение и распространение терроризма; г) повышение уровня организованности террористической деятельности, создание крупных террористических формирований с развитой инфраструктурой; д) усиление взаимосвязи терроризма и организованной преступности, в том числе транснаци-

¹ Концепция противодействия терроризму в РФ. Утверждена Указом Президента РФ 5 октября 2009 г. // Российская газета 2009. 20 октября.

ональной; е) повышение уровня финансирования террористической деятельности и материально-технической оснащенности террористических организаций; ж) стремление субъектов террористической деятельности завладеть оружием массового поражения; з) попытки использования терроризма как инструмента вмешательства во внутренние дела государств; и) разработка новых и совершенствование существующих форм и методов террористической деятельности, направленных на увеличение масштабов последствий террористических актов и количества пострадавших.

6. Причины и условия терроризма

Возникновение и распространение терроризма в РФ имеют определенные исторические предпосылки и связаны как с внутренними, так и с внешними противоречиями, в том числе общими для всего мирового сообщества, террористическими угрозами. Причин террористической деятельности называется много: политические, идеологические, националистические, сепаратистские, этнографические, религиозные, психологические, территориальные, географические, социальные, экономические и т.д., которые могут порождать различные, нередко непримиримые, противоречия и конфликты в обществе, разрешение которых определенные лица, слои, группы, партии и даже целые народы видят только в насильственном переустройстве жизни и даже мира в целом. Это происходит тогда, когда существенные объективные противоречия и конфликты годами, десятилетиями, а иногда и веками другой стороной игнорируются и не разрешаются и когда в стане ущемленной стороны находятся силы, иницирующие насильственное разрешение противоречий. Ближайшей субъективной причиной террористической деятельности является мотивация субъектов терроризма, которая представляет собой субъективное отражение возможной совокупности объективных причин и противоречий. И если начать рассмотрение причин терроризма с содержания мотивации его субъектов, то нетрудно заметить, что глубинная доминирующая

мотивация инициаторов и организаторов терроризма может быть одна, а его рядовых исполнителей – другая.

Основные мотивы лидеров террористической деятельности носят идейный или псевдо идейный характер, направленный на радикальное изменение власти, политики, экономики, бизнеса, преступной среды во имя собственных узко эгоистических политических, идеологических и экономических целей, прикрытых лозунгами о борьбе за интересы соответствующих слоев населения и разрешение их накопившихся социальных, национальных, религиозных и иных противоречий. Этот прием широко используется в обычной политической борьбе, но он является особо распространенным в организационной террористической деятельности.

Отдельные люди, группы, слои, а иногда и целые народы, сочувствующие декларируемым целям лидеров терроризма, а чаще всего обманутые ими, мотивационно озабочены реальными противоречиями и несправедливостями их жизни и деятельности. Они составляют для террористов ту самую социальную базу, на которую последние опираются и поддержкой которых спекулируют. Без этой социальной базы террористы не могли бы иметь той силы, которой обладают террористические организации и группы. А поскольку в процессе развития человеческого общества политические, социальные, экономические, национальные, территориальные и иные противоречия только нарастают, особенно в кризисных условиях, то и социальная база для терроризма не сокращается, что и отражается на неблагоприятных тенденциях терроризма и других преступлений террористической направленности в различных странах и в мире в целом. Именно эти тенденции определяют ныне усиление борьбы с преступностью террористической направленности, расширение взаимодействия стран и создание различных национальных и наднациональных образований, основной задачей которых является удержание контроля над расширяющейся террористической деятельностью.

Следующим условием распространения терроризма и других преступлений террористической направленности является рост

экстремизма и радикальных устремлений в связи с растущими противоречиями и конфликтами, а также уменьшающимися надеждами на их нормальное разрешение. И все это происходит на фоне растущего насилия и других террористических факторов в мире, которые используются для решения различных личностных проблем.

К числу таких факторов, которые способствуют разрастанию террористических угроз, можно отнести следующие обстоятельства внутреннего и внешнего характера:

- систематическое обострение социальной напряженности в стране и в мире;
- криминализация всех сфер жизни и деятельности;
- «чеченский фактор» с сепаратистскими и террористическими тенденциями;
- «исламский фактор» и подрывная деятельность иностранных террористических организаций;
- воинствующий национализм и псевдо религиозная экстремистская идеология (ваххабизм);
- масштабный незаконный оборот оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ.¹

Некоторые авторы обращают внимание на социально-психологические и индивидуально-психологические причины терроризма. Мотивации самоутверждения, стремления к утверждению себя в референтной среде, служение фанатичной идеи «спасения» мира, агрессивность, проявление крайней нетерпимости к инакомыслию и т.д. Мотивом поведения отдельных террористов может быть влечение к смерти, к самоуничтожению и уничтожению других. Этого нельзя исключать, но часто это связано с людьми психически не совсем здоровыми. Американские историки Э. Найт и А. Гейфман пришли к заключению, что возможно некоторые террористы нашли для себя такой нестандартный случай расстаться с жизнью, да еще громко хлопнув при этом дверью. Они полагают, что склонность к суициду была частью их террористической ментальности, где террористический акт был настоящим актом

¹ Петрищев В.Е. Заметки о терроризме. С. 224-227.

самоубийства.¹ Эти идеи находят отражение и в современной криминологической литературе.² Не исключая влияния психологических особенностей на формирование террористического поведения отдельных лиц, основные причины терроризма лежат, тем не менее, не в психологии, а в политических, экономических, социальных, национальных и религиозных отношениях.

Главными детерминантами терроризма были и остаются социально-экономические причины, выраженные в величайшей социальной несправедливости, на которую потом наслаиваются многие другие обстоятельства и социально-экономические причины окрашиваются в тот или иной политический, идеологический, национальный или религиозный или психологический цвет, что еще более упрочняет террористическую направленность отдельных групп и слоев населения.

Поэтому современный терроризм в широком понимании данного понятия (особенно международный) – это не столько столкновение религий, наций, цивилизаций, сколько антагонизм между страшной бедностью нередко потенциально богатых регионов и беспредельным богатством развитых стран, которое нередко было добыто несправедливым путем. И здесь движущей силой выступает не столько сама бедность, сколько величайшая социальная несправедливость в мире, удерживаемая с помощью серьезного прямого и косвенного давления и насилия одних слоев общества над другими, одних стран над другими, одних народов над другими.

Вряд ли кто будет отрицать то, что США в Ираке спровоцировали незатухающий очаг терроризма и гражданскую войну. «Если бы США действовали в Ираке мирными средствами, сегодня там могло

¹ О.В.Будницкий «Терроризм глазами историка. Идеология терроризма.» // Вопросы философии, 2004, № 5. С. 3-19. Он приводит ряд показательных исторических примеров о связи терроризма с суицидом.

² Ю.М.Антонян Терроризм. М.1998; Его же: Проблемы природы и причин современного терроризма. // Социальные и психологические проблемы борьбы с международным терроризмом. М. 2002. С. 18-20; Его же: Личность террориста и вопросы борьбы с терроризмом. // Борьба с Терроризмом. М. 2004. – С. 93-108; Александров А. Террорист-самоубийца. Опыт психологического портрета. // Эхо планеты. 2003. № 40 . С. 20-22.

бы не быть очага терроризма... Россия выступала против военной акции в Ираке... потому что военная акция была ошибкой... Россия предлагала действовать в Ираке мирными средствами, оказывая давление, меняя ситуацию изнутри».¹ Я уже не говорю о социальной справедливости американского вторжения. Никакой бомбы в Ираке не было. Вторжение было спланировано ради иракской нефти. А мир, как и собственный американский народ, были обманутыми властями США. И в настоящее время они убеждают мир в том, что они на штыках и бомбах несут иракскому народу свободу и демократию.

Даниель Гансер (Daniele Ganser), профессор современной истории в университете Вале и президент Ассоциации по изучению нефтяного пика Швейцарии, опубликовал справочное издание «Секретные армии НАТО: терроризм в Западной Европе» (NATO secret Armies: Terrorism in Western Europe). Согласно его исследованиям, США в течение 50 лет организовывали в Западной Европе теракты, которые затем ложно приписывали левым и крайне левым партиям, чтобы дискредитировать их в глазах избирателей. Эта стратегия применяется сегодня, чтобы вызвать страх перед исламом и оправдать войны за нефть.²

Выше указывалось, что одной из актуальных причин является проблема социальной и социально-экономической справедливости. В нашей стране регистрируется запредельный рост пропасти между бедными и богатыми, о чем говорилось в предыдущих главах. Несправедливость этого разрыва, образованного за счет фактического разграбления общенародной собственности, совершенного с позволения властей, осознается почти всем населением. И это осознание, загнанное требованиями морали и права, вплоть до уголовного, несет в себе не только криминогенные, но и долговременные

¹ РИА новости. Интервью Путина американскому телеканалу Эн-Би-Си // <http://www.medianews.com.ua/news-2902-print.html>

² Сильвия Каттори. Необъявленный терроризм НАТО («Voltairenet», Франция). Стратегия дестабилизации. 11 января 2007. // <http://www.inosmi.ru/translation/232143.html>

террогенные условия. В критических ситуациях они могут актуализироваться.

Акцентируя внимание на социальном неравенстве и социальной несправедливости, как важнейших причинах террогенности, необходимо глубоко осознавать, что провоцируемый этими причинами терроризм к социальному равенству и социальной справедливости вовсе не ведет. Как полагал цитируемый нами француз Пьер Буаст: «Террор не придумал для уравнивания общества никаких других средств, как только рубить головы, поднимающиеся над уровнем посредственности». Таким образом, террор может перераспределить власть и собственность лишь в рамках еще большего неравенства и большей несправедливости. И в этом плане он абсолютно не продуктивен. Но это не означает того бесспорного факта, что достижение более или менее терпимых социальной справедливости и социального равенства существенно предупреждает преступления террористической направленности.

Тенденция глобализации мира, интенсивно проталкиваемая транснациональными концернами и правительствами развитых стран, является доминирующей в современном мире. Она существенно усугубляет развитие мирового терроризма и в целом организованную транснациональную преступность.

Напомним лишь некоторые криминогенные и террогенные обстоятельства, связанные с глобализацией:

- резкое снижение уровня занятости («концепция 20:80» – 20% населения необходимо, а 80% – излишне) особенно в развивающихся и слабо развитых странах;
- снижение суверенитета стран перед транснациональными образованиями и другими сильными мира сего;
- дезинтеграция и распад стран. В текущем столетии ожидается образование до 500 стран.
- доминирование рынков финансовых спекуляций, которые могут поставить те или иные страны на грань финансового краха.

Немецкие авторы в аргументированном мировом исследовании последствий глобализации как раз и рассматривают такие криминологически значимые вопросы: общество 20:80; правители мира на пути к иной цивилизации; глобализация и глобальная дезинтеграция; диктатура с ограниченной ответственностью и игры с миллиардами; волчий закон и кризис рабочих мест; миф о честности глобализации; спасайся, кто может (исчезающий средний класс); кому принадлежит государство, потеря национального суверенитета; опасный мировой жандарм и т.д.¹

И в этом нет ничего нового. Вот что писал журнал «Акация» («Acacia» De Janvier a juin 1904, С. 96-98) в 1904 г. от имени крупных масонских воротил Франции: «Настоящая политика Западной Европы должна состоять в расчленении этого колосса (российской империи) пока он еще не стал слишком опасным. Следовало бы использовать возможную революцию для восстановления Польши как защитного поля Европы, а остальную Россию разделить на три или четыре государства. Политика равновесия сил до возникновения Соединенных Штатов Европы, которой Франция намерена содействовать, остается в частности, единственной, приемлемой в данных условиях».² Попытки расчлениить и уничтожить Россию давние. Они были и продолжаются. На современном этапе особо остро. Хотя на словах говорится о дружбе и взаимодействии. И это является серьезной базой для поддержания терроризма в России иностранными государствами, США и ЕС.

К сожалению, социально-экономические причины недостаточно анализируются. Мы уже писали в предыдущей главе, что в одном из докладов Национальной комиссии США по терроризму под заголовком «Приближающаяся угроза международного терроризма» (Countering the Changing Threat of International Terrorism) еще в конце 1999 году почти провидчески (за два года до событий сентября

¹ Мартин Г.-П., Шуман Х. Западня глобализации. Атака на процветание и демократию. Пер. с нем. М., 2001; См., также: На пороге 21 века. Доклад о мировом развитии 1999/2000 года. Москва. 2000. С. III-IV.

² Цит. по: Антипенко В. Ф. Борьба с современным терроризмом. Международно-правовые подходы. Киев, 2002. С.53.

2001 г.) говорилось, что террористические организации «основаны на идеологической близости и общей ненависти к Соединенным Штатам. Это делает террористические нападения более трудными к распознаванию и предотвращению». Диагностика этиологии и прогнозирования террористической деятельности, видимо, были правильными, но причина этой ненависти, как обычно, не только не устраняются и не минимизируются, но и глубоко не анализируется.

Таким образом, несмотря на относительно верное и надежное прогнозирование возможного развития террористической деятельности, она не была предотвращена. Этот факт лишний раз указывает на особо интенсивное развитие терроризма в современном глобализующемся мире и что откладывать постоянное изучение его причин и условий, а на этой основе и разработку эффективных упреждающих мер борьбы с терроризмом практически уже некогда.

Очень важно осознать и следующую историческую причину. Глобальный терроризм особо интенсивно стал развиваться в послевоенное время в связи с противостоянием двух мировых систем – социализма и капитализма. Эти две идеологические системы, беспощадно борясь между собой, взрастили армады террористов, направленных друг против друга. Ныне стало известно, что правительства противостоящих сторон нередко ставили перед собой террористические задачи уничтожения неугодных лидеров тех или иных стран. Это способствовало разрастанию государственной поддержки терроризма другими странами (Афганистан, Ирак, Иран, Ливия, Пакистан и т.д.). Снижение противостояния между СССР и США и развал СССР оставили идеологические террористические организации без соответствующей поддержки и средств существования. Профессиональные террористы стали искать других покровителей. Известно, что Усама бен Ладен имел связи с американскими спецслужбами в Пакистане и Афганистане и участвовал в организации борьбы моджахедов с советскими войсками. Именно в этот период была создана там «Аль-Каида», острие которой было направлено против СССР, а ныне – на США.

Терроризм в основе своей является специфической составной частью организованной преступности. Во всяком случае, криминологически значимый признак данного вида преступности «организованность» доминирует в террористической деятельности. Между террористической организацией и преступным сообществом (организацией) есть много общего. Поэтому в ряде стран террористы легко сходятся с мафиози к взаимной экономической (для террористических организаций) и политической (для преступных сообществ) выгоде. Организованная преступность, смыкаясь с идейными противниками и оппозиционерами властей, как бы идеологизируют свою криминальную деятельность, укрепляют свое влияние и получают определенную возможность собственного продвижения во власть. А нахождение во власти или приближение к ней является важным условием существования отечественной организованной преступности.

Особым террогенным условием было и остается низкая эффективность борьбы с терроризмом. Общеизвестно, что преступная деятельность эффективна: минимум усилий и максимум выгоды (если не учитывать «лотерейной» уголовной ответственности). Терроризм веками использовался в качестве особо эффективного оружия в борьбе с политическими и иными противниками и конкурентами. При ограниченных силах и средствах он позволяет достигнуть значимых политических, идеологических или экономических целей. А возможность ответственности за его совершения почти нулевая. Более того, для террористов смертников никакое наказание не страшно. А главные организаторы террора практически не досягаемы для правосудия. Раскрываемость терроризма является крайне низкой. Она находится в пределах 5-10-20 % от числа зарегистрированных терактов. Тогда как 80-90% реальных террористических действий достигает своей цели. В 2006 г. в России было зарегистрировано 256 случаев терроризма, нераскрытыми осталось 218 случаев, т.е. 82,3%. Завершено расследованием только 44 случая, или 10,9%, причем, всего было раскрыто 38 терактов 2006 г. и 6 терактов, совершенных

в предыдущие годы. Таким образом, эффективность террористов в 6-8 раз выше антитеррористической деятельности.

И еще один факт. Общеизвестно, что терроризм и в России, и в мире ныне стал главным образом институционально организованным. И это повышает его результативность. А доказывать организованный терроризм еще труднее. Из всех 2,9 млн. зарегистрированных деяний в 2006 г. было установлено лишь 1,8% преступлений, совершенных организованными преступными образованиями. А при расследовании терроризма, которые были совершены организованными преступными формированиями, доля установленной организованности еще меньше. Хотя реально долю организованного терроризма можно оценить в пределах 70-80%. Но поскольку 9 из 10 террористических действий остаются не раскрытыми, а потому и их организованный характер является не доказанным. В криминологической литературе называются и другие причины терроризма, близкие к указанным выше и иные: 1. нерешенность социальных, национальных и религиозных проблем; 2. войны и военные конфликты; 3. существование тайных или полутайных обществ и организаций; 4. слабость государственной власти; 5. наличие значительной группы людей, профессионально подготовленных и настроенных на военную службу, но не находящихся там соответствующего применения; 6. рост экстремизма и радикальных устремлений в связи с растущими противоречиями и конфликтами и т.д.¹

7. Борьба с терроризмом, его предупреждение и пресечение

Когда-то терроризм именовали борьбой слабых с сильными. Но эта сентенция отражала реалии периода возникновения единичного и одиночного терроризма. Силы современного терроризма относительно велики. Он не ограничивается «бросанием бомбы в ненавистного вельможу». Он организован, вооружен по последнему слову техники, материально обеспечен и эффективен. Террористы проти-

¹ Криминология. Под ред. В.Н.Кудрявцева и др. Изд. третье, переработанное и дополненное. М., 2004. С.339-346;

вопоставляют себя не отдельным лицам, а властям, обществу, народу и многим даже самым сильным государствам. В силу этого и борьба с ним приобрела особый государственный и международный характер.

Необходимость и возможность противодействия террористической деятельности в нашей стране предписывалась Федеральным законом «О борьбе с терроризмом» (1998 г.), а с марта 2006 г. – Федеральным законом «О противодействии терроризму» и иным законодательством о правоохранительных органах, Концепцией противодействия терроризму, утвержденной Указом Президента РФ (2009 г.) и другими нормативными документами.¹

По действующему законодательству противодействие терроризму, приоритетом которого является предупреждение терактов, оно основывается на следующих важнейших принципах:

1) обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина;

2) законность;

3) приоритет защиты прав и законных интересов лиц, подвергающихся террористической опасности;

4) неотвратимость наказания за осуществление террористической деятельности;

5) системность и комплексное использование политических, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер противодействия терроризму;

6) сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, международными и иными организациями, гражданами в противодействии терроризму;

7) приоритет мер предупреждения терроризма;

8) единоначалие в руководстве привлекаемыми силами и средствами при проведении контртеррористических операций;

9) сочетание гласных и негласных методов противодействия терроризму;

¹ См., например Терроризм. Правовые аспекты борьбы. Нормативные и международные правовые акты с комментариями Научные статьи. Под ред. И.Л.Трунова. М., 2005.

10) конфиденциальность сведений о специальных средствах, технических приемах, тактике осуществления мероприятий по борьбе с терроризмом, а также о составе их участников;

11) недопустимость политических уступок террористам;

12) минимизация и (или) ликвидация последствий проявлений терроризма;

13) соразмерность и адекватность мер противодействия терроризму степени террористической опасности.

Эти принципы реализуются и в других странах. Но есть и особенности. Например, во Франции с террористами ведут борьбу подразделения «БРИ» (поиск и уничтожение), которым президент Франции предоставил исключительные полномочия уничтожать террористов на месте на стадии покушения. Можно говорить о некоторых универсальных принципах государственной политики по отношению к терроризму: 1) принцип упреждения террористических актов за счет правильно поставленной заблаговременной оперативной деятельности, распознаванию их на стадии замысла, планирования и подготовки и срыву намеченных террористических действий; 2) принцип минимальных уступок террористам. В этой связи в ходе переговоров могут допускаться лишь частные, тактические уступки, позволяющие выиграть время, провести подготовительные мероприятия для проведения наиболее эффективной операции в создавшихся условиях; 3) принцип минимизации жертв и ущерба в ходе антитеррористической операции; 4) принцип неотвратимости наказания за террористическую деятельность.

Реализация этих принципов обеспечивает эффективность противодействия терроризму в рамках демократических и правовых процедур. Согласно прежнему закону, субъектами борьбы с терроризмом назывались Прокуратура РФ, Федеральная служба безопасности, Министерство внутренних дел, Служба внешней разведки, Федеральная служба охраны, Министерство обороны и Федеральная пограничная служба, Государственный таможенный комитет и другие федеральные органы в пределах своей компетенции, перечень которых определяется Правительством РФ, например, Аэрофлот,

Минатом, Министерство транспорта и т.д. Координацию деятельности субъектов осуществляла Федеральная антитеррористическая комиссия, контроль – Президент и Правительство РФ, а надзор за законностью борьбы с терроризмом осуществлял Генеральный Прокурор и подчиненные ему прокуроры. В рамках СНГ действовал Антитеррористический центр, а в мире – широкая антитеррористическая коалиция государств.

По новому законодательству, все эти субъекты противодействия терроризму по прежнему осуществляют антитеррористическую деятельность, но при существенно измененных организационных основах противодействия.

Последние включают в себя, в первую очередь, Президента Российской Федерации, который 1) определяет основные направления государственной политики в области противодействия терроризму; 2) устанавливает компетенцию федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых он осуществляет, по борьбе с терроризмом; 3) принимает решение в установленном порядке об использовании за пределами территории Российской Федерации формирований Вооруженных Сил Российской Федерации и подразделений специального назначения для борьбы с террористической деятельностью, осуществляемой против Российской Федерации либо граждан Российской Федерации или лиц без гражданства, постоянно проживающих в Российской Федерации.

Во-вторых, в организационные основы противодействия терроризму включено Правительство Российской Федерации, которое формирует свои направления деятельности: 1) определяет компетенцию федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых оно осуществляет, в области противодействия терроризму; 2) организует разработку и осуществление мер по предупреждению терроризма и минимизацию и (или) ликвидацию последствий проявлений терроризма; 3) обеспечивает деятельность федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местно-

го самоуправления по противодействию терроризму необходимыми силами, средствами и ресурсами.

В-третьих, в организационные основы входят Федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления. Они осуществляют противодействие терроризму в пределах своих полномочий.

Согласно Концепции противодействия терроризму координацию деятельности по противодействию терроризму, организацию планирования применения сил и средств федеральных органов исполнительной власти и их территориальных органов по борьбе с терроризмом, а также управление контртеррористическими операциями обеспечивают Национальный антитеррористический комитет, Федеральный оперативный штаб, антитеррористические комиссии и оперативные штабы в субъектах Российской Федерации.

В законе подробнейшим образом (ст.ст. 6, 7, 8, 9, 10) раскрыто конкретное применение самых могущественных образований – Вооруженных Сил Российской Федерации в борьбе с терроризмом; 1) при пресечении полетов воздушных судов, используемых для совершения террористического акта либо захваченных террористами; 2) при пресечении террористических актов во внутренних и территориальных водах Российской Федерации, на объектах морской производственной деятельности, расположенных на континентальном шельфе Российской Федерации, а также для обеспечения безопасности национального морского судоходства; 3) при участии в проведении специальной контртеррористической операции в различных сферах; 4) при пресечении международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации.

Это очень серьезные и ответственные законодательные меры. Поэтому они детально и точно прописаны в законе. Вооруженные Силы могут применять оружие и боевую технику в воздушной среде, во внутренних и территориальных водах, при проведении контртеррористической операции, при пресечении международной террористической деятельности за пределами территории Российской

Федерации. Не менее детально и профессионально разработан правовой режим контртеррористической операции, условия ее проведения, силы и средства, привлекаемые для ее проведения и руководство ей.

Предупреждение и пресечение терроризма и уголовно-правовая борьба с ним предполагает разработку и реализацию большого комплекса мер, устойчиво коррелируемых с комплексом его причин и условий. В этот комплекс могут входить меры политического, идеологического, социального, экономического, организационного, правового, оперативного, информационного, психологического и воспитательного характера.

Устранение, минимизация или блокирование причин и условий, способствующих совершению терроризма и других преступлений террористической направленности, является магистральным направлением предупреждения и пресечения террористической деятельности и более или менее успешной борьбы с ней. Это требует постоянного мониторинга и системного изучения меняющейся причинной базы терроризма, которые должны основываться на серьезной оперативной, информационной, аналитической и прогностической работе. Проблема безопасности от терроризма выходит на первый план, как бы отодвигая на вторые позиции опасность военную, которая является в настоящее время несколько менее актуальной. Не случайно в США при наличии мощных структур ФБР и ЦРУ в июне 2002 г. было принято решение о создании нового «интеграционного» департамента внутренней безопасности с 35 миллиардным (\$) бюджетом. Сейчас становится известно, что оперативная информация о готовящихся терактах в Вашингтоне и Нью-Йорке при соответствующей системной и профессиональной обработке была в определенной мере достаточной для надежного прогноза и принятия своевременных эффективных мер по предупреждению террористических атак гражданских самолетов. Однако этого не случилось. Какие-то звенья системы безопасности страны не работали. Имеющаяся информация не была должным образом разработана и использована.

Анализ системы предупреждения терроризма после известных сентябрьских событий в разных странах, особенно в США, Великобритании, Германии и в России, показывает, что среди предпринимаемых мер пока доминируют силовые, военные и специально-разведывательные мероприятия. В этой работе почти не уделяется внимания вопросам изучения реальных причин и условий, способствующих возникновению и разрастанию терроризма, их устранению или минимизации. Не может не тревожить и то, что предпринимаемые меры нередко нарушают фундаментальные права человека (массовые задержания и обыски, прослушивание телефонных разговоров, поощрение националистических и расовых тенденций, подозрительность и доноительство, ковровые бомбардировки и другие насильственно-военные действия). Многие противопоставляют личную безопасность правам человека, хотя это взаимосвязанные проблемы. Подобные факты имели место в США и в нашей стране.

Мир вновь стоит перед дилеммой ювелирного решения важнейшей двуединой задачи – эффективности правоохранительной деятельности и ее гуманности, результативной работы органов правоохраны и строжайшего соблюдения фундаментальных прав человека, нового соотношения свободы и необходимости, свободы и безопасности, свободы и социально-правового контроля. В то же время массовые нарушения прав человека в процессе совершаемых антитеррористических операций, нередко совершаемые без соответствующего правового обеспечения, могут не только помогать предупреждать террористические акты, но и способствовать нагнетанию про террористических настроений. Что неоднократно подтверждалось в Чечне.

Терроризм считается наиболее опасной формой экстремизма. На первый взгляд это кажется обоснованным. На самом деле это разные виды преступного поведения, имеющие некоторые схожие черты в причинности, в мотивации, в формах преступной деятельности. Поэтому своевременная борьба с экстремистскими проявлениями представляет собой определенную антитеррористическую

профилактическую меру. О борьбе с экстремизмом, национализмом и другими крайне-радикальными течениями (например, скинхеды) в России, как предпосылками террористической деятельности, говорить давно. Как с предпосылками, да. Но это разные виды деяний и их не следует путать. Но в нашей стране эта, кому-то выгодная путаница, имеет широкое распространение, в том числе и во властных структурах. Исполнительной властью предпринимались и предпринимаются попытки законодательного решения этой борьбы. Но они не находили необходимой поддержки в определенных слоях общества. Некоторые партии видят в этом стремление властей поставить под контроль оппозиционную деятельность. Однако как бы не воспринимались эти попытки, противодействие экстремистским течениям необходимо. Этой проблеме посвящена следующая глава курса.

Эффективными мерами противодействия терроризму и его предупреждения могут быть:

- жесткий социально-правовой контроль за хранением и оборотом огнестрельного оружия, боеприпасов, ядерных взрывных устройств, радиоактивных, химических, биологических, взрывчатых, токсических, отравляющих, сильнодействующих, ядовитых веществ;

- работа по выявлению и ликвидации источников финансирования террористической деятельности. Известны несколько таких источников: поддержка некоторых государств-изгоев, спонсорство коммерческих структур, помощь преступных сообществ и других формирований организованной преступности, самофинансирование в виде легальной и криминальной коммерческой деятельности;

- создание эффективной системы просвещения граждан в духе уважения и терпимости к иным социокультурным, этническим, национальным и религиозным традициям и особенностям разных народов, населяющих нашу многонациональную и многоконфессиональную страну. Особое место в этой деятельности должны занимать телевидение и другие средства массовой информации, так как большая часть совершаемых терактов (как уже говорилось в предыдущих

главах) специально рассчитана на массовый отклик СМИ. Они не должны выступать вольными или невольными пособниками террористов и распространять их идеи, как это было на НТВ во время первой антитеррористической операции в Чечне, когда под флагом критики военных действий федеральных властей телеканал систематически представлял трибуну чеченским террористам;

– осуждение насилия, применяемого в политических, экономических, национальных и религиозных целях, а также пресечение распространения в печати технологий изготовления и применения взрывных устройств и других средств террористической деятельности;

– расширение активного международного сотрудничества на различных уровнях в общей борьбе с национальной и транснациональной террористической деятельностью. Обмен информацией и совместные действия спецслужб разных стран в целях активной и предметной борьбы с распространением терроризма в разных странах, регионах и в мире в целом.¹

Особая роль в противодействии терроризму принадлежит правовой и уголовно-правовой борьбе.² Ее тенденции, хотя и неполно, и с заметным отставанием, но коррелируют с тенденциями террористической деятельности.

Интенсификация терроризма после Второй мировой и «холодной» войн прогнозировалась и в мире, и отдельных странах. В 70-е годы ООН были приняты конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, о борьбе с захватом заложников; в 90-х о мар-

¹ В последнее время только в Москве было проведено более десятка международных и российских конференций по проблемам борьбы с терроризмом и его предупреждения, на которых было высказано множество ценных предложений (См., например: «Мировое сообщество против глобализации преступности и терроризма». Международная конференция. Всемирный антикриминальный и антитеррористический форум. М., 2002).

² В этом плане особый интерес для российских правоохранительных органов представляет обобщающий сборник, объемом в 1746 страниц, правовых и иных материалов о борьбе с терроризмом в США «International Terrorism: a Compilation of major Laws, Treaties, Agreements, and Executive Dokuments. Washington. 2000.

кировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения, декларация о мерах по ликвидации международного терроризма и конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом. Всего 12 конвенций и ряд резолюций. В октябре 2007 г. Госдума ратифицировала Европейскую конвенцию о передаче судопроизводства по уголовным делам, связанным с терроризмом, – один из важных документов, необходимых для интеграции России в общеевропейское правовое поле. Эта конвенция была принята в мае 1972 г., и подписана Россией в декабре 2000 г.

В соответствии с Концепцией противодействия терроризму (2009 г.) основными задачами являются: а) выявление и устранение причин и условий, способствующих возникновению и распространению терроризма; б) выявление, предупреждение и пресечение действий лиц и организаций, направленных на подготовку и совершение террористических актов и иных преступлений террористического характера; в) привлечение к ответственности субъектов террористической деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации; г) поддержание в состоянии постоянной готовности к эффективному использованию сил и средств, предназначенных для выявления, предупреждения, пресечения террористической деятельности, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма; д) обеспечение безопасности граждан и антитеррористической защищенности потенциальных объектов террористических посягательств, в том числе критически важных объектов инфраструктуры и жизнеобеспечения, а также мест массового пребывания людей; е) противодействие распространению идеологии терроризма и активизация работы по информационно-пропагандистскому обеспечению антитеррористических мероприятий.

Одно из основных условий повышения результативности борьбы с терроризмом – получение упреждающей информации о планах террористических организаций по совершению террористических актов, деятельности по распространению идеологии терроризма, источниках и каналах финансирования, снабжения оружием,

боеприпасами, иными средствами для осуществления террористической деятельности.

Уголовно-правовая борьба с терроризмом фактически началась в 90-е годы. В 1994 г. УК РСФСР 1960 г. был впервые дополнен статьей 213-3 об ответственности за терроризм, а в 1996 в новый УК РФ введены ст. 205 под тем же наименованием и ряд других статей, предусматривающих ответственность за иные формы террористической деятельности. В 1997 г. был издан Указ Президента РФ о мерах по усилению борьбы с терроризмом: а в 1998 г. был впервые принят Федеральный закон РФ о борьбе с терроризмом. В эти годы была создана Межведомственная антитеррористическая комиссия, а позднее и другие организационные структуры в рамках СНГ. Позднее был издан Указ Президента РФ «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН» от 28 сентября 2001 г., требующей поставить преграды финансированию террористической деятельности. Аналогичные тенденции наблюдались и в других странах Запада. Но принимаемые меры также не давали желаемых результатов. 6 марта 2007 г. был принят новый и более совершенный Федеральный закон «О противодействии терроризму», который рассматривался выше и обновленной Концепцией противодействия терроризму (2009 г.).

Сложности уголовно-правовой борьбы с терроризмом связаны не только с низким уровнем раскрытия деяний (5-10-20 %) от фактически совершенных терактов, но и с трудностью осуждения выявленных террористов. Террористы, оставшиеся на свободе оказывают серьезное давление на судей, которые боятся их жесточайшей мести. Не спасает от этого и суд присяжных, которые еще менее защищены от этой мести, чем судьи. Госдумой в 2008 г. был принят ФЗ, предусматривающий исключение из рассмотрения суда присяжных уголовных дел по 8 статьям, в том числе и террористической направленности (205 – терроризм, 206 – захват заложников, 208 – организация незаконного вооруженного формирования, 212 – массовые беспорядки, 275 – государственная измена, 276 – шпионаж, 278 – насильственный захват власти, 279 – вооруженный мятеж, 281 – диверсия). Такие дела впредь будут рассматриваться только кол-

легией из трех судей федерального суда общей юрисдикции. Закон разрешает также передавать уголовные дела о преступлениях террористического характера, если существует реальная угроза личной безопасности участников судебного разбирательства, их родственников или близких лиц в окружные и флотские военные суды. Были внесены и другие изменения в законодательство подбора присяжных заседателей. Обсуждается вопрос о создании территориальных судов по таким делам, юрисдикция которых не совпадает с территорией субъектов федерации. Некоторые прямо ставят вопрос: нужны ли присяжные в делах по терроризму. Все эти новеллы обусловлены необходимостью объективного и безопасного рассмотрения подобных уголовных дел. Но принимаемые с большим опозданием меры могли быть спрогнозированы намного раньше.

При анализе правовых основ борьбы с терроризмом говорилось, что в УК РФ кроме прямых статей, предусматривающих ответственность за те или иные формы террористической деятельности, есть еще около четырех десятков статей, в которых описаны деяния, прямо не являющиеся террористическими, но их совершение облегчает осуществление террористической деятельности или способствует достижению террористических целей. Эффективная и своевременная борьба с ними служит опосредованному предупреждению прямых преступлений террористической направленности. Вот их перечень:

– преступления против общественной безопасности – захват заложника, нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики, приведение в негодность объектов жизнеобеспечения, нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ, нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах, нарушение правил учета, хранения, перевозки и использования взрывчатых, воспламеняющихся веществ и пиротехнических изделий, незаконное обращение с ядерными материалами и радиоактивными веществами, хищение или вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ, незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия,

его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, ненадлежащее исполнение обязанностей по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, хищение и вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств;

– экологические преступления – нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ, нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов, нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо с биологическими агентами или токсинами, нарушение ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений, загрязнение вод, Загрязнение атмосферы, загрязнение морской среды, нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов;

– преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта – нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного или водного транспорта, приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения, нарушение правил безопасности при строительстве, эксплуатации или ремонте магистральных трубопроводов, нарушение международных полетов;

– преступления в сфере компьютерной информации – неправомерный доступ к компьютерной информации, создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ.

– преступления против основ конституционного строя и безопасности государства – государственная измена, шпионаж, насильственный захват власти или насильственное удержание власти, вооруженный мятеж, диверсия, возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, разглашение государственной тайны, утрата документов, содержащих государственную тайну.

– преступления против порядка управления (незаконное пересечение Государственной границы РФ) и преступления против порядка военной службы – нарушение правил боевого дежурства, нарушение правил несения пограничной службы, нарушение уставных

правил караульной службы, нарушение правил полетов и подготовки к ним, нарушение правил каравлевождения.

– преступления против мира и безопасности человечества – планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны, производство или распространение оружия массового поражения и другие деяния.

Физическая, технологическая, юридическая и уголовно-правовая охрана перечисленных объектов возможной террористической деятельности является особо значимой в условиях, когда террористы ищут все новые и не традиционные способы террористических акций.

В литературе высказывается мнение, что терроризм в демократическом обществе (кроме тоталитарного) победить практически нельзя.¹ Он может быть побежден его же методами и подобные тенденции проявляются в Ираке, Афганистане и даже на Северном Кавказе. Но демократическое общество этого позволить себе не может. Поскольку при таком подходе оно должно опуститься до уровня самих преступников, что мы наблюдаем в тоталитарных режимах. И история изобилует такими примерами. Свободное демократическое общество беззащитно перед извращенной идеологией «нелюдей». Поэтому демократия проигрывает ценностное противостояние. Нестранно на Западе после принятия антитеррористических законов, которые позволяют более эффективно противостоять терроризму, подвергаются жесточайшей критике, как антидемократические. Я уже не говорю о массовых нарушениях прав человека спецслужбами США в последние годы, когда они тысячи людей держат в заключении без суда и следствия. И эта проблема будет все более обостряться по мере роста противоречий и социальной несправедливости в мире. По данным компании Boston Consulting Group мировое богатство в 2006 г. составило 97,9 трлн. долларов, 96% которого приходится на 62 страны, а остальные 4% богатства мира – на остальные двес-

¹ Легойда В. Может ли демократия победить терроризм? // <http://www.novopol.ru/material1692.html>

ти стран.¹ Возможны ли в этих условиях социальная справедливость и мир на земле?

В настоящее время издано огромное число работ об истоках и причинах терроризма, его формах и борьбы с ним в России и мире. В них излагаются различные меры борьбы с терроризмом, как внутренним, так и международным, но желаемых результатов нет.² Более того, прогноз борьбы скорее пессимистичен, чем оптимистичен. Хотя из уст властей и нашей страны и других стран, в том числе и США, которые, умножая насильственные методы борьбы с терроризмом, говорят о победе над ним, но вряд ли в это сами верят. Почему, задаем мы вопрос. И не находим удовлетворительного ответа. Этот же вопрос задал известный политолог Виталий Третьяков на международной конференции «Современное государство и глобальная безопасность», которая в сентябре 2009 г. прошла в Ярославле при участии Президента РФ Д. Медведева и многих известных людей мирового уровня. При обсуждении темы «Современное государство против терроризма, сепаратизма и ксенофобии» дискуссия свелась к умеренному оптимизму, очень большому пессимизму и великому сомнению в перспективе консолидации действий всех стран. Отвечая на поставленный вопрос, он попытался сформулировать десять парадоксов современной борьбы с терроризмом³. Автор их полностью разделяет и в предыдущих главах они в той или иной мере анализировались. Приведем их в системном виде.

¹ Порховой А. Мировое богатство растет. // <http://www.vz.ru/есonomy/2007/10/5/114935.html>; CIA/ Центральное разведывательное управление. Информационно-аналитические справочники для Правительства США. Том Страны мира. Екатеринбург. 2001.

² Антипенко В.Ф. Борьба с современным терроризмом. Международно-правовые подходы. Киев, 2002; Терроризм. Правовые аспекты борьбы. Нормативные и международные правовые акты с комментариями. Под ред. И.Л.Трунова. М., 2005; Этнорелигиозный терроризм. Под ред Ю.М.Антоняна. М., 2006; Терроризм. Борьба и проблемы противодействия. Под ред. В. Я. Кикотя. М., 2004; Зарубежное законодательство в борьбе с терроризмом. Под ред. И.С.Власова. М., 2002 и другие.

³ Третьяков В. 10 парадоксов борьбы с терроризмом. Известия. 2009, 17 сентября. См. также: <http://politklass.livejournal.com/110283.html>

1. Терроризм, сепаратизм и ксенофобия – хоть и отчасти схожие, а порой (и как мы убедились) и перекрещивающиеся понятия, но все-таки не одно и то же. Объединяя их под единой маркой равновеликого зла, последние два явления, в общем-то, всегда латентно или более или менее явно присутствующих в обществе, могут перерождаться в тот самый терроризм, который и является абсолютным и очевидным злом.

2. В обсуждении этой проблемы на конференции участвовали представители великих и исторически имперских держав. Но в мире гораздо больше стран малых и средних, отделившихся от империй как раз благодаря сепаратизму и даже терроризму. Если бы политики и эксперты из этих стран, причем пропорционально их числу, участвовали в конференции, возможно, разговор был бы существенным, а, не исключено, и противоположно иным.

3. Очевидно, что современный терроризм нельзя победить, а тем более уничтожить только предусмотренными в законах методами. Очевидно, что и борьба с ними только такими методами не ведется. И, безусловно, что реально используемые «цивилизованными странами» методы борьбы с терроризмом явно противоречат концепции прав и свобод человека.

4. Некоторые государства, декларирующие борьбу с терроризмом как одну из главных задач по обеспечению своей и глобальной безопасности, обвиняются другими странами (или отдельными народами) в государственном терроризме.

5. В мире слишком много стран, в том числе и среди тех, кто активнее других борется с терроризмом, продолжающих действовать по принципу «враг моего конкурента – мой друг». И если этим врагом оказывается террорист, то его начинают именовать совсем другими, гораздо более благородными титулами. Таким образом, почти у всех террористических групп всегда находятся союзники в виде бизнеса, СМИ и спецслужб других государств. А иногда и самих этих государств.

6. Современные СМИ – главные интерпретаторы всего происходящего в мире, защищенные институтом свободы слова, сами по

себе не способны действовать ответственно перед угрозой терроризма и его реальными проявлениями. Вольно или невольно, но именно они (и еще современная киноиндустрия) помогают террористам умножать страх (а в этом главная цель терроризма) и даже рекламируют терроризм.

7. Терроризм чрезвычайно идеен, идеологичен, брутально морален (пусть это и чуждая нам мораль). А современные общества западного образца все больше деидеологизируются, секулязируются и отказываются от традиционных моральных запретов. А идея и мораль всегда, в конце концов, побеждают безыдейность и аморализм.

8. Современные общества западного типа являются потребительскими и даже гедонистическими по своей сути. Жертвенность не свойственна им в принципе. Терроризм не боится жертвенности, он ищет ее. А готовый на жертву почти всегда побеждает не способного на нее.

9. Современные демократии декларируют и реализуют права разного рода меньшинств на полное (или почти полное) проявление свойственного им и стиля, и образа жизни. Но ведь террористы – в принципе или хотя бы формально – такое же меньшинство, как и многие другие, специфические права которых сегодня принято защищать даже лучше, чем права «консервативного большинства».

10. Исторический опыт и текущая политическая практика слишком часто подтверждают, что тот, кого в какой-то момент называли террористами и уж тем более сепаратистами (или, как минимум, их прямые наследники), через какое-то время становятся в своих странах или на своих территориях официальной властью, рано или поздно признаваемой международным сообществом.

Итак, из сказанного можно сделать только один вывод: официально ведущаяся сегодня борьба с терроризмом во многом лицемерна и в основном направлена на сохранение выгодного нынешним правящим в отдельных странах или в мире группам и политическим кланам статус кво. Если это не так. Тогда необходимо опровергнуть данные парадоксы. Причем не словом, а делом.

Второй вывод, еще более печальный. У нас всех, так или иначе провозглашающих борьбу с терроризмом одной из главных задач современных цивилизованных государств и обществ, нет ни консолидированной позиции в этом вопросе, ни эффективных (кроме подавляющей – пока? – военной силы и спецслужб) механизмов борьбы с терроризмом. Более того, политически, идеологически и морально мы по сути все больше и больше перед терроризмом разоружаемся. Так что если, как предсказывают некоторые, через какое-то время терроризм сам собой (по закону цикличности) на время не схлопнется, мы либо проиграем борьбу с ним, либо будем вести эту борьбу, причем без надежды на победу, весь XXI век. Поэтому некоторые американские социологи полагают, что если терроризм и будет побежден, то не в этом веке.

Богущ Г. И.

кандидат юридических наук,

доцент кафедры уголовного права и криминологии

Юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

КОНЦЕПЦИЯ СИСТЕМНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Международная преступность и явления, определяющие ее «фон» (вооруженные конфликты и политические репрессии тоталитарных режимов) в достаточной мере исследованы философами, историками, психологами и юристами. Однако до настоящего времени международная преступность не являлась предметом самостоятельных углубленных *криминологических* исследований, позволяющих говорить о становлении *международной криминологии* как самостоятельной научной теории. Тем не менее, данное направление интенсивно развивается, уже оказывая влияние на развитие международного уголовного права.

Пожалуй, наиболее интересной и продуктивной концепцией в рамках зарождающейся международной криминологии является теория «системной преступности» (англ. – *System criminality*), отражающей коллективный и организованный характер массового совершения международных преступлений (геноцида, военных преступлений, преступлений против человечности) в ситуациях вооруженных конфликтов и репрессий тоталитарных режимов.

В рамках системной преступности коллективные образования (такие как государства, организованные вооруженные группы) совершают или поощряют совершение международных преступлений, или позволяют или терпимо относятся к их совершению. Иными словами, эта теория исходит из доминирующей роли систем в данном виде преступности. Как отмечает редактор новой содержательной коллективной монографии, посвященной рассматриваемой концепции, А. Ноллкэмпфер, термин «системная преступность» является весьма удачным, так как он акцентирует внимание на том, что в совершение массовых преступлений вовлечены именно системные образования, а не масса изолированных индивидов, в результате ключевыми факторами, определяющими целостность концепции являются связь системы и преступлений, и организация самой системы¹.

В научный оборот термин «системная преступность» (в противовес «индивидуальной преступности») был введен выдающимся голландским юристом-международником, судьей Токийского трибунала Бернардом Ролингом. Он, в частности, выделял ситуации, когда «правительство приказывает совершать преступления или одобряет преступную практику, или позволяет и терпимо относится к преступлениям лиц, включенным в данную систему». Ученый считал, что «совершение военных преступлений всегда служит системе и вызваны системой»².

¹ System Criminality in International Law / Ed. Harmen van der Wilt, André Nollkaemper. Cambridge, 2009. P.15.

² Röling B. V. A. The significance of the laws of war // Current Problems of International Law: Essays on UN Law and on the Law of Armed Conflict / A. Cassese (ed.) Milan, 1975. P. 146

Классическим образцом системной преступности, несомненно, являются преступления нацистского режима против народов Европы, в том числе беспрецедентный по масштабам геноцид еврейского народа. Бесчеловечные деяния, совершаемые нацистами не были изолированными эксцессами, а составляли часть хорошо организованной системы, включавшей не только вооруженные структуры, но по существу все германское государство. Как писал А. Н. Трайнин, жестокости нацистов представляли осуществление *системы*: «осуществить свой заговор против человечества фашизм пытался и пытается при помощи организованного государственного бандитизма, при помощи превращения всего государственного аппарата Германии в аппарат по свершению убийств и насилий, грабежей и разрушений¹. В приговоре Военного трибунала США в Нюрнберге по делу нацистских юристов было отмечено, что подсудимые сознательно участвовали в «*широкой государственной системе жестокости и бесправия*»².

Примерами системной преступности в период после окончания Второй мировой войны являются «грязная война» в Аргентине в 70-х – 80-х гг. – XX в., массовая практика совершения преступлений в ходе конфликта в бывшей Югославии в 90-х гг. XX в., насилие в суданской провинции Дарфур в начале нового столетия. В современной действительности совершение массовых международных преступлений возможно именно благодаря вовлеченности государственных и иных структур, санкционирующих или допускающих криминальное насилие.

Выделим основные черты системной преступности, определяющих содержание анализируемой нами концепции.

1. Международные преступления всегда носят коллективный характер, и, как правило, являются массовыми. Например, по различным оценкам, в осуществлении актов геноцида в Руанде в 1994 г. было задействовано более миллиона человек, что превышает число

¹ Трайнин А. Н. Избранные труды. СПб., 2004. С. 569.

² US v Altstoetter et al. (Justice Case), Judgment, US Military Tribunal (4 December 1947) // Trials of War Criminals (US-GPO, 1947). P. 985.

жертв геноцида¹. Вместе с тем, преступные действия различных, независимо друг от друга действующих лиц включены в единую систему, что очевидно из единого «почерка» преступной деятельности.

2. Для системной преступности характерно существенное «разделение труда» как «по вертикали», так и «по горизонтали». Строгая иерархия, характерная для военизированных структур дополняется более сложной и неоднородной структурой государственной бюрократии. Об этом писал А. Н. Трайнин: «Здесь Ширах может не знать об отдельных мероприятиях работорговца Заукеля или погромщика Штрейхера, но банда вследствие этого не перестает быть бандой, а заговор – заговором»². Более того, не исключается, что исполнители и представители «среднего уровня» системы могут руководствоваться дополнительными личными, в том числе корыстными мотивами, что не меняет самой логики этой системы, порой учитывающей и использующей такие мотивы.

3. В любом случае в рамках системы исполнители, лица, находящиеся на ее «нижнем уровне», являются заменяемыми, но необходимыми частями общего механизма. Так, А. Кассезе пишет о персонале концлагерей: «Выполняя свои «административные обязанности», они делали возможным совершение преступлений. Без их волевой поддержки, преступления бы не состоялись. Насколько бы незначительна не была их роль, они были необходимыми винтиками в нацистской машине массового убийства»³.

4. Основной чертой анализируемой теории является связь преступлений с коллективными образованиями. Если изначально под «системой» в рамках данной концепции понималось главным образом государство, то сегодня в международную преступность вовлечен гораздо более широкий спектр коллективных субъектов: это организованные вооруженные группы, правящие партии и даже

¹ По официальным данным, к уголовной ответственности за совершение геноцида судами «Гачача» по трем категориям судопроизводства было привлечено 818564 чел. См. официальный веб-сайт системы судов «Гачача» <http://www.inkiko-gacaca.gov.rw>

² Трайнин А. Н. Избранные труды. СПб., 2004. С. 569.

³ Cassese A. International Criminal Law. Second Edition. Oxford, 2008. P. 195.

международные организации. В литературе в этом плане приводятся примеры бомбардировок Югославии силами НАТО, а также преступная небрежность сил ООН, проявленная в событиях в Руанде и Сребреннице.

5. Вовлечение коллективных образований в совершение преступлений может выражаться в активной или пассивной форме. Активное участие системы характерно для ситуаций, когда последняя прямо приказывает или подстрекает к совершению преступлений (например путем указания руководителя государства или военного командира). Таковы, например, «окончательное решение еврейского вопроса», резня в Сребреннице или Катынское преступление.

Иной характер имеет характер связи системы при ее «пассивном» (в форме бездействия) участии. Для этой формы характерны попустительство или «умышленная слепота» по отношению к совершению преступлений рядовыми членами системы. Особо криминогенную роль играет гарантированная системой безнаказанность. Например, в «восточном походе» Вермахта, даже не имея конкретных указаний об уничтожении и жестоком обращении с населением «восточных областей», немецкие офицеры и солдаты, в том числе и помощью соответствующих приказов, были уверены в своей безнаказанности за любые проявления насилия. Другой, не очень популярный в современной России, но исторически достоверный пример системной преступности – акты насилия по отношению к гражданскому населению Германии со стороны наступающих войск Красной Армии, порожденные не только пропагандой, но и своеобразной «лицензией» на грабежи и насилие со стороны советского командования.

5. Важным фактором, связывающим системные образования и международные преступления является «нормативный климат» внутри коллективного образования. В отличие от «индивидуальных» преступлений, в системной преступности криминальные акты не направлены против действующих в данной системе норм, но, наоборот, отвечают сложившейся патологической нормативной системе. Б. Ролинг отмечал, что характерной чертой системной преступ-

ности является то, что она корреспондирует «превалирующему в системе нормативному климату»¹. Дж. Флэтчер пишет в этой связи об «атмосфере моральной дегенерации», которая продуцируется коллективным участием в совершение преступлений².

Так, в недавнем решении Палаты по военным преступлениям Суда Боснии и Герцеговины о геноциде в Сребреннице (дело Ступара и др.), вывод о наличии у офицеров Армии боснийских сербов осведомленности о геноцидальном плане руководства был сделан Судом в том числе исходя из всеобщей обстановки «контролируемого беззакония» (*controlled lawlessness*), которая царила в Сребреннице и ее окрестностях в трагические июльские дни 1995 г.³

б. Важным психологическим механизмом, способствующем является является взаимная деперсонафикация преступников и жертв системного насилия. Конкретные исполнители являются лишь винтиками общего организма, системы, которая лишает их проявлений индивидуального сознания. Что касается жертв, то на их дегуманизации, основаны массовые преступления, совершаемые по дискриминационному мотиву, в частности геноцид. Весьма интересной и близкой в этом плане является теория «макропреступности», разработанная немецким криминологом Г. Егером⁴.

Следует отметить, что концепция системной преступности, вне всяких сомнений, применима не только к международным преступлениям. Например, она довольно точно описывает явление, называемое системной коррупцией, в том числе ее политический сегмент. Например, практика массовых фальсификаций итогов голосования и иных злоупотреблений во время последних избирательных кампаний в России характеризуется системным характером злоупо-

¹ Röling B. V. A. Op. cit. P. 138.

² Fletcher G. P. The Storrs Lectures: liberals and romantics at war: the problem of collective guilt' (2002) 111 Yale LJ. P. 1541.

³ Prosecutor's Office of Bosnia and Herzegovina v. Miloš Stupar et al. First Instance Verdict. P. 80.

⁴ См. подробнее: Абасов Р. А. Политическая преступность в немецкой криминологической литературе // Политическая криминология: Сб. науч. тр. / Под ред. П. А. Кабанова. Нижнекамск. 2006.

треблений, единообразным *modus operandi* нарушений на тысячах избирательных участков, располагающихся в различных районах огромной страны, массовым вовлечением в преступную практику сотрудников избирательных комиссий и властных структур всех уровней¹. Тем не менее, именно для международных преступлений системный характер является центральной, неотъемлемой характеристикой.

Говоря о влиянии концепции системной преступности на развитие МУП, следует в первую очередь подчеркнуть, что системное свойство международных преступлений получило юридическое закрепление и является одним из их отличительных признаков, позволяющих отличить их от общеуголовных². Международные преступления, по справедливому замечанию А. Кассесе, характеризуются своеобразной «двухслойностью». Хотя в их основе лежат общеуголовные преступления, известные всем национальным уголовно-правовым системам, – вред здоровью, убийства, посягательства на половую свободу, собственность и др. (так называемые базовые преступления), однако обязателен и второй «слой» – международный «контекстуальный» элемент, который может носить как объективный, так и субъективный характер (специальный умысел в преступлении геноцида, широкомасштабность или систематичность, направленность на гражданских лиц в преступлениях против человечности, связь с вооруженным конфликтом и направленность против защищаемых МГП лиц и объектов в военных преступлениях. Именно «международный элемент» и отражает, как правило, системный характер данных преступлений³.

Наиболее ярко это проявляется в определении преступлений против человечности, которые в соответствии с п. 1 ст. 7 Римского статута МУС *«совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц, и если такое*

¹ <http://www.golos.org/>

² Cassese A. International Criminal Law. Second Edition. Oxford, 2008. P. 195.

³ Профессор Г. Верле называет этот элемент «контекстом организованного насилия». См.: Werle G. Principles of International Criminal Law. The Hague, 2005. P. 94–95.

нападение совершается сознательно». В п. 2 ст. 7 разъясняется, что «нападение на любых гражданских лиц» означает линию поведения, включающую многократное совершение актов, указанных в пункте 1, против любых гражданских лиц, предпринимаемых в целях проведения политики государства или организации, направленной на совершение такого нападения, или в целях содействия такой политике.

Хотя определение геноцида в Конвенции 1948 г. и Римском статуте не содержит прямого указания на его системный характер и не содержит «политический» элемент, он, учитывая генезис геноцида как вида преступлений против человечности, представляется очевидным. Вряд ли интенсивно отстаиваемая Международным трибуналом по бывшей Югославии спекулятивная теория «геноцидария-одиночки»¹, является сколько-нибудь продуктивной, что показывает практика самого трибунала. В этом отношении разумной представляется позиция государств-участников МУС, включивших в п. 4 ст. 6 (а) Элементов преступлений требование о том, что *«деяние имело место в контексте явной линии аналогичного поведения, направленного против этой группы, или являлось поведением, которое само по себе могло привести к такому уничтожению»*².

По-видимому, для военных преступлений «контекстуальный элемент» не является юридически обязательным. Однако сама обязательная для этой разновидности преступлений связь с вооруженным конфликтом определяет включенность совершающих индивидов в систему, а как правило в иерархическую армейскую или иную воо-

¹ Prosecutor v Jelisić (IT-95-10-A), Appeals Chamber, Judgment (2001) 13, 71,87-89.

² ICC-ASP/1/3. С. 124. Целый ряд комментаторов рассматривают это положение «Элементов» как неприемлемое сужение конвенционного определения геноцида, имеющего обычно-правовой статус. (Triffterer O. Genocide, Its Particular Intent to Destroy in Whole or in Part the Group as Such // Leiden Journal of International Law, 14 (2001). P. 399. Werle G. Principles of International Criminal Law. Cambridge, 2005. P. 204-205.). Однако другие авторитетные ученые, в том числе и автор наиболее масштабного исследования по геноциду профессор У. Шабас, обоснованно придерживаются мнения о желательности и правильности подобной лимитации применения нормы о геноциде (Schabas W. A. State Policy as an Element of International Crimes // Journal of Criminal Law and Criminology, 98 (2008), P. 953, 967.).

руженную структуру. Как правило, военные преступления совершаются в том же системном контексте, что и геноцид и преступления против человечности. Не случайно Римский статут во вступительном положении к ст. 8 содержит рекомендацию об осуществлении юрисдикции «*в частности, когда они совершены в рамках плана или политики или при крупномасштабном совершении таких преступлений*».

Наконец, принятое в июне 2010 г. определение преступления агрессии для целей Римского статута, как и ожидалось, закрепило обязательную связь агрессии как преступного акта индивида и акта агрессии, совершенного государством («*осуществление лицом, которое в состоянии фактически осуществлять руководство или контроль за политическими или военными действиями государства, акта агрессии*¹»).

Далее, концепция системной преступности во многом способствует продолжающемуся поиску оптимальной уголовно-правовой модели индивидуальной ответственности за международные преступления, совершенные в контексте системной преступности. Очевидная сложность состоит в некотором противоречии принципа индивидуальной ответственности и того, что в реальности эти преступления совершаются коллективами. Так, Джордж Флетчер замечает, что «акцент на индивидуальной ответственности игнорирует ту простую истину о военных преступлениях, что они являются деяниями, совершаемые группами, и, как правило, против индивидов – членов другой группы»². Очевидно, что традиционные институты уголовного права, не всегда справляющиеся с «обычной» организованной преступностью, не могут механически переноситься в сферу организованного массового насилия.

На сегодняшний день ведущими в международной практике являются три основные теории индивидуальной ответственности, отражающих системную преступность, имеющие разную степень международно-правовой легитимности и практической распро-

¹ См. резолюцию Обзорной конференции по Римскому статуту от 11 июня 2010 г. Док. RC/Res.6.

² Fletcher. G. P. Op. cit. P. 1499.

страненности: развитая МТБЮ концепция «совместной преступной деятельности» (Joint Criminal Enterprise)¹, основанная на концепции общего плана, восторжествовавшая в МУС теория «контроля над преступлением» (Control over the Act)² и командная ответственность (ответственность командиров и иных начальников за деяния подчиненных, действующих по их эффективному контролю)³. Из них только последняя модель является нормативно закрепленной, в том числе в Римском статуте (ст. 28). Каждая из них имеет свои достоинства и слабые стороны, что определяет необходимость определения их пределов и возможностей⁴.

Будучи молодой и интенсивно развивающейся сферой, международное уголовное право жизненно нуждается в криминологической «поддержке». Модели уголовной ответственности, применяемые на международном уровне, должны не только соответствовать фундаментальным правовым принципам, но и отвечать реалиям международной преступности. Не нами сказано: «уголовное право без криминологии – безводное русло, криминология без уголовного права – вода без берегов»⁵.

¹ Концепция «совместной преступной деятельности» была введена в практику МТБЮ решением Апелляционной палаты МТБЮ по делу Тадича в 1999 г. (Prosecutor v. Duško Tadić (IT-94-1-A) Appeal Judgement, 15 July 1999. Paras. 190–206). См подробнее: Haan V. The Development of the Concept of Joint Criminal Enterprise at the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia // International Criminal Law Review. 2005. Vol. 5; Martinez J.S., Danner A. M. Guilty Associations: Joint Criminal Enterprise, Command Responsibility, and the Development of International Criminal Law // California Law Review. 2003. Vol. 75; Zahar A., Sluiter G. International Criminal Law. A Critical Introduction. Oxford, 2007.

² Prosecutor v. Germain Katanga and Mathieu Ngudjolo Chui (ICC-01/04-01/07), Decision on the Confirmation of Charges, 30 September 2008. Para. 510; Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo (ICC-01/04-01/06), Decision on the Confirmation of Charges, 29 January 2007. Para. 338.

³ Mettraux G. Law of Command Resoncibility. Oxford, 2009.

⁴ См. подробнее: Богуш Г. И. Общие принципы уголовного права в Римском статуте Международного уголовного суда // Международное уголовное правосудие современные проблемы / под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. М., 2009.

⁵ Института Макса Планка по сравнительному и международному уголовному праву во Фрайбурге.

Короткий Т.Р.

*кандидат юридических наук,
директор Института национального и международного права
Международного гуманитарного университета,
доцент кафедры международного права
и международных отношений
Одесской национальной юридической академии*

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО ПИРАТСТВА

1. К предмету науки криминологии традиционно относят исследование преступности как социального явления, сущности и форм ее проявления, закономерностей возникновения, существования и изменения преступности; ее причины и иные детерминанты; личность тех, кто совершает преступления; систему мер предупреждения преступлений¹.

В XX веке произошли качественные изменения в характере преступности. К ним можно отнести приобретение преступностью транснационального характера. Статья 2 Декларации Организации Объединенных Наций о преступности и общественной безопасности 12 декабря 1996 год прямо указывает на обязанность государств-членов способствовать «расширению сотрудничества и помощи в правоохранительной области на двусторонней, региональной, многосторонней и глобальной основе, в том числе заключению в соответствующих случаях соглашений о взаимной юридической помощи, в целях содействия выявлению, задержанию и преследованию лиц, которые совершают транснациональные преступления или каким-либо иным образом несут за них ответственность, и в целях обеспечения эффективного международного сотрудничества правоохранительных и других компетентных органов».

¹ Криминология: Учебник для вузов // под ред. проф. В.Д. Малкова – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЗАО «Юстицинформ», 2006. – С. 3.

Во-вторых, произошла индивидуализация международной уголовной ответственности, направленная на защиту наиболее важных, основополагающих общечеловеческих ценностей. Посредством норм международного права была обеспечена криминализация ряда деяний, посягающих на императивные нормы международного права.

И в-третьих, были заключены конвенции, направленные на предупреждение совершения преступлений, затрагивающих интересы различных государств.

Эти факторы привели к выделению в международном праве самостоятельной отрасли – международного уголовного права, включающего, по мнению ряда авторов нормы материального, процессуального и судостроительного характера. Практически все авторы указывают, что задачей (целью) международного уголовного права является борьба с международной преступностью, преступлениями международного характера, защита мира и т.п.¹ И эта цель корреспондирует с задачами, которые стоят перед криминологией – разработка мер по борьбе с преступностью.

Как указывает В.П. Панов, международное уголовное право тесно связано с криминологией – в первую очередь это обусловлено задачей поддержания мирового правопорядка, в которую, безусловно, включается борьба с международной преступностью. По этому поводу в литературе было удачно отмечено, что не случайно основные стандарты, нормы и правила ООН начинаются со слов «предупреждение преступности», а совершенствование международного уголовного права в первую очередь связывается с предупредительной деятельностью государств и международных организаций².

Особенностью криминализации деяний в рамках международного права (в отношении ответственности за нарушение императивных норм международного права и посягательства на

¹ Кибальник А.Г. Преступление и ответственность в международном уголовном праве. Ставрополь. 2002. – С.4-5.

² Панов В.П. Международное уголовное право. – М., 1997. – С. 21.

международный правопорядок) является их политизация. И это первая особенность, которая требует специального подхода к изучению международной преступности. Вторая – на наш взгляд, более значимая, это использование специфических международных средств и механизмов по борьбе с международной преступностью, основанных на международном праве. И речь здесь не идет о внутригосударственной имплементации. Ведь важнейшей задачей криминологов является выработка эффективной стратегией воздействия на преступность, а в отношении международной преступности она может базироваться на международных механизмах, основанных на международном праве. Именно специфика этих механизмов позволяет говорить о необходимости выделения в рамках международного уголовного права самостоятельного направления – международной криминологии как специальной области знаний с самостоятельным предметом – международной преступности.

Непосредственным примером такого выделения является необходимость определения наиболее эффективных мер по борьбе с пиратством в части проблемы привлечение пиратов к ответственности и создание необходимых для этого предпосылок как на национальном, так и на международном уровне, поскольку как указано в Резолюции 1918 (2010) СБ ООН от 27 апреля 2010 г., необходимо проработать варианты, предусматривающие создание специальных национальных судебных палат с возможными международными компонентами, регионального трибунала или международного трибунала.

2. Пиратство относится к международным преступлениям против безопасности судоходства и посягает, прежде всего, на свободу судоходства как основополагающую свободу открытого моря. Именно, исходя из такой квалификации, в международном праве сформировались нормы, как обычные, так и договорные, направленные на борьбу с этим преступлением.

В последнее время распространенным мнением стало отнесение проблематики пиратства к преимущественно сфере частных

отношений с судовладельцем¹. И действительно, убытки от пиратских нападений, особенно в той форме, которая существует в Аденском заливе, несет, прежде всего, судовладелец. На судовладельца возлагается обязанность по предупреждению пиратских нападений от изменения маршрута судна до обеспечения его вооруженной охраной, и проблемы, связанные с выкупом судна и экипажа в случае его захвата. Переход в сферу публичных отношений, отношений межгосударственных, когда экономические потери и политический резонанс от пиратских захватов, превысили определенный порог, произошел практически через десять лет после первых случаев нападений в водах Сомали, когда международное вмешательство стало заметным. Но по-прежнему, речь редко идет об основном объекте посягательств пиратов – свободе судоходства, в свое время относившихся к основополагающим принципам международного права.

Следует отметить, что современное пиратство является проблемой именно международной, выходящей за пределы одного государства, в том числе и того, с чьей территории происходят пиратские нападения, или чьими гражданами являются пираты. О международном характере пиратства свидетельствуют следующие доводы.

Во-первых, «пиратство» это международно-правовая квалификация деяния, которое направлено против свободы судоходства. Пиратство следует рассматривать как преступление международного характера (конвенционное преступление по другой классификации), противоправность и состав которого определены договорными нормами международного права, в частности Конвенций ООН по морскому праву 1982 г.

¹ «Во всем мире принято считать, что это проблема (пиратских захватов – Т.Р.) судовладельца. На него, согласно морскому праву и двусторонним соглашениям между перевозчиком и собственником груза, возлагаются все риски мореплавания, связанные с утерей груза, его повреждением, компенсацией ущерба, с угрозами жизни и здоровью моряков.» Десятникова И. Интервью с Председателем Службы внешней разведки Н.Г. Маломужем / Факты. 19 февраля 2009 г.

Во-вторых, масштабы пиратских нападений за последние годы беспрецедентны. По данным Международного морского бюро, в период с 2000 по 2006 год в мире было отмечено свыше 2400 актов пиратства (т.е. в среднем по 400 в год), что почти в 2 раза превысило уровень предшествующего 6-летнего периода. В 2008 году произошло резкое увеличение (на 11 %) числа актов пиратства или вооруженного разбоя в отношении судов на море во всем мире, при этом было захвачено 42 корабля и взято в заложники 815 моряков. У побережья Сомали произошло 111 инцидентов (хотя пять лет назад, в 2003 г., была зафиксирована лишь 21 пиратская атака)¹. В 2009 году Центр сообщений о пиратстве Международного морского бюро зарегистрировал 217 нападений сомалийских пиратов в районе Африканского Рога, что на 95% больше, чем в предыдущем году. Всего в 2009 году было захвачено 47 судов². Только 30 марта 2010 г. пиратам с Сомали удалось захватить сразу восемь индийских судов. В итоге в заложниках оказались приблизительно 120 моряков³.

В-третьих, беспрецедентны последствия пиратских нападений. Прямой и косвенный ущерб от современного пиратства оценивается в 13-16 миллиардов долларов⁴. Пиратские действия в районе Сомали приобрели столь значительные масштабы, что поставили под угрозу международную безопасность – ее гуманитарную⁵, экономическую⁶,

¹ Против пиратов – мощью права. Интервью с заместителем Генерального прокурора РФ А. Звягинцевым / Красная Звезда 10 июня 2009 г.

² <http://www.newsru.com/world/18mar2010/unonpirates.html>

³ <http://ukranews.com/ru/news/world/2010/04/03/15927>

⁴ По другим данным, ущерб от пиратства только в азиатских водах составляет около 25 млрд. долларов. / Седова Я. Подсудное дело / Фокус № 16(18) от 18 апреля 2008. – С. 48.

⁵ Усложнение доставки гуманитарных грузов в Сомали, захват заложников.

⁶ Увеличение стоимости доставки грузов морским транспортом, использования более протяженных маршрутов в обход пирато-опасных районов, а также платежи в виде выкупов. По различным оценкам, пиратам в регионе Сомали в прошлом году удалось получить порядка 120-150 млн. долларов в виде выкупов.

экологическую¹, военную², угрозу распространения терроризма³ составляющие.

В-четвертых, в международном сотрудничестве по борьбе с пиратством участвуют 45 государств и семь международных организаций. При ООН создана рабочая группа по проблемам пиратства в Аденском заливе, в состав которой вошли представители России, Китая, Саудовской Аравии, Сомали, Великобритании, США и Международной морской организации (ИМО)⁴. Отдельные государства обращаются к мировому сообществу за помощью в борьбе с пиратством (Малайзия⁵, Сомали⁶).

В-пятых, как правило, захват одного судна затрагивает интересы различных государств. Например, танкер *Samho Dream*,

¹ Возможность катастрофического загрязнения при захвате танкера или судна, перевозящего опасные грузы. За последние годы пираты несколько раз захватывали крупные танкеры. Первый захват танкера особо большой вместимости состоялся в конце 2008 года, когда пираты саудовский *Sirius Star*. Следующее подобное судно, *Maran Centaurus*, захватили в ноябре 2009 года и через два месяца отпустили, получив выкуп, который составил от 5,5 до 7 млн долларов. 4 апреля 2010 г. пираты захватили южнокорейский танкер *Samho Dream* водоизмещением 300 тыс. тонн, имеющий на борту свыше 2 млн баррелей нефти // <http://www.newsru.com/world/05apr2010/samhodream.html>

² Нарушение эмбарго на поставку оружия в Сомали. Всеобщее и полное эмбарго на поставки оружия, введенное в отношении Сомали резолюцией 733 (1992), с дополнениями и поправками, внесенными резолюциями СБ ООН 1356 (2001), 1425 (2002), 1725 (2006), 1744 (2007) и 1772 (2007).

³ Пиратство, как источник подпитки исламских террористов в районе Африканского Рога может привести к возникновению там государственных образований террористической направленности, экспортирующих терроризм по всему миру. Участие террористов в пиратских рейдах дает возможность их поддержания в боевой форме и подготовки к последующим захватам морских судов с террористическими целями. Пиратская среда является благоприятной для вербовки террористов, особенно когда их бизнес будет существенно ограничен. См.: Против пиратов – мощью права. Интервью с заместителем Генерального прокурора РФ А. Звягинцевым / Красная Звезда 10 июня 2009 г. <http://www.imodocs.com/index.php?limitstart=10>

⁴ *Schiff und Hafen*. 2005. – 57. – № 8. – P. 8. // Сигнальная информация : Союзморниипроект. 2005. № 10 (855). 24 ноября.

⁶ Колодкин А.Л., Гуцуляк В.Н., Боброва Ю.В. Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы. – М.: Статут, 2007. – С. 189.

захваченный пиратами 4 апреля 2010 г., находится в управлении Южной Кореи, принадлежит Сингапуру, перевозит нефть американской нефтеперерабатывающей компании Valero Energy Corp, а его экипаж состоит из 19 филиппинцев и пяти корейцев¹.

В-шестых, география пиратских нападений сильно расширилась. Пиратские нападения происходят во многих частях Мирового океана. Наиболее опасными для международного судоходства считаются районы Южно-Китайское море и Юго-Восточной Азии (прежде всего Малаккского пролива), Южной Америки и Карибского моря, Индийского океана, прибрежные воды Восточной и Западной Африки. Акты пиратства и вооруженного разбоя происходят даже в водах европейских государств и США². Особенно опасным в отношении угрозы пиратства являются воды Индийского океана, прежде всего район Сомали. Причем, захваты судов происходят на значительном расстоянии от территории Сомали, на расстоянии 800 и более миль³. Как указано в докладе Группы контроля по Сомали, есть основания считать, что главным эффектом международных усилий по борьбе с пиратством явились перемещение районов действий пиратов из Аденского залива в Индийский океан и рост числа случаев нападения на суда на значительном удалении от берегов Сомали⁴. По мнению командующего силами ВМС США в Европе и Африке адмирала Марка Фитцджеральда угроза нападения пиратов актуальна для судов во всем Индийском океане⁵.

Таким образом, пиратство остается одним из существенных факторов, оказывающих влияние на безопасность международного

¹ <http://www.newsru.com/world/05apr2010/samhodream.html>

² Колодкин А.Л., Гуцуляк В.Н., Боброва Ю.В. Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы. – М.: Статут, 2007. – С. 190; Седова Я. Подсудное дело. Фокус № 16(18) от 18 апреля 2008. – С. 48.

³ В 2009 году на расстоянии 800 морских миль от берегов Сомали нападению подверглись шесть судов. Например, танкер Samho Dream, был захвачен на расстоянии 970 миль от побережья Сомали. / <http://www.newsru.com/world/18mar2010/unonpirates.html>

⁴ <http://www.newsru.com/world/18mar2010/unonpirates.html>

⁵ <http://news.yandex.ua/yandsearch?cl4url=www%2Ekr%2Eru%2Fonline%2Fnews%2F639536%2F>

судоходства в различных районах Мирового океана, и в ряде случаев, на состояние региональной безопасности, а борьба с ним является сложной и важной задачей.

Международный характер пиратства предполагает международное сотрудничество в борьбе с этими посягательствами на свободу судоходства. Однако, при этом, пиратство имеет определенные социально-политические причины, и любые действия, как на международном, так и национальном уровне должны основываться на криминологическом анализе пиратства, эффективности правовых и организационных мер по борьбе с ним.

3. Проблематика современного пиратства изучалась в относительно небольшом количестве отечественных специальных правовых исследований. Следует отметить работы В.В. Демиденко¹, В.М. Прусс², И.В. Лукшина³, Ю.С. Ромашева⁴,

¹ Демиденко В.В., Прусс В.М., Шемякин А.Н. Пиратство, терроризм, мошенничество на море (правовые аспекты). – Одесса: Бахва, 1996. – 144 с.

² Демиденко В.В., Прусс В.М., Шемякин А.Н. Пиратство, терроризм, мошенничество на море (правовые аспекты). – Одесса: Бахва, 1996. – 144 с.; Прусс В.М. Обеспечение безопасности международного судоходства уголовно-правовыми методами. – Одесса, 2000.

³ Лукшин И.В. Противоправные действия, посягающие на свободу мореплавания // Право и политика. – 2000. – № 6. – С. 77-82; Лукшин И.В. Протиправні дії на морі: піратство і тероризм, та їх правове значення // Актуальні проблеми держави та права: Зб. наук. праць. – Вип. 8. – Одеса, 2000.

⁴ Ромашев Ю.С. Борьба с преступлениями международного характера, совершаемыми на море (терроризм, пиратство, незаконный оборот наркотиков и другие преступления): Монография. М.: РосКонсульт. - 2001. - 300 с.; Ромашев Ю.С., Корбут Л.В. Борьба с актами терроризма и пиратства на море и ее правовое регулирование // Проблемы правового регулирования на транспорте: Сборник научных трудов Московской государственной академии водного транспорта. М.: МГАВТ, 2003. - С. 23-42; Ромашев Ю.С., Корбут Л.В. Основы борьбы с актами терроризма и пиратства на море // Организованная преступность, терроризм и коррупция: Криминологический ежеквартальный альманах. М.: Юристъ. 2003. Вып. 1. – С. 53-69; Ромашев Ю.С. Борьба с актами терроризма и пиратства на море и ее правовое регулирование // Проблемы правового регулирования на транспорте: Сборник научных трудов Московской государственной академии водного транспорта. М.: МГАВТ, 2003. - С. 23-42; Ромашев Ю.С. Проблемы международно-правового регулирования борьбы с преступностью на море и Конвенция ООН по морскому праву 1982 года //

Г.Г. Середы¹, В.В. Серафимова² и других авторов³. Среди них особо следует выделить фундаментальную монографию В.Ф. Сидорченко

Ежегодник морского права. 2002. М.: Ассоциация международного морского права: СОЮЗМОРНИИПРОЕКТ, 2003. – С.18-24; Ромашев Ю.С. Проблемы международно-правового регулирования борьбы с преступностью на море и Конвенция ООН по морскому праву 1982 //Ежегодник морского права. 2002. М.: Ассоциация международного морского права: СОЮЗМОРНИИПРОЕКТ, 2003. С.18-24; Ромашев Ю.С. Проблемы борьбы с пиратством на рубеже веков // Право и политика. М., 2000. № 4. – С. 90-104; Ромашев Ю.С. Концепция развития международного права и законодательства государств в области борьбы с преступлениями международного характера на море // Право и политика. М., 2000. № 3. – С. 78-87.

- ¹ Середя Г.Г. К вопросу о международно-правовой регламентации уголовной юрисдикции в отношении пиратства и других преступлений, совершаемых на море. // Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції «Проблеми кримінального права, процесу та криміналістики», (м. Одеса, 9 жовтня 2009 р.). – Одеса: Міжнародний гуманітарний університет, 2009. – С. 224-228; Середя Г.Г. Морське піратство як глобальна проблема сьогодення // Альманах міжнародного права. / ред. колегія.: Кивалов С.В. (гл. ред.) и др. – О. : Фенікс, 2009. – С. 89-94; Середя Г.Г. Морська кримінальна юрисдикція : актуальні проблеми теорії та практики. // Актуальні проблеми політики: Зб. наук. праць / Головн. ред. С.В. Кивалов; Відп. за вип. Л.І. Корміч. – Одеса: Фенікс, 2010. – Вип. 39. – С. 450-460.
- ² Серафимов В.В. Акты изъятия из юрисдикции «государства флага» в открытом море // Торговое мореплавание. – 1999. – № 1. – С. 41-45; Серафимов В.В. Понятие и виды актов санкционированного вмешательства в мореплавание в открытом море // Актуальні проблеми держави та права: Зб. наук. праць. – Одеса, 1999. – Вип. 6, Ч. 2.; Серафимов В.В. Санкционированное и несанкционированное вмешательство в мореплавание в открытом море: Учеб.-метод. пособие. – Одесса: Юрид. лит., 1999. – 20 с.; Серафимов В.В. Правова природа актів санкціонованого втручання у торговельне мореплавання // Вісник інституту внутрішніх справ України. – Одеса. – 2000. – Вип. 1. – С. 178-184;
- ³ Войтенко А.В. Борьба с морскими пиратами – юридический анализ / <http://www.maritimebusinessnews.com.ua/news/incidents/2008/07/30/716.html>; Гуменюк М.М. Кримінально-правовий аспект протидії піратству в Україні. // Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції «Проблеми кримінального права, процесу та криміналістики», (м. Одеса, 9 жовтня 2009 р.). – Одеса: Міжнародний гуманітарний університет, 2009. – С. 59-60; Шаллан Ф. Морське піратство у міжнародному праві та національне законодавство України // Право України. – 1998. – № 3. – С. 95-98; Шаллан Ф. Про поняття морського піратства у сучасному морському праві // Правова держава. – К., 1997. – Вип. 7.

«Морское пиратство»¹. После всплеска актов пиратства в районе Сомали увеличилось число работ, посвященных проблематике и мерам противодействия пиратским проявлениям именно в этом регионе. В частности, этим вопросам уделяется внимание в наших работах².

Следует отметить, что доминирующее количество исследований проблематики пиратства и борьбы с ним, как правило, носят описательный характер, и посвящены преимущественно ретроспективному социально-историческому анализу проблемы. Отдельные работы хотя и посвящены международно-правовой характеристике пиратства и противодействия ему, однако преимущественно базируются на существующих положениях по противодействию пиратским нападениям в соответствии с рекомендациями Международной морской организации и Международного морского бюро, и как правило не содержат исследования вопросов, связанных анализом причин возникновения пиратства, его социально-политических предпосылок и международно-правового противодействия пиратству на ранних стадиях возникновения, борьбе с его причинами, прежде всего в условиях постконфликтных ситуаций. В Резолюция 1872 (2009) СБ ООН от 26 мая 2009 г. подчеркивается необходимость принятия международным сообществом всесторонних мер для борьбы с пиратством **и его коренными причинами** в рамках Кон-

¹ Сидорченко В.Ф. Морское пиратство. – СПб.: Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петербур. гос. ун-та, 2004.

² Ладыненко А.П. Особенности пиратства в XXI веке и правовая регламентация борьбы с ним. / Законність і правопорядок у сучасній Україні: матеріали конференції 19-20 грудня 2008 р. – Одеса : Фенікс, 2008. – С. 106-107; Короткий, Т. Международно-правовое обеспечение противодействия пиратству. / Короткий Т.Р. – Одесса : Фенікс, 2009. – 24 с. (Сер. «Академічні читання», № 1); Короткий Т.Р., Ладыненко А.П. Международно-правовые аспекты борьбы с пиратством в районе Сомали // Альманах международного права. / ред. коллегия.: Кивалов С.В. (гл. ред.) и др. – О. : Фенікс, 2009. – С. 95-102. Короткий Т., Ладыненко А. Морское право и морской беспредел // Черноморские румы: международный морской альманах / ред.-сост. Р.М. Короткий. – Вып. 8. – Одесса. – Фенікс, 2009. – С. 220-227; Короткий, Т. Международно-правовое обеспечение противодействия пиратству. / Короткий Т.Р. – Одесса : Фенікс, 2009. – 24 с. (Сер. «Академічні читання», № 2)

тактной группой по проблеме пиратства у побережья Сомали, государств и международных и региональных организаций.

Таким образом, можно сделать вывод, что международно-правовая проблематика противодействия пиратству в настоящее время вышла за пределы исключительно международного морского права и нуждается в комплексном анализе, в том числе с привлечением научного аппарата криминологии.

4. В XX веке произошла эволюция видов и форм пиратских действий от классических видов захвата и присвоения судна и груза до сложных схем получения выкупа (практически без классического присвоения груза или судна), перерегистрации судов с целью использования в мошеннических операциях и т.п.

Можно выделить следующие виды нападений на суда: воровство или грабеж с судов, стоящих на рейде или в порту (собственно пиратскими нападениями такие преступления назвать нельзя); похищение доверяемых грузов с использованием ранее угнанных судов с пиратскими экипажами и фальшивыми документами на регистрацию судна и груз (так называемые «фантомные суда»)¹; нападение на суда в пределах юрисдикции прибрежного государства (в территориальном море), которые квалифицируются по внутригосударственному законодательству, и согласно нормам международного права пиратством не являются, и собственно пиратские действия, совершаемые за пределами территориального моря (архипелажных вод).

Последние заслуживают отдельной криминологической характеристики (однако по форме эти нападения могут быть схожи с нападениями и в территориальном море). Это:

- тайное похищение с судна груза, судовых припасов, имущества членов экипажа;

- нападения с применением насилия или угрозой насилия для завладения груза, судового имущества и припасов, имущества членов экипажа;

¹ Борьба с морскими пиратами. // Компас моряка. – 2010. – № 1 (январь). – С. 16.

- нападения с применением насилия или угрозой насилия для завладения судном (включая груз, судовое имущество и припасы, имущества членов экипажа);

- нападения с применением насилия или угрозой насилия для взятия в заложники экипажа и судна с целью последующего выкупа;

- нападения с посягательством на жизнь членов экипажа и пассажиров, для завладения судном, грузом, судового имущества и припасов, имущества членов экипажа.

Для разных районов Мирового океана и в различные периоды характерны различные формы пиратских нападений. В настоящее время пиратоопасными считаются прибрежные воды Южной Америки (Карибское море, воды Коста-Рики, Бразилии, Колумбии), западное и восточное побережье Африки (район Гвинейского залива и территориальные воды Нигерии, Анголы и Сомали), районы Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона. Самыми «пиратскими» являются прибрежные воды Индии и Шри-Ланки, зона Малаккского и Сингапурского проливов, Таиландский залив и Южно-Китайское море.

При практически полном попустительстве властей, не уделяющих проблеме пиратства должного внимания, действуют пираты в Бразилии. Их основной район деятельности – порт Рио-де-Жанейро. В Азиатско-Тихоокеанском регионе пиратство характеризуется тем, что большинство нападений происходит в районах международных проливов – Малаккского и Сингапурского, в пределах территориальных или архипелажных вод Малайзии, Индонезии или Сингапура. Также значительное число нападений на суда осуществляется в районах спорной юрисдикции, в особенности в Южно-Китайском море. Данное обстоятельство значительно осложняет борьбу с пиратством. Известны случаи нападения на российские и иностранные суда на Дальнем Востоке РФ, на Каспии, в акваториях Черного и Азовского морей¹.

¹ Борьба с морскими пиратами // Компас моряка. – 2010. – № 1 (январь). – С. 16.

В районе Сомали преимущественно совершаются нападения с целью получения выкупа за экипаж, судно, груз.

Следующий вариант действий – похищение только груза, судно и экипаж отпускается. В случае присвоения судна, последнее может быть переименовано и перепродано или зарегистрировано под удобным флагом, оформлено в фиктивной судовладельческой компанией, зафрахтовано для перевозки груза, и исчезающее вместе с грузом и оплаченным фрахтом для повторения такой схемы или перепродажи¹.

Следует отметить, что пиратские нападения в районе Сомали² характеризуются определенными особенностями и значительными масштабами. Причем они носят характер организованного преступного «бизнеса»³, и заключается в преимущественном захвате судов с экипажами в качестве заложников⁴. Сам груз, судно, имущество членов экипажа имеют вторичную ценность по сравнению с суммой выкупа. Поэтому вполне обоснованно можно говорить не только о применении международно-правовых норм, регламентирующих борьбу с собственно с пиратством, но и международных соглаше-

¹ Седова Я. Подсудное дело // Фокус № 16(18) от 18 апреля 2008. – С. 47.

² История пиратства в этом районе началась с разрушением государственности в Сомали в 1991 году, после чего страна распалась на районы, контролируемые соперничающими кланами. Их вожди начали вооружать своих рыбаков, чтобы те могли противостоять конкурентам, вылавливающим тунца, барракуд и красного океанского окуня якобы не в своих территориальных водах. Очень быстро эти вооруженные рыбаки нашли альтернативный источник дохода, научившись нападать на иностранные суда. Вначале это были единичные случаи, в 2007 году – уже 41, в 2008 году – 111. <http://www.vremya.ru/2009/63/46/227109.html>

³ По мнению президента Эстонской ассоциации международного морского права В. Сангашёва, пираты – это большая международная преступная организация. Цит. по: Седова Я. Подсудное дело // Фокус № 16(18) от 18 апреля 2008. – С. 46.

⁴ К концу 2009 года в плену у пиратов находились 12 судов и 263 члена экипажа. примерная сумма выкупа за которые составила 82 миллиона долларов США. Средняя сумма выкупа за судно в 2009 году выросла до 1,75 миллиона долларов США, и достигала 5,5 миллиона долларов США. / <http://www.newsru.com/world/18mar2010/unonpirates.html>

ний, направленных на противодействие транснациональной преступности¹ и отмыванию средств², добытых преступным путем³.

Методы пиратских нападений в районе Сомали по ряду внешних признаков напоминают акты терроризма с захватом заложников – различие лишь в характере требований – если в случае террористических захватов требования выдвигаются политические, то в случае пиратских нападений – финансовые. Однако и в первом, и во втором случае существует угроза жизни заложников, имеются элементы терроризирования со стороны пиратов, они заинтересованы в максимальном распространении информации об угрозе жизни и здоровью моряков. Но при этом, если в случае захвата заложников террористами стороной переговоров является государство в лице спецслужб, то в случае с захватом заложников пиратами государство не принимает активного участия в ведении переговоров и освобождении заложников. Фактически, если на стадиях противодействия пиратским нападениям и борьбе с пиратами публичный элемент наличествует, начиная от выработки рекомендаций в рамках ИМО, сопровождения судов, патрулирования и т.п., то в случае захвата заложников проблема становится исключительно проблемой судовладельца по объективным и субъективным причинам (с осознанием того, что, как правило ведение переговоров сопровождается спецслужбами, но кардинально на ситуацию это не влияет)⁴. А судовладелец может либо удовлетворить требования пи-

¹ Например, Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г.

² В 2008 году, пираты, предприняв 111 атак, добыли до 80 млн долл. <http://www.vremya.ru/2009/63/46/227109.html>

³ «США будут разрабатывать пути по отслеживанию и замораживанию счетов пиратов». См.: Клинтон: США разрабатывают стратегию по борьбе с пиратством / <http://korrespondent.net/world/806707>

⁴ «Захватили судно? Его владельцы - сами или через нанятых посредников - ведут переговоры, принимают меры для того, чтобы найти варианты урегулирования. Так принято в мировой практике. Поэтому именно владельцы пытаются любым способом найти канал, чтобы договориться о решении проблемы. Спецслужба может только предоставить информацию о существующих группировках, возможных вариантах урегулирования конфликта, о

ратов в виде выплаты выкупа, либо не удовлетворять их. Поэтому, на наш взгляд, стоит обратить внимание, прежде всего, на проблему уплаты выкупа.

5. Весьма важным на наш взгляд является изучение социально-политических причин пиратства¹ и путей их искоренение. Первоначально, в начале 90-х годов XX века сомалийские пираты оправдывали свои действия борьбой с незаконным рыбным промыслом и с захоронением отходов в исключительной экономической зоне Сомали в обстановке, когда государство пребывало в состоянии полной дезорганизации. Сомалийское правительство официально объявило о неспособности контролировать ситуацию в своих территориальных водах и попросило помощи в патрулировании 3700-км побережья².

В настоящее время две области Сомали – Пунтленд и Сомалиленд уже фактически автономны. Без стабилизации ситуации в Сомали, в которой треть населения, или 2,5 млн. человек, находятся на грани голода и еще миллион составляют внутренние переселенцы³, проблема пиратства вряд ли будет решена⁴.

В связи с этим, основным направлением борьбы с пиратством является деятельность по восстановлению эффективности государственной власти в Сомали и обеспечении постконфликтного регулирования. На это обращается внимание в Резолюции 1918 (2010) СБ ООН от 27 апреля 2010 г.: «для создания условий для надежного искоренения пиратства и вооруженного разбоя на море у бере-

посредниках.» Десятникова И. Интервью с Председателем Службы внешней разведки Н.Г. Маломужем. / Факты. 19 февраля 2009 г.

¹ Как указывает генерал-лейтенант Службы внешней разведки А. Христенко, пиратство в Аденском заливе из явления регионального, причиненного социально-экономическим и политическим кризисом в Сомали, превратилось в глобальную угрозу. // I. Леонов. Операция «СМЕРП». Пять років боротьби. / Україна молода 29 січня 2010 р.

² Колодкин А.Л., Гуцуляк В.Н., Боброва Ю.В. Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы. – М.: Статут, 2007. – С. 189.

³ Против пиратов – мощью права. Интервью с заместителем Генерального прокурора РФ А. Звягинцевым / Красная Звезда 10 июня 2009 г.

⁴ На конференции в Брюсселе государства-доноры согласились предоставить более 250 млн. долл. на развитие системы безопасности и правопорядка в Сомали.

гов Сомали необходимы мир и стабильность в Сомали, укрепление государственных институтов, экономическое и социальное развитие, а также уважение прав человека и верховенства права».

Решение проблемы пиратства в Сомали, по мнению Кристиана Менара, возможно путем восстановления «правового государства в Сомали». Для стабилизации необходимо «восстановить управление и государственные властные институты, создать административные структуры и восстановить суверенитет Сомали над его морской зоной»¹.

Речь идет, в том числе, и о создании и укреплении сомалийских органов безопасности. В рамках ООН планировалось оказание помощи Переходному федеральному правительству (ПФП) и Альянсу за новое освобождение Сомали (АНС) в разработке и координации последовательной стратегии и пакета мер в сфере командования и управления, обучения и оснащения, для доведения численности объединенных временных сил безопасности и полиции Сомали до запланированного уровня приблизительно в 15 000 человек, как это предусматривается в письме Генерального секретаря ООН от 19 декабря 2008 года (S/2008/804) и рекомендациях Совместного комитета по вопросам безопасности ПФП/АНС. Эта помощь оказывается под эгидой Генерального Секретаря ООН, при участии его Специального представителя по Сомали совместно с Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), другими международными донорами, государствами-членами и АМИСОМ, в зависимости от обстоятельств². О необходимости такой помощи, в том числе и финансовой, идет речь в пунктах 11(b) и 12 Резолюции 1772 (2007) СБ ООН. В пункте 8 Резолюции 1872 (2009) СБ ООН от 26 мая 2009 г. содержится призыв вносить взносы в Целевой фонд Организации Объединенных Наций для сомалийских органов безопасности и предоставлять техническую помощь для подготовки и

¹ Как покончить с сомалийскими пиратами // Компас моряка. – 2010. – № 1 (январь). – С. 22.

² См.: параграф 22 Резолюции 1863 (2009) от 16 января 2009 г.

оснащения сомалийских сил безопасности в соответствии с п. 11(b) и 12 Резолюции 1772 (2007) СБ ООН от 20 августа 2007 г.

Этот тезис подтвержден в Резолюции 1918 (2010) СБ ООН от 27 апреля 2010 г. указанием на то, что долгосрочная безопасность Сомали зависит от эффективного развития национальных сил безопасности и сомалийских полицейских сил Переходным федеральным правительством в рамках Джибутийского соглашения и в соответствии со стратегией национальной безопасности».

Такая позиция находит полную поддержку у сомалийских властей, которые уже обратились за международной помощью в создании флота береговой охраны для борьбы с морскими пиратами. Обращение сомалийского вице-премьер-министра Абдурахмана Адена Ибби с просьбой о помощи в создании сомалийской береговой охраны прозвучало на прошедшей в столице Малайзии Куала-Лумпуре международной конференции экспертов по борьбе с пиратством под эгидой Международного морского бюро. «Сомали нужен более эффективный флот береговой охраны, чтобы защитить свои воды, своих рыбаков и иностранные суда от пиратов, – заявил вице-премьер. – Мы знаем, где укрываются пираты, и мы просим международное сообщество помочь нам бороться с ними». По его мнению, международные военно-морские силы не в состоянии это сделать без участия Сомали.

По мнению Кристиана Менара, необходима такая методика противодействия пиратским нападениям, которая бы сделала пиратские нападения более опасными и более дорогостоящими для пиратов. Он предлагает, в частности, «проводить выборочные наземные полицейские акции, то есть выявлять подозрительные суда и запрещать им выход в море под угрозой уничтожения»¹.

Интересна инициатива французской компания «В. Нейви» по оказанию услуг судовым компаниям, которая предложила вниманию Еврокомиссии проект создания центра подготовки сомалийских пограничников береговой охраны в Джибути, а также о передаче в рас-

¹ Как покончить с сомалийскими пиратами// Компас моряка. – 2010. – № 1 (январь). – С. 22.

поряжение этой службы полудюжины специально оборудованных для этого судов, общей стоимостью около 100 млн. евро. По мнению директора «В. Нейви» Ксавье Женена, «создание такого полицейского подразделения будет содействовать становлению правового государства в Сомали, и станет законной альтернативой вооруженному вмешательству».

б. Сомалийские пираты состоят из множества небольших групп, с двумя основными базами в портах и бухтах Эйла в Путленде, самопровозглашенном автономном районе на севере Сомали, и в бухтах в районе Харадере, на юге. «Эти сотни небольших групп тесно связаны между собой, – рассказал французским журналистам по телефону один из главарей такой группы, назвавшийся Хасаном Шукри. – Каждое утро мы выходим на связь и обмениваемся информацией о том, что происходит на море. Если удастся захватить судно, то мы принимаем меры, чтобы выслать в случае необходимости подкрепление».

Главные пиратские группировки: Дарот (Darot) – группировка, захватившая судно Караголь, лидера Гуру, в прошлом он был генералом армии; Чёрный тигр (Black Tiger); Белые мальчики (White boys); Черты (Thunders) – располагаются севернее от территории Эйла.

У сомалийских пиратов есть трибунал, книга расчетов и штрафов, устав. Абди Гарад – один из главарей пиратской группы, которая базируется в Эйле отметил, что «у нас есть трибунал в Бедей, в нескольких километрах от Эйла. Приговор любому пирату, совершившему преступление, тут же приводится в исполнение, поскольку у нас нет тюрем для содержания заключенных». «Если один из пиратов выстрелит в другого пирата, то он будет сразу же убит, а его тело выбросят на съедение акулам», – рассказал Мохамед Хидиг Дхегей, один из пиратских главарей Пунтленда¹.

Таким образом, сомалийские пираты представляют собой преступное организованное сообщество с современным оснащением и вооружением, характеризующуюся жесткой дисциплиной. На

¹ Как покончить с сомалийскими пиратами // Компас моряка. – 2010. – № 1 (январь). – С. 19.

это указывает вице-адмирал Жерар Вален, командующий французским флотом в Индийском океане: «Сомалийские пираты очень хорошо организованы, в их распоряжении имеются современные системы связи и они соблюдают определенные правила игры при операциях»¹.

7. Сомалийские пираты утверждают, что соблюдают «джентльменский кодекс» поведения в отношении заложников и экипажей захваченных судов. Этот «кодекс» или устав поведения распространяется не только на пиратов, но и на захваченных заложников и экипажи захваченных судов. Как следует из экземпляра такой инструкции, найденной при освобождении французской яхты «Понан» в апреле 2008 года, этот устав запрещает, в частности, любое насилие в отношении захваченных в заложники женщин и предусматривает выдачу премии за проявление смелости в операции. Так, пират, сумевший подняться первым на палубу захваченного судна, может рассчитывать на роскошную автомашину, новый дом или жену. По желанию он вправе получить «награду» наличными.

В настоящее время имеет место активное лоббирование охранными компаниями необходимости сопровождения вооруженной охраной торговых судов. Американские, британские и израильские охранные агентства уже ведут борьбу за эти рынки. Появились сообщения, что один из пионеров охранной отрасли хозяин британского агентства «Иджис» Тим Спайсер предложил властям Джибути и Йемена открыть «Центр контроля и командования» для борьбы с пиратами².

По нашему мнению, принятие жестких мер по отношению к пиратам, особенно в части оказания вооруженного сопротивления со стороны экипажей морских судов, может повлечь усиление насилия пиратов и увеличение жертв со стороны моряков и пассажиров. На слушаниях в Конгрессе США по борьбе с пиратством аналитики

¹ Как покончить с сомалийскими пиратами // Компас моряка. – 2010. – № 1 (январь). – С. 18-19.

² Как покончить с сомалийскими пиратами // Компас моряка. – 2010. – № 1 (январь). – С. 21.

заявили, что коммерческие суда, плавающие у африканского побережья, не должны иметь оружия, несмотря на то, что пираты продолжают все более нагло атаковать¹. Кристиан Менар, автор доклада о необходимости глобальной борьбы с пиратством, представленного в середине мая вниманию Национального собрания Франции, предупредил, что «чрезмерная вооруженность и агрессия» могут превратить океаны в «Дикий Запад»². На конференции в Куала-Лумпуре эксперты высказались против вооружения судов или размещения на борту вооруженных подразделений безопасности. По их мнению, такие меры, равно и как «агрессивный подход», только увеличат риск насилия и «гонку вооружений». Они рекомендуют применять водометы или электрические барьеры. «Мы против того, чтобы раздавать оружие членам экипажа для борьбы с пиратами, – заявил директор ММБ Потенгал Мукундан. – Мы также против размещения вооруженных подразделений на борту судов»³. Капитан Ричард Филлипс, который был захвачен в заложники сомалийскими пиратами и освобожден моряками ВМС США, отметил на слушаниях в Сенатском комитете по иностранным делам, что оснащение оружием экипажей торговых судов «не должно рассматриваться как наилучшее решение». Касаясь вопроса о возможности вооружения экипажей судов, Ричард Филлипс сказал: «Если мы будем двигаться в этом направлении, то я бы лично предпочел, чтобы только ограниченное число людей на борту имели доступ к огнестрельному оружию, и эти люди должны проходить специальную подготовку на регулярной основе»⁴.

Исходя из изложенного, следует отметить, что к вооружению экипажей судов и сопровождению судов вооруженными группа-

¹ Международная солидарность в вопросах борьбы с пиратством // Компас моряка. – 2010. – № 1 (январь). – С. 23.

² Как покончить с сомалийскими пиратами // Компас моряка. – 2010. – № 1 (январь). – С. 20.

³ Как покончить с сомалийскими пиратами // Компас моряка. – 2010. – № 1 (январь). – С. 22.

⁴ Международная солидарность в вопросах борьбы с пиратством // Компас моряка. – 2010. – № 1 (январь). – С. 23.

ми следует подходить очень осторожно, это может повлечь увеличение жертв среди экипажей судов и резкому усилению насилия со стороны пиратов.

8. Пиратство в Сомали представляет собой хорошо организованный, системный и иерархически выстроенный бизнес. Как указывает Н.Г. Маломуж, **это крупнейший преступный бизнес международного масштаба**¹. Разрушение структуры управления организации пиратами является главной задачей. Поэтому отдельным направлением является поиск организаторов и информаторов пиратов за пределами Сомали и нарушение управляемости организации пиратского бизнеса с использованием механизмов финансового мониторинга.

Борьба с пиратством должна проводиться путем активного и пассивного силового противодействия пиратству, проведением оперативных мероприятий, применением организационно-правовых мер. При этом, эффект может быть достигнут исключительно путем использования комплекса мероприятий.

Силовое противодействия пиратству может быть активным (операции на территории Сомали или за ее пределами по захвату и уничтожению пиратов, обеспечение контроля над территорией совместно с правительственными силами, проведение гуманитарной интервенции, блокирование пиратских судов, использование судов-ловушек) и пассивным (обеспечение безопасности в определенном районе Мирового океана путем патрулирования ВМС, создание коридора безопасности, сопровождение караванов судов, сопровождение отдельных судов силами ВМС, сопровождение судов группами безопасности). Эффективность силового противодействия пиратству будет определяться силами и средствами, привлеченными для этого и выбором тактики противодействия.

Кристиан Менар предлагает глобальный подход к решению проблемы противодействия пиратским нападениям с использованием, как «военных, так и гражданских» методов. «Международное

¹ Десятникова И. Интервью с Председателем Службы внешней разведки Н.Г. Маломужем.. / Факты. 19 февраля 2009 г.

сообщество должно осуществить глобальный подход к проблеме, совмещая военные и гражданские акции, как долгосрочные, так и краткосрочные»¹.

Дрёмин В.Н.

заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Национального университета «Одесская юридическая академия», руководитель Одесского центра по изучению организованной преступности и коррупции, к.ю.н., доцент

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ПРЕСТУПНОСТИ И МЕЖДУНАРОДНАЯ КРИМИНОЛОГИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Ведущие криминологи мира отмечают, что именно на рубеже тысячелетий для человечества становится реальностью глобальная социальная катастрофа как результат столкновения религиозных, политических, этнических, культурологических ценностей. Известный российский криминолог В.В. Лунеев в первом издании своего, без преувеличения, выдающегося труда «Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции» пишет: «После военной глобальной опасности над человечеством висят две другие: экологическая и криминальная. Прогноз последней – самый пессимистический, поскольку она связана не с агрессивными замыслами ограниченной кучки людей, не с технологией опасных промышленных производств, а с повседневной психологией миллионов людей из различных слоев общества — от бомжей до руководителей государства. Более того, и кровавые войны, глобальные или

¹ Как покончить с сомалийскими пиратами // Компас моряка. – 2010. – № 1 (январь). – С. 22.

локальные, и экологические катастрофы, и другие опасности чаще всего замешаны на криминале»¹.

Современное состояние криминологии характеризуется разнообразием концептуальных идей, относящихся к понятию преступности, её причинам, мерам сдерживания, личности преступника. Очевидно, что непрекращающиеся дискуссии по названным и иным криминологическим проблемам обусловлены не только возрастающей дерзостью отдельных преступников и неблагоприятными мировыми тенденциями в динамике и структуре преступности, но недостаточной эффективностью криминологических исследований.

Полярность криминологических концепций и неэффективность осуществляемых мер по контролю над преступностью существенно сказались на авторитете криминологической науки, вплоть до социального разочарования и финансового бойкота правительствами в отдельных западных странах². Однако ученые-криминологи в несравнимо меньшей степени ответственны за состояние преступности, чем правительства, требующие от них эффективных рекомендаций, но не желающие следовать им. Очевидно, что не прекращающиеся на протяжении многих десятилетий дискуссии по наиболее острым криминологическим проблемам обусловлены объективными тенденциями в динамике и структуре преступности, присущими всем странам мира.

Тем не менее, часть вины криминологи могут взять на себя. Многочисленные конгрессы и конференции по проблемам криминологии проводились в обстановке острого противостояния различных социальных систем. Ученым не удалось избежать идеологических пристрастий и крайностей: от доказывания функциональной полезности преступных деяний, до объявления главной причиной преступности «влияние империалистического лагеря» и «пережитков прошлого в сознании людей».

¹ Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции / В.В. Лунеев. – М. : НОРМА, 1997. – С.16.

² См. подробнее: Дзьомін В.М. Кримінологія: криза чи відродження? // Україна: становлення незалежності : матеріали Всеукраїнської науково-методичної конференції. – Одеса, 1993. – С. 70-72.

Американский исследователь преступности в постсоветских странах профессор Л. Шелли считает, что отсутствие единства в криминологии стало особенно очевидно с началом глобализации в 90-х гг. Вот почему, утверждает она, суждения, высказанные в открытой лекции доктора Хорста Шулер-Шпрингорума на X Конгрессе Международного Криминологического Сообщества в Гамбурге (Германия) в сентябре 1988 г. были бы более уместны сейчас, чем тогда: «К концу этой недели мы с вами придем к заключению, что криминология как тема настоящего Конгресса носит международный характер, что, впрочем, верно. Но нет ничего более далекого от истины. Вкратце, идея единого мира скрывает тот факт, что криминология все так же далека от единства вообще...»¹.

Обострение криминальной ситуации во всем мире, с одной стороны, и разнополярность криминологических теорий, с другой, поставили вопрос о социальной роли и функциях современной криминологии, столкнувшейся с необходимостью выйти за рамки национальных проблем и предложить миру концепции, отражающие специфику современной преступности. Одной из таких концепций может стать направление в криминологии, получившее название «международная криминология».

Как отмечают специалисты, преступность глобализируется и представляет реальную угрозу международной и национальной безопасности². Криминализируется мировая политика³. Исследованию преступности в этом контексте посвящены работы таких известных

¹ Shelly L. Crime as the Defining Problem: Voices of Another Criminology / L. Shelly / International Annals of Criminology : Annee, 2001 (volume 39-1/2).

² См.: Зелинская Н.А. Международные преступления и международная преступность : монография / Н.А. Зелинская. – О. : Юридическая литература, 2006. – 565 с.

³ Клейменов М.Л. Проблема глобализации уголовной политики / М.Л. Клейменов // Реагирование на преступность: концепции, закон, практика. – М. : Российская криминологическая ассоциация, 2002. – С. 12 – 16.

зарубежных криминологов, как Ф. Вильямс¹, А. Эдвардс, Дж. Пете², М. Пантелеоне³, Дж. Сандс⁴, Р. Гудзон, В.Дж. Олсен⁵, К. Фиджнаут⁶, Л. Шелли⁷, Дж.О.В. Мюллер.

Заметное место среди этих исследований занимают монография под редакцией Х.Е. Александра и Дж. Кайдена «Политика и экономика организованной преступности» (1985)⁸, а также монография, изданная под редакцией известного криминолога профессора Э. Виано «Глобальная организованная преступность и международная безопасность» (1999)⁹, а также книга под редакцией М.Р. Бердал, М. Серрано «Транснациональная организованная преступность и международная безопасность. Обычный бизнес?», отразившие мно-

¹ Williams Ph. *Transnational Criminal Organizations and International Security* / Ph. Williams // *Survival*. – Vol. 36. – No. 1. – 1994. – P. 96 –113; Williams Ph. *Transnational Criminal Organizations: Strategic Alliances* / Ph. Williams // *The Washington Quarterly*. – Vol. 18. – No. 1. – 1994. – P. 57 –72.

² Edwards A. The politics of “transnational organized crime”: discourse, reflexivity and the narration of “threat” / A. Edwards, G. Pete // *British Journal of Politics and International Relations*. – Vol. 4. – No. 2. – 2002. – P. 245 – 270.

³ Pantaleone M. *The Mafia and Politics* / M. Pantaleone. – London, Chatto & Windus Ltd., 1966.

⁴ Sands J. *Exploring Transnational Organized Crime in the Age of Globalization: A Case Study of the Colombian Cartels and Russian Mafias in Spain* / J. Sands // *Grotius*. – No. 1. – 2004. – P. 93 – 108.

⁵ Godson R, *International Organized Crime* / R. Godson, William J. Olsen / *Society*, Vol. 32. – No. 2. –1995. – P. 18-29.

⁶ Fijnaut C. *Organized Crime: A Comparison between the United States of America and Western Europe* / C. Fijnaut // *British Journal of Criminology*. – Vol. 30. – No. 3. – 1990. – P. 321– 340.

⁷ Shelley L. *Organized Crime and Terrorism* / L. Shelley // *Terrorism Financing and State Responses: A Comparative Perspective* / Eds. J. Giraldo, H. Trinkunas. – Stanford : Stanford University Press, 2007. – P. 39–55; Shelley L. *Global Crime Inc. Beyond Sovereignty: Issues For a Global Agenda. Second Edition* / L. Shelley, J. Picarelli, C. Corpora // Ed. by: M.C. Love. – The Catholic University of America, Thomson, Wadsworth. – 2003. – P. 143–166.

⁸ *The Politics and Economics of Organized Crime* / H.E. Alexander, G.G. Caiden (eds.). – Lexington, Massachusetts, Lexington Books / D.C. Heath and Company, 1985.

⁹ *Global Organized Crime and International Security* / E. Viano, C. (ed.). – Aldershot, Ashgate Publishing Limited, 1999.

жественность подхода к феномену глобализации и ее криминогенному влиянию¹.

Интернационализацию и политизацию преступности отмечали еще советские криминологи (в соответствующем времени идеологическом ракурсе). Академик И.И. Карпец в 1988 году называл преступность международным политически феноменом и писал об опасности сращивания мафии с монополистическими корпорациями, представителями правящей верхушки, напоминая, что «связи преступного мира с монополиями» и «участии в аферах представителей преступного мира на паритетных началах с правящими кругами и политическими деятелями»².

Политической преступности в контексте процессов глобализации и возрастания влияния международных преступлений посвящена монография профессора Н.А. Зелинской³, которая также в своих других работах обстоятельно охарактеризовала криминологические аспекты интернационализации, а фактически транснациональной институционализации общеуголовной преступности, создав тем самым теоретическую базу для определения предмета международной криминологии⁴.

¹ Translational organized crime and international security. Business as usual? / Ed. by M.R. Berdal, M. Serrano. – Lynne Rienner Publishers, 2002. – 243 p.

² Карпец И.И. Международная преступность / И.И. Карпец. – М. : Наука, 1988. – 112 с. – С. 19, 22.

³ См.: Зелинская Н.А. Политические преступления в системе международной преступности / Н.А. Зелинская. – О. : Феникс. – 394 с.

⁴ См.: Зелинская Н.А. Международные преступления и международная преступность: Монография / Н.А. Зелинская. – Одесса: Юридическая литература, 2006. – 568 с.; Зелинская Н.А. Международно-правовое определение транснационального организованного преступления / Н.А. Зелинская // Информационное обеспечение противодействия организованной преступности : сб. науч. статей / под ред. М.Ф. Орзиха, В.Н. Дрёмнина. – Одесса : ФЕНИКС, 2003. – С. 83–98; Зелинская Н.А. Транснациональное преступление и транснациональное право / Н.А. Зелинская // Актуальні проблеми політики : збірник наук. праць. – Вип. 15 / Відп. ред. Л.І. Кормич. – Одесса : Юридична література, 2002. – С. 287–293; Зелинская Н.А. Структура міжнародної злочинності / Н.А. Зелинская // Актуальні проблеми держави та права : зб. наук. праць. – Вип. 11 / Голов. ред. С.В. Ківалов. – Одесса : Юридична література, 2001. – С. 623–627 и др

В современных работах проблемам глобализации преступности уделяется существенное внимание. Так, в коллективной монографии, изданной коллективом авторов под редакцией профессора В.А. Номоконова, рассматривается глобализация как явление многоплановое и многофакторное, которое уже в силу этого имеет аверс и реверс, негативную и позитивную стороны. Акцент исследования сделан не только на глобализации преступности, но и самом процессе интеграции мировой экономики, который протекает весьма противоречиво и в настоящее время явственно приобретает криминогенный характер¹.

Большой вклад в понимание глобализационных аспектов криминализации внес российский криминолог профессор В.В. Лунеев, который во второе издание своего труда «Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции» (2005), включил главу «Глобализация и преступность». «Глобализационные процессы создают большие возможности для эскалации транснациональной преступности. При этом следует осознавать, что негативные и позитивные процессы глобализации не идентичны понятиям «криминогенные» и «антикриминогенные». Негативные экономические, социальные и организационные аспекты глобализации, как правило, способствуют совершению преступлений. Но криминогенностью могут обладать и некоторые, в целом, позитивные процессы. Это не означает, что позитивный процесс, обладающий некоторой криминогенностью, нежелателен. Речь идет об учете его криминогенности и возможной нейтрализации подобных свойств», – пишет В.В. Лунеев².

Профессор В.В. Лунеев акцентирует внимание на том, что организованная преступность и международный терроризм успешно используют глобализацию. Транснациональный характер этих наиболее опасных видов преступной деятельности является прямым

¹ Россия в фокусе криминальной глобализации : монография / под ред. В.А. Номоконова. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та. 2002. – 400с.

² Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции / В.В. Лунеев. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2005. – 912 с. – С. 141.

порождением глобализационных процессов. Глобализация представляет для транснациональных преступников и международных террористов исключительные возможности¹. Особый акцент В.В. Лунеев делает на том, что анализ соотношения двух разных явлений или двух разных исторических процессов; новейшего – глобализации мира и исторически очень древнего – криминализации общественных отношений в человеческом обществе – показывает, что криминологический аспект глобализации очень важен. Глобализация в целом криминологически многозначна. Как очень сложный и противоречивый социальный процесс, она одновременно может быть и криминогенной, и антикриминогенной. Причем криминогенность глобализации намного превышает ее антикриминогенные возможности². Говоря о криминологически значимых проблемах, В.В. Лунеев называет, прежде всего, проблему занятости и связанного с ней уровня жизни, проблему рынков финансовых спекуляций в глобализирующемся мире, а также проблему существенного снижения возможностей национальных правительств в управлении обществом, в предупреждении преступности и борьбе с ней³.

«При всех существенных расхождениях в уровне преступности в разных странах первой и определяющей тенденцией в мире является ее абсолютный и относительный рост в соотношении с численностью населения, показателями экономического развития, культуры и т.д. Есть достаточные основания утверждать, что за последнюю четверть века преступность в мире в расчете на население возросла примерно в 5 раз. Самый высокий уровень преступности и относительно высокие темпы ее прироста регистрируются в наиболее богатых и развитых демократических странах. Самая низкая преступность наблюдается в странах с тоталитарными (фашистскими, религиозно-фундаменталистскими, коммунистическими и другими авторитарными) режимами, где борьба с преступностью ведется, нередко, ее же методами. Но такой «эффективный» контр-

¹ Там же. – С. 125.

² Там же. – С. 126.

³ Там же. – С. 129–130.

оль является ничем иным, как некриминализованным злоупотреблением властей против своего народа, а точнее – государственным терроризмом. Жертвы таких злоупотреблений (государственного террора) многократно компенсируют низкий уровень уголовной преступности. За последнее столетие человечество загнало себя в криминальный капкан, из которого выхода пока не найдено», – констатирует В.В. Лунеев¹. Все это – реальные признаки глобализации преступности и глобализации мира в целом.

Знаменательно, что то же весьма выразительное словосочетание «криминальный капкан» используют для характеристики того состояния, в котором оказалось общество в начале третьего тысячелетия, В.Н. Бурлаков и Ю.Н. Волков. Авторы подчеркивают, что «общество «не способно обуздать интенсивно растущую и динамично приспособливающуюся к новым условиям преступность и при тоталитаризме, который компенсирует невысокий уровень общеуголовной преступности с размахом осуществляемой общественно опасной практикой подавления подлинных и мнимых политических противников с помощью внесудебной и часто незаконной уголовной репрессии, образующей с целом преступность государства². По мнению криминологов, преобладающей тенденцией в истории современной цивилизации был и остается постоянный рост преступности, и нет никаких оснований полагать, что она изменится в будущем. На этом фоне возможно прогнозировать развитие криминальной ситуации в рамках двух сценариев, по которым будет формироваться прообраз преступности в обществе с разными политическими режимами. Согласно первому из них продвижение в направлении демократии в будущем может привести к подчинению государства преступности, т.е. так называемая организованная преступность

¹ Лунеев В.В. Организованная преступность, уголовный терроризм в условиях глобализации / В.В. Лунеев // Социологические исследования. – 2002. – № 5. – С. 60–67.

² Бурлаков В.Н. Сценарии криминальной ситуации в России в связи с изменениями политического режима / В.Н. Бурлаков, Ю.Н. Волков // Политический режим и преступность / Под ред. В.Н. Бурлакова, Ю.Н. Волкова, В.П. Сальникова. – СПб : Юридический центр Пресс, 2001. – С. 66–93.

станет играть решающую роль в управлении обществом, появится государство организованной преступности. Согласно второму, если в обществе будут доминировать тоталитарные принципы, государство может превратиться в своеобразного монстра – полит-криминальное государство¹.

«Криминальное общество (среда) с развитием его международных связей и новым, транснациональным полем деятельности, а также все более частым использованием террора, при котором идут в ход угрозы применения радиоактивных и других опасных средств, глобализируется и противостоит уже не отдельному государству и обществу с существующим там режимом, но земной цивилизации вообще с ее культурой и другими ценностями... Основой криминальной глобализации, как минимум, являются, с одной стороны, высокая организованность преступников, глобализация их криминального интереса и поля деятельности, наличие у них масштабных ресурсов, как человеческих, так финансовых и иных материальных (оружия и т.п.), во-вторых, опережение глобальной криминализацией процессов цивилизованной глобализации, включающей действенную антикриминальную политику и позитивное сотрудничество», – заключает А.И. Долгова².

Эту позицию известного российского криминолога полностью разделяет американский криминолог профессор Л. Шелли: «Международная организованная преступность станет для политических деятелей одной из важнейших проблем XXI в. Эта проблема будет иметь такое же большое значение, как холодная война для XX в. и колониализм для XIX. В условиях, когда состояние общества, а также политических и финансовых систем многих стран ухудшается в результате постоянно растущей экономической мощи международных

¹ Там же.

² Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество / А.И. Долгова. – М. : Российская криминологическая ассоциация. 2003. – 572 с. – С. 427, 431.

организованных преступных групп, все аспекты международных отношений окажутся затронутыми этой проблемой»¹.

Возросшая в силу глобализационных процессов и увеличения числа акторов интенсивность международной жизни при явно отступающем ее правовом обеспечении оставляет все больше пространства для террористического насилия, – справедливо замечает В.Ф. Антипенко, глубоко изучивший в своей обстоятельной монографии «Борьба с современным терроризмом. Международно-правовые подходы» (2002) терроризм как составляющую социальных процессов международной жизни². «Международные отношения, – пишет В.Ф. Антипенко, – представляют собой сферу общественных отношений, хотя и своеобразную, со своей нередуцируемой спецификой. Одна из наиболее очевидных тенденций их развития состоит в возрастающей социализации, поскольку возрастает число акторов международных отношений. Помимо государств-наций, прочное место здесь заняли транснациональные корпорации, профессиональные ассоциации и частные группы, религиозные объединения и международная мафия, межнациональные сообщества и противоборствующие цивилизации, иммигранты и предприниматели, преступные «авторитеты», беженцы и другие»³. Нельзя не согласиться с В.Ф. Антипенко в том, что в нынешней геополитической ситуации возникает тенденция к возрастанию роли терроризма как эффективного инструмента реализации геостратегических решений и намерений⁴. При этом достаточно тревожно выглядит то обстоятельство, что Украина в условиях возрастающей геополитической напряженности оказывается в эпицентре противостояния за доминирование на глобальном уровне. При таких условиях часть

¹ Шелли Л. Электронный журнал Государственного департамента США / Л. Шелли. – Август 2001 г., Том 6, № 2. – <http://usinfo.state.gov/journals/itgic/0801/ijgk/gj06.htm>.

² Антипенко В.Ф. Борьба с современным терроризмом. Международно-правовые подходы / В.Ф. Антипенко. – Киев : ЮНОНА-М, 2002. – 723 с. – С. 124.

³ Там же. – С. 121.

⁴ Там же. – С. 33.

наших внутренних конфликтогенных факторов легко может обрести международное, глобальное содержание и трансформироваться в сферу террористической борьбы в ее наиболее радикальных формах¹.

Экономическая либерализация высвободила глобальные рыночные силы. Ситуация становится более сложной в условиях усиливающейся интеграции финансовых рынков². Преступность все чаще рассматривается в контексте глобализации мировых процессов, под которой понимается стремительное формирование единого общемирового финансово-информационного пространства на базе новых, преимущественно компьютерных технологий³.

Б. Ерасов писал: «В последние десятилетия XX в. социальный разлад и преступность, ставшие во многих странах обычным спутником имитационной модернизации, подчас перечеркивают все ее достижения во многих странах. Хорошо известно о гигантских финансовых и материальных ресурсах, сотнях миллиардов (и триллионах) долларов, составляющих доход криминального или полуправового мира. Даже в «нормальных» странах Европы на «теневую» экономику приходится до 10–20 % валового продукта. В «ненормальных» странах эта цифра поднимается до 40–50 и более процентов. Все эти ресурсы становятся достоянием «антисистемы», существующей как обратная сторона собственно цивилизованного устройства мира и одновременно как составная часть процесса глобализации⁴.

Глобализация явно носит противоречивый характер; наряду с позитивными она порождает и целый ряд негативных моментов, которые, прежде всего, бросаются в глаза тем, кто рассматривает ее

¹ Там же. – С. 61.

² Документ ООН А/62/303 – П. 28.

³ См.: Делягин М. Г. Мировой кризис. Общая теория глобализации. М., 2003.

⁴ Ерасов Б. Глобальный хаос и криминал как продукт крушения цивилизационного устройства / Б. Ерасов. – <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/global/challenge/globalchaos/#end6>

как предмет научного анализа¹. Отсюда вытекает, что глобализация представляет собой, с одной стороны, объективный процесс, а с другой – конкретную политику, проводимую в интересах определенных экономических и политических субъектов².

По словам сербского профессора З. Видоевича, «глобализация создает чудовищно реальный, могущественный и насильственный, нередко кровавый мир... Глобализация в ее нынешнем виде, может быть, создает синтез на технологическом уровне, но на уровне социальном и историческом – скорее антисинтез и отрицательную диалектику неуправляемых конфликтов»; «хаотизация, как и риск, – структурные составляющие современного мира.... Глобализация не в состоянии воспрепятствовать новой хаотизации и нарастающим рискам, несмотря на укрепление общемировых связей в технологической и экономической областях»³.

Наряду с экономической и политической глобализацией идет процесс криминальной глобализации в форме интенсивного развития транснациональной организованной преступности⁴. Глобализация преступности – оборотная сторона и составная часть процессов глобализации в различных сферах – технологии, политических методов, культуры. В отличие от процессов интеграции и даже транснационализации в 50 – 70-е годы, глобализация приняла «всесферный» и, главное, практически нерегулируемый (государством, границами, национальным законодательством) характер. При этом первыми к новым возможностям (в том числе и техническим) приспособились финансовые структуры и организованная преступность – с

¹ Шендрик А.И. Глобализация в системе культурологических координат / А.И. Шендрик // Московский гуманитарный университет. Журнал «Знание. Понимание. Умение», 2004, № 1. – http://www.knogg.net/2004_004.htm.

² Келле В.Ж. Процессы глобализации и динамика культуры / В.Ж. Келле // Московский гуманитарный университет. Журнал «Знание. Понимание. Умение», 2005, № 1. – http://www.knogg.net/2005_001.htm.

³ Видоевич З. Глобализация, хаотизация и конфликты в современном мире / З. Видоевич // Социологические исследования. – 2005. – № 4. – С. 25–32.

⁴ Лунеев В.В. Организованная преступность, уголовный терроризм в условиях глобализации / В.В. Лунеев // Социологические исследования. – 2002. – № 5. – С. 60 – 67.

наркобизнесом в авангарде. Сочетание меркантилизации, глобализации и отставания институциональной сферы процесса открыло невиданные возможности перед коррупционно-криминальным комплексом – возможности, умноженные информационным характером новой технико-экономической парадигмы и цивилизации¹.

«В конце XX века возникло новое явление – одновременная глобализация организованной преступности, террора и коррупции, проявления которой можно наблюдать во всем мире. Ее можно встретить не только в самых бедных странах Латинской Америки и Африки, но и в самом сердце процветающей Европы. Используя коррупцию в своих целях, преступные и террористические группировки, действующие сообща из приграничного района трех государств Латинской Америки, простирают свои щупальца повсюду – от региональных конфликтов в Западной Африке и бывшем Советском Союзе до тюрем в Западной Европе. Преступность и терроризм также пересекаются в Австралии, Азии и Северной Америке, о чем свидетельствуют многочисленные уголовные дела, – пишет профессор Л. Шелли². Вместе с тем, одновременная глобализация преступности, террора и коррупции представляет собой более сложное явление, чем простое обращение террористов к преступности для поддержки своей деятельности или простое увеличение потока незаконных товаров во всем мире. Скорее это положение, когда глобализованные преступные сети развивают тесное сотрудничество с террористами, и в результате те, и другие способны успешно осуществлять свою деятельность при пособничестве эндемической коррупции³.

Как подчеркивает В.А. Номоконов, глобализация преступности не просто сопровождает «мировую экономическую интеграцию», но и является ее прямым неизбежным следствием в силу того, что

¹ Майданик К.Л. От уголовной статьи к глобальной проблеме / К.Л. Майданик // Международный евразийский институт экономических и политических исследований. – http://www.iicas.org/articles/library/libr_rus_15_4_00_1te.htm

² Shelley L. The Globalization of Crime and Terrorism / L. Shelley // The Challenges of Globalization. – US State Dept. e-Journal. – February 2006.

³ Shelley L. The Globalization of Crime and Terrorism / L. Shelley // The Challenges of Globalization. – US State Dept. e-Journal. – February 2006.

она сама по себе есть глобальная криминогенная деформация мира. В литературе небезосновательно отмечается, что глобализация стимулировала появление «мафиозного мира»; итальянцы продают в Европе колумбийские наркотики, российские группировки покупают у якудза краденые автомобили, албанские банды перевозят азиатский героин для турецких наркокартелей. Транснационализация преступности особенно заметно проявляется в таких ее формах, как нелегальная миграция и торговля людьми; терроризм, торговля оружием, наркобизнес, коррупция, отмыwanie грязных денег и т.п.¹

Многие социальные вопросы переходят национальные границы. Экономическая либерализация порождает глобальные рыночные силы, меняющие относительные цены, потребительские возможности и структуры потребления, которые, в свою очередь, сказываются на работе, источниках существования и доходах людей. Разумеется, некоторые выигрывают, но другие страдают от этого, часто интенсивного, процесса изменений. Во многих странах либерализация торговли и перемещение производства в страны с более низкими уровнями зарплаты вследствие необходимости экономии средств отрицательно сказывается на некоторых группах населения. Хотя пока это касается, прежде всего, неквалифицированных рабочих, некоторые квалифицированные работники и специалисты также оказываются затронутыми такими явлениями, как расширяющаяся торговля профессиональными услугами и растущая иммиграция опытных специалистов из развивающихся стран. Хотя полное воздействие переноса производства в страны с низкими уровнями зарплаты носит сложный характер, это приводит к потере рабочих мест даже в промышленно развитых странах. В условиях глобализации экономика развивающихся стран становится еще более зависимой от экспортных рынков, особенно рынков развитых стран. В странах, добившихся быстрого роста, проиграли бедные, не имеющие активов, неграмотные, неквалифицированные трудящи-

¹ Номоконов В.А. Глобализация – криминологические аспекты / В.А. Номоконов // Владивостокский Центр по изучению организованной преступности. – www.waaf.ru/2k.htm

еся и представители коренных народов. Это произошло не только в результате начального экономического воздействия глобализации, но и вследствие ее косвенного воздействия. Ситуация становится более сложной в условиях усиливающейся интеграции финансовых рынков¹.

В легальной экономике это привело к созданию транснациональных корпораций, в криминальной сфере наиболее мощные национальные преступные организации стали осуществлять операции в международном масштабе, превратившись в «транснациональные преступные организации». Их появление, наряду с экономическими факторами, в частности, конъюнктурой рынка, обусловлено также необходимостью сокрытия их деятельности от правоохранительных органов и легализации доходов. В этих целях часть операций переносится в страны с более либеральным законодательством, в «отмывании» денег задействуются «налоговые убежища» и международные финансовые центры. Транснациональные криминальные корпорации сосредотачивают под своим контролем значительные финансовые средства, сопоставимые (или даже превосходящие) размеры валового национального продукта некоторых стран. В отдельных странах состояние экономики оказывается в значительной степени зависимым от действующих на их территории транснациональных криминальных корпораций в силу слабого развития легальной экономики². Создалась ситуация, в которой «успешно используют глобализацию организованная преступность и организованный терроризм. Транснациональный характер этих наиболее опасных видов преступной деятельности является прямым порождением глобализационных процессов. Глобализация представляет для транснациональных преступников и международных террористов исключительные возможности»³. Трансформация на-

¹ Документ ООН А/62/303.

² Иванов Э.И. Отмывание денег и правовое регулирование борьбы с ним / Э.И. Иванов. – М. : Российский Юридический Издательский Дом, 1999. – 176 с.

³ Лунев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции / В.В. Лунев. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2005. – 912 с. – С. 125.

циональной преступности в транснациональные международные формы в условиях интеграции политических, экономических, информационных и коммуникативных процессов является неотъемлемой частью глобализации¹.

Если вывести «за скобки» политическое насилие, можно сказать, что глобализация преступности сформировала феномен, наиболее часто называемый «транснациональная организованная преступность». Существуют, впрочем, и иные термины – международная организованная преступность, глобальная преступность, международная криминальная сеть, мультинациональная преступность, феномен «серого ареала» – *gray area phenomenon* (GAP).

Происходит делегализация мировой экономики. Формируется параллельный официальному, нелегальный мировой рынок, контролируемый организованной преступностью. Объем этого нелегального мирового рынка трудно измерить, но очевидно, что он отличается от размеров легального мирового рынка не более, чем на порядок и имеет тенденцию к росту². Годовой объем «грязных» денег, обращающихся в мировой экономике, можно оценить в несколько сотен миллиардов долларов. Это позволяет говорить о криминальном рынке как совокупности деловых операций, объектом совершения которых являются запрещенные к обороту товары и (или) субъектами которых являются лица, получающие доход незаконным путем³.

Объем глобального черного рынка неуклонно возрастает. Как справедливо отмечает профессор В.М. Попович, глобализация теневых процессов в сфере экономических отношений является

¹ Там же.

² Латов Ю.В. Экономика вне закона. (Очерки по теории и истории теневой экономики) / Ю.В. Латов. – М. : Московский общественный научный фонд, 2001. – www.ie.boom.ru/Latov/Monograph/Chapter3.htm

³ Малыков М.А. Криминальное распределение в экономике России / М.А. малыков // Проблемы борьбы с криминальным рынком, экономической и организованной преступностью : материалы конференции. – М., Российская криминологическая ассоциация. 2001. – С. 67 – 69.

проблемой мирового масштаба, а противодействие криминогенным теневым процессам является задачей всего мирового сообщества¹.

«В борьбе за контроль или распределение различного рода государственных и общественных ресурсов происходят агрессивные войны между государствами и внутренние «криминальные войны» между различными национальными и транснациональными преступными организациями (сообществами) или их представителями. В современных условиях и тем и другим для достижения поставленных целей не мешают национальные границы государств. Очевидно, не в меньшей степени происходит криминализация институтов гражданского общества – политических партий, блоков, объединений и иных общественных организаций, хозяйствующих субъектов различных форм собственности», – отмечает В.В. Колесников².

Международная организованная преступность «глобализировала» свою деятельность по тем же причинам, что и законопослушные транснациональные корпорации, которые открывают свои филиалы и отделения во всем мире, чтобы извлечь пользу из привлекательных рынков рабочей силы или сырья. То же самое делают и незаконные предприятия. Кроме того, международные предприятия, как законные, так и незаконные, также создают во всем мире свои подразделения для удовлетворения своих потребностей в производстве, маркетинге и дистрибуции. Незаконные предприятия способны расширять географию своей деятельности, чтобы воспользоваться этими новыми экономическими условиями, созданными благодаря революции в сфере связи и международного транспорта. Террористы также «глобализировались», используя свою способность привле-

¹ Попович В.М. Економіко-кримінологічна теорія детінізації економіки : монографія / В.М. Попович. – Ірпінь : Академія державної податкової служби України, 2001. – 524 с. – С. 487.

² Колесников В.В. Экономическое развитие общества и преступность / В.В. Колесников // Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью : монография / Науч. ред. В.Н. Бурлаков, Б.В. Волженкин. – СПб : Издательский Дом С.-Петербург. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петербург. гос. ун-та, 2005. – С. 267-350.

кать в свои ряды новых членов в международных масштабах, чтобы быть ближе к диаспорам, которые могут оказывать им техническую и финансовую помощь, и иметь доступ к более богатым общинам¹.

Расширение международных криминальных связей приводит к институционализации транснациональной преступности на глобальном уровне и становлению мирового преступного социума. Г. Гевелинг утверждает, что в результате возникает ситуация господства равнозначных, или близких по своему социальному смыслу, деструктивных явлений в различных частях планеты. Кажущийся парадокс этого феномена заключается еще и в том, что заметно отстающие в своем экономическом развитии страны могут оказаться продуцентами наиболее изощренных и сложных в технико-организационном отношении видов преступной деятельности².

Международный терроризм, глобализация коррупции и организованной экономической преступности, мировая торговля оружием и наркотиками, мафиозная бандократия, катастрофическое падение нравов, принимают в конце XX века эстафету криминализации общества, начавшуюся мировыми войнами и революциями в начале века. Ни одна страна мира не в состоянии справиться в одиночку с гигантским цунами глобальной криминализации общества³.

В своем докладе, озаглавленном «Более безопасный мир: наша общая ответственность», созданная ООН «Группа высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам» отметила, что сегодня угрозы безопасности (включая терроризм и организованную преступность) взаимосвязаны больше, чем когда-либо ранее⁴.

¹ Shelley L. The Globalization of Crime and Terrorism / L. Shelley // The Challenges of Globalization. – US State Dept. e-Journal. – February 2006.

² Гевелинг Л.В. Деструктивные формы организации власти (клеттократия, лутократия, плутократия в политической жизни африканской страны) : курс лекций / Л.В. Гевелинг // Текстовое (символьное) электронное издание. – Москва : ИСАА при МГУ, 2004.

³ См.: Дубнов А.П. Философия преступности: проблемы криминализации российского общества / А.П. Дубнов, В.А. Дубовцев. – Екатеринбург, ЗАО «Издательский дом «ЯВА», 1999 г. – 96 с.

⁴ Документ ООН А/59/565, п. 17.

Между тем, на международной сцене терроризма появились новые и опасные действующие лица. Уровень нестабильности и сопутствующего такой нестабильности насилия усиливается вследствие повышения международного политического значения и роста активности общеуголовных преступных организаций. Организованная преступность (торговцы оружием, наркомафия) использует террористические акты как средство извлечения дополнительной прибыли и достижения политического влияния. Обнаруживается зловещая тенденция – возрастающее значение аполитичных групп, пришедших к терроризму в целях финансовой выгоды и рассматривающих террористические действия как часть преступного бизнеса¹. Часть таких групп преследует также и политические цели, однако главная цель их политической деятельности – увеличение прибыли путем дестабилизации обстановки в странах и регионах, где они проводят свои операции. Такая дестабилизация позволяет им приобретать существенное (если не определяющее) влияние на официальные власти этих стран. Вести борьбу с такими преступными группами особенно трудно, так как они обладают огромными материальными и финансовыми ресурсами, приобретенными незаконной торговлей оружием и наркотиками, а также из-за их способности контролировать (влиять, управлять или деморализовать) власти стран, где они действуют. Имеются серьезные основания опасаться, что преступные режимы, организованные ими террористические группы или независимые террористические организации будут иметь реальную возможность ядерного терроризма. Кроме того, существует опасность высокотехнологичного терроризма с использованием разнообразных способов нападения на тонкую и взаимозависимую инфраструктуру современного общества².

¹ Дрёмин В.Н. Уголовный терроризм как фактор организованной преступности / В.Н. Дрёмин // Юридична освіта і правова держава : зб. наук. праць. – О., 1997. – С. 219-224.

² Зелинский С.А. Международный терроризм: политические источники и движущие силы / С.А. Зелинский // Актуальні проблеми політики : збірник наукових праць. – Вип.8. – Одесса : Юридична література. – 2000. – С. 134 – 138.

Один из основных видов деятельности организованных преступных групп – незаконный оборот наркотиков – влечет за собой значительные последствия для безопасности. По оценкам, преступные организации получают в год от 300 до 500 млрд. долл. США за счет наркоторговли, которая является их самым крупным источником доходов. В некоторых регионах огромные прибыли, получаемые от этого вида деятельности, соперничают даже с ВВП некоторых стран, тем самым создавая угрозу для государственной власти, экономического развития и верховенства права. Наркоторговля благоприятствует все более широкому внутривенному использованию героина, что в некоторых частях мира привело к тревожному распространению вируса ВИЧ/СПИДа. Существует все больше доказательств связи между финансированием террористических группировок и доходами от опия, что особенно заметно в Афганистане¹.

Понимание того, что между терроризмом и другими формами преступности существует взаимосвязь, сформировалось в 80-е годы, когда был введен в употребление термин «наркотерроризм» применительно к террористическим актам, совершаемым в Колумбии и Перу крупными организациями, занимающимися наркоторговлей. В этих случаях был сделан вывод о существовании прямой связи между преступными организациями и террористической деятельностью. Как утверждается, с тех пор такое взаимодействие стало активным и между террористическими организациями и организованной преступностью существует взаимосвязь, одной из причин которой является то, что большинство террористических организаций были вынуждены стать более самостоятельными. Растущая глобальная взаимозависимость организованной преступности – с ее колоссальными ресурсами и способностью перемещать денежные средства, обмениваться информацией, использовать современную технологию и манипулировать ею и бесконечно выбрасывать товары на черные рынки – раз и навсегда изменила методы, которыми террористы пользуются в своей деятельности. Террористы всегда

¹ Документ ООН А/59/565. – П. 166.

искали способы для проникновения в международные круги, имеющие власть и влияние. Современная ситуация радикально изменилась в том плане, что террористические группы, изначально мелкие и незначительные, могут объединять усилия с миром организованной преступности и получать тем самым рычаги для непропорционально большого влияния». Объединяя ресурсы и знания, обе группы резко увеличивают свой потенциал для причинения вреда¹.

География производства и распространения наркосредств обширна. По некоторым данным, в мировом наркобизнесе принимают участие около 1,8 млн. человек. Крупнейшими производителями кокаина являются страны «андской» группы – Перу (100–300 тыс. гектаров плантаций коки, 300–1000 тонн кокаингидрохлорида в год), Боливия (70 тыс. гектаров и 200–300 тонн), Колумбия (25–60 тыс. гектаров, 40–160 тонн). Значительная часть перуанского и боливийского сырья перерабатывается в Колумбии, откуда кокаин поступает на рынки стран мира. Контроль над производством и сбытом кокаина осуществляют, в основном, два наркокартеля: калийский и медельинский (Колумбия). Три страны (Перу, Боливия и Колумбия) получают за счет торговли наркотиками около 1,9 млрд. долларов в год. Основными районами выращивания опийного мака являются страны «Золотого треугольника» в Юго-Восточной Азии и «Золотого полумесяца» в Юго-Западной Азии. При этом 90% мирового производства опиума приходится на Бирму, Лаос, Иран, Афганистан и Ливан. В странах «Золотого полумесяца» (Пакистан, Иран, Афганистан) производится около 60–70% героина, продаваемого на Западе. Именно Афганистан к середине 90-х годов превратился в крупнейшего производителя опиума в мире².

Под влиянием глобальной кампании по борьбе с терроризмом, развернувшейся после событий 11 сентября 2001 г., внимание к характеру и масштабу связи между террористическими группировками и транснациональной организованной преступностью в контек-

¹ Документ ООН A/CONF.203/5.– П. 4,5

² Мухин А.А. Российская организованная преступность и власть. История взаимоотношений / А.А. Мухин. – М. : ЦПИ, 2003. – 384 с. – С. 58 – 59.

сте международных отношений (в частности, в связи с проблемой локально-региональных конфликтов), значительно повысилось.

Питательной средой глобальной криминализации общества являются этнические конфликты – древнейшая форма социальных конфликтов, сопровождающая всю человеческую историю. По мнению многих специалистов, именно этнический конфликт предстает наиболее фундаментальным явлением в истории человечества, а остальные виды конфликта играют второстепенную роль. Националистический терроризм сепаратистских групп имеет целью достижение политической и экономической обособленности. С националистическим весьма часто смыкается религиозный терроризм. Он отличается крайней жестокостью и высоким уровнем аутоагрессивности. В этнополитическом терроризме религиозная мотивация имеет существенное значение, поскольку религия тесно связана с традициями этноса и его духовным самовыражением. Религия все больше становится мощным идеологическим оружием в процессе политической борьбы, вследствие чего многие проявления политического экстремизма и терроризма приобретают псевдорелигиозную мотивацию¹.

Меры реагирования на организованную преступность в ходе и после конфликтов носят децентрализованный и фрагментарный характер. В послевоенный период бывшие комбатанты стремятся использовать криминальные связи и специальные знания, полученные в ходе войны, тем самым подрывая международные усилия по миростроительству. Укрепившаяся коррупция, использование насилия для защиты преступной деятельности и тесные связи между

¹ См.: Зелинский С.А. Истоки терроризма: этнополитические концепции / С.А. Зелинский // Актуальні проблеми : зб. наук. праць. – Вип. 14. – Голов. ред. С.В. Ківалов. – Одесса : Юридична література, 2002. – С. 80–83; Зелинский С.А. Этнополитическая и псевдорелигиозная мотивация терроризма / С.А. Зелинский // Актуальные проблемы криминологии и криминальной психологии : сб. науч. статей. Б-ка журн. «Юридический вестник». – О. : ФЕНІКС, 2007. – С. 174–179.

преступными предприятиями и политической элитой препятствуют созданию эффективных государственных институтов¹.

Крупномасштабная контрабанда оружия способна порождать региональные конфликты и подпитывать их. Ожидается, что торговля наркотиками и нелегальный провоз людей через государственные границы будет все дороже обходиться людям, а число государств, откуда и куда направлены соответствующие потоки, будет постоянно расти. Распространение сетей международной проституции и порнографии имеет серьезные последствия для общества и здоровья людей. Незаконная торговля древесиной, а также редкими видами растений и животных и ядерными отходами уже нанесла серьезный ущерб мировой окружающей среде. Огромные прибыли различных международных организованных преступных групп, отмываемые на международных финансовых рынках, подрывают безопасность мировой финансовой системы. Тем временем, конкурентоспособность законных деловых предприятий снижается в связи с участием организованной преступности в промышленном и технологическом шпионаже².

Глава Управления ООН по наркотикам и преступности Антонио Мария Коста заявляет, что арсеналы стрелкового оружия и боеприпасов в мире таковы, что их достаточно для того, чтобы дважды убить каждого человека на планете. «В результате применения стрелкового оружия ежедневно гибнет более тысячи людей. Оно стало доминирующим видом вооружений в 46 из 50 конфликтов, произошедших с 1990 года. 90% жертв этого оружия – гражданские лица, а 80% – женщины и дети», – говорится в заявлении. На сегодняшний день в обращении находится около миллиарда единиц разного вида огнестрельного оружия, три четверти его принадлежит гражданским лицам. Несмотря на изобилие и доступность стрелкового оружия, в мире ежегодно производится во-

¹ Документ ООН A/59/565. – П. 169.

² Шелли Л. Электронный журнал Государственного департамента США / Л. Шелли. – Август 2001 г., Том 6, № 2. – <http://usinfo.state.gov/journals/itgic/0801/ijgk/gj06.htm>.

семь миллионов новых единиц такого оружия и миллиарды единиц боеприпасов, сообщила ООН. В странах Африки именно стрелковое оружие является одним из главных убийц, его незаконные поставки подпитывают конфликты, коррупцию и терроризм, а также подрывают международные усилия по укреплению мира и развития», – говорится в сообщении¹. Террористические и преступные организации действуют нелегально и часто в одном и том же географическом районе, где государственные институты ослаблены или отсутствуют вовсе и процветает беззаконие².

Террористические группы нередко занимаются незаконной торговлей наркотиками и огнестрельным оружием, контрабандным провозом мигрантов и эксплуатацией нелегальных рынков в других формах для того, чтобы обеспечить средствами террористическую деятельность³. В ряде случаев происходит слияние и образуются организации гибридного типа, члены которых, наряду с достижением сугубо политических или идеологических целей, стремятся извлечь прибыль посредством противозаконной деятельности и ради этого готовы прибегнуть к массовому насилию – как целенаправленному, так и беспорядочному. Наиболее ярко это проявляется в тех многочисленных странах, где налицо ослабление или кризис государственной власти, и государствах, втянутых в военный конфликт. Например, в некоторых странах участие воюющих сторон в наркобизнесе позволяло извлечь прибыли, которые способствовали не только продолжению конфликта, но и его эскалации вследствие более ожесточенной борьбы за деньги, полученные преступным путем. В некоторых из этих случаев на первый план выходит организация гибридного типа – отчасти преступная группа, отчасти террористическая группа и отчасти группа наемников⁴.

Группировки, участвующие в локальных и локально-региональных конфликтах, как правило, испытывают острую по-

¹ <http://www.vz.ru/news/2008/3/8/150751.html>.

² Документ ООН A/CONF.203/5

³ Документ ООН A/CONF.203/5

⁴ Документ ООН A/CONF.203/5. – П. 17

требность в финансировании и ищут способы обеспечить себя и свое участие в вооруженных действиях – в первую очередь за счет различных видов теневой экономической деятельности. В годы «холодной войны» многие негосударственные вооруженные группировки имели значительные внешние источники финансирования (прежде всего, со стороны государств, противоборствующих военно-политических блоков), а в сфере теневой экономики предпочитали действовать через криминальных посредников. Однако в конце XX в. структура финансирования этих группировок претерпела существенные изменения. В условиях сокращения зарубежной финансовой и военной помощи повстанческие и другие негосударственные вооруженные группировки не только активизировали свое участие в различных сферах теневой экономики, но и все чаще стали стремиться к ведению криминального бизнеса в обход посредников – организованных преступных группировок – с целью максимизации доходов от нелегальной деятельности¹. Террористические группировки часто в значительной мере обеспечивают свое финансирование способами, сходными с теми, которые применяются транснациональными преступными организациями.

Одним из наиболее эффективных способов достижения финансовой самостоятельности для таких организаций стало налаживание более тесных связей с преступным миром и более широкое, чем ранее, использование криминальных возможностей, в частности, связанных с наркобизнесом. Ведение классической партизанской войны связано с контролем над определенной территорией – как правило, отдаленными сельскими или горными районами, не контролируруемыми государственной властью. В наркопроизводящих регионах именно эти районы зачастую используются для возделывания наркокультур. В этих условиях подключение повстанцев к контролю над наркопроизводством практически неизбежно. Теснее всего с наркопроизводством связаны именно те повстанческие движения, которые в той или иной мере продолжают

¹ Степанова Е.А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма / Е.А. Степанова. – М. : Весь Мир, 2005. – С. 258.

вести традиционную партизанскую войну, в течение длительного времени контролируют определенную территорию и хотя бы частично отражают интересы местного крестьянства. Модернизация таких движений, в том числе распространение сферы их активности на городскую среду, служит дополнительным стимулом к расширению их участия в контроле над наркопроизводством и местной наркоторговлей. По мере того, как вооруженное противостояние приобретает все более затяжной характер, а его интенсивность и вероятность реализации политических целей тех или иных участников конфликта снижается, возможность их постепенной политико-идеологической деградации и криминализации, напротив, возрастает. При этом вероятность того, что криминализация негосударственных участников вооруженных конфликтов достигнет критической точки, наиболее высока в двух случаях. С одной стороны, в случае военного разгрома вооруженной оппозиции ее остатки часто бывают вынуждены переключиться на криминальную деятельность. С другой стороны, в случае успеха мирного процесса, когда более умеренные (как правило, основные) оппозиционные силы включаются в политический процесс, постепенно демилитаризируются и интегрируются в мирную жизнь, более радикальные – как правило, более мелкие или отколовшиеся группировки, оставшиеся или выведшие себя за рамки мирного процесса, становятся все более изолированными, практически теряют какую-либо общественную поддержку и «с головой» погружаются в теневую экономическую деятельность, зачастую рассматривая ее как единственный способ выжить¹.

Е.А. Степанова совершенно справедливо обращает внимание на то, что значительные слои населения, напрямую не участвующие в конфликте, но в полной мере испытывающие на себе его последствия, и вынуждены искать способы экономической адаптации к условиям конфликта, в том числе путем участия в теневой экономической деятельности (например, сотни тысяч крестьян –

¹ Степанова Е.А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма / Е.А. Степанова. – М. : Весь Мир, 2005. – С. 258, 264.

непосредственных производителей опийного мака и коки)¹. Безработица, нищета, неравенство и жизненные тяготы – вот что способствует политизации преступников и радикализму в их действиях. В случае дальнейшей политизации организованной преступности и перехода к радикальным формам в действиях «переквалификация» наркоторговцев в террористов, а преступных структур в террористические группы может стать более частым явлением. Эти трансформации могут быть названы, соответственно, коммерциализацией террористических (или повстанческих) организаций и политизацией преступных организаций².

«Транснациональная организованная преступность – пишет А.Л. Репецкая, – исключительно опасная разновидность социальной патологии, которая становится одной из главных угроз мировому обществу, его демократическому и экономическому развитию в XXI веке. Во всем мире это явление принимает глобальный характер, его масштабы и разрушительное влияние в последние годы представляет собой силу, угрожающую социально-экономическому развитию любого из государств³». Л.А. Репецкая рассматривает транснациональную организованную преступность как явление по своей природе экономическое, утверждая, что по сути – это одна из отраслей экономики, производящая и поставляющая на мировые рынки незаконные товары и услуги, либо законные товары незаконным способом, и инвестирующая полученный в итоге капитал, в том числе и в законные сферы экономики⁴.

По мнению Л.А. Репецкой, транснациональная организованная преступность может рассматриваться как функционирование преступных организаций и сообществ, имеющих разветвленную сеть в других странах, использующих международные связи для постоянного осуществления глобальных незаконных операций, связанных с

¹ Там же.

² Документ ООН A/CONF.203/5.– П. 21

³ Репецкая Л.А. Транснациональная организованная преступность: характеристика, причины, стратегии контроля / Л.А. Репецкая. – Иркутск : Изд-во ТГЭА, 2001. – С. 3.

⁴ Там же.

перемещением потоков информации, денег, физических объектов, людей, других материальных ценностей и нематериальных средств через государственные границы с целью использования благоприятной рыночной конъюнктуры в одном или нескольких иностранных государствах для получения существенной экономической выгоды, а также для эффективного уклонения от социального контроля с помощью коррупции, насилия и использования значительных различий в системах уголовного правосудия разных стран»¹.

Типичной характеристикой транснациональной преступной деятельности, помимо глобального масштаба, Л.А. Репецкая называет ее постоянный, многообразный характер, а также сходство с действием крупнейших легальных корпораций². Среди основных направлений деятельности транснациональной организованной преступности Л.А. Репецкая исследует индустрию наркобизнеса, незаконный оборот оружия, контрабанду незаконных мигрантов, торговлю женщинами для секс индустрии, кражу и контрабанду автомобилей, транснациональную преступную деятельность, осуществляемую с использованием компьютерных и информационных сетей, нелегальную торговлю флорой и фауной, кражу и незаконный ввоз культурных ценностей, нелегальную торговлю флорой и фауной, нелегальную торговлю радиоактивными материалами, торговлю органами человеческого тела для трансплантации, «легализацию» преступных доходов³. Анализ видов транснациональной организованной преступной деятельности приводит автора к выводу, что «большинство видов включают в себя торговлю либо незаконными продуктами и услугами, либо законными продуктами, полученными преступным путем⁴.

Транснациональная преступная деятельность охватывает широкий диапазон действий как в законном, так и в незаконном секторах экономики. Некоторые группы функционируют, прежде всего, в

¹ Там же. – С. 14

² Там же. – С. 15.

³ Там же. – С. 56 –101.

⁴ Там же. – С.101.

незаконном секторе (например, группы, занимающиеся незаконным оборотом наркотиков, тогда как другие, в поисках высокой прибыли, внедряются в оба сектора экономики). Отмывание денег и коррупция являются взаимосвязанными видами преступной деятельности, жизненно важными для функционирования транснационального криминального бизнеса. Обострение региональных конфликтов предоставляют транснациональным организованным группам огромный рынок стрелкового оружия. В некоторых случаях, преступные организации разжигают и стимулируют региональный конфликт, чтобы увеличить спрос на оружие (в частности, в Африке, на Балканах, в Латинской Америке, в Азии). Транснациональная преступная деятельность не может выжить исключительно в незаконной сфере. Ее прибыль должна быть перемещена в законную экономику. Кроме того, она нуждается в коррупции, чтобы обезопасить себя от уголовного преследования, получать прибыльные контракты и т.п.

Отмывание денег – необходимый элемент деятельности транснациональных преступных организаций, получающих прибыль. Эта прибыль оставалась бы, в значительной мере, бесполезной, не будучи помещенной в законную глобальную финансовую инфраструктуру. Следовательно, почти все транснациональные преступные организации участвуют в тех или иных формах отмывания денег. Объем глобального отмывания денег постоянно увеличивается, однако точных его оценок нет, цифры колеблются от 500 млрд. дол. США до 1 триллиона дол. США ежегодно. По существу, отмывание денег – это мост, который соединяет незаконную и законную глобальные экономические системы¹.

Финансирование терроризма – это, по существу, явление, противоположное отмыванию денег: это не легализация незаконных прибылей, а скорее использование законных денег для организации терактов. Хотя часть финансовых средств террористов и не проходит через все стадии классической схемы отмывания денег, их

¹ Shelley L. Global Crime Inc. Beyond Sovereignty: Issues For a Global Agenda. Second Edition / Shelley L., J. Picarelli, C. Corpora // Ed. by: M.C. Love. – The Catholic University of America, Thomson, Wadsworth. – 2003. – P. 143–166, 146–149.

финансовые операции бывают нередко связаны с противозаконной деятельностью, такой, как использование сумм, пожертвованных на благотворительные нужды, для финансирования терактов, а также несоблюдение требований финансовой отчетности и правил валютного регулирования¹.

Финансирование терроризма становится все более децентрализованным. Средства поступают от некоммерческих организаций, подставных компаний, спонсоров. Террористы перемещают деньги с помощью банков, благотворительных фондов, альтернативных систем перевода, телеграфных и электронных транзакций, обмена валюты, курьеров. На финансирование терроризма отчасти направляются средства, получаемые от незаконной торговли оружием и оборота наркотиков. В Колумбии, например, расследуются многочисленные случаи, указывающие на связь между экономическими преступлениями, отмыванием денег, оборотом запрещенных наркотиков и огнестрельного оружия и террористической деятельностью. Вполне вероятно, что для дестабилизации национальной экономики были сформированы альянсы между группами, преследующими политические и идеологические цели, и наркоторговцами. В Швейцарии осуществлялись уголовные расследования в отношении членов террористических организаций, обвиненных в рэке, вымогательстве, отмывании денег и обороте наркотиков. В Германии проводились расследования, показавшие, что сообщения о подозрительных сделках могут сыграть большую роль в раскрытии источника финансирования террористической деятельности. В некоторых случаях речь шла о мошеннических операциях с кредитными картами, торговле людьми и правонарушениях, связанных с наркотиками².

В некоторых государствах, где переводить деньги или другие ценности разрешается только лицензированным учреждениям или зарегистрированным банкам, альтернативные системы перевода средств изначально считаются нелегальными и подпольными фор-

¹ Документ ООН A/CONF.203/5. – П. 42

² Документ ООН E/CN. 5/2002/2 .

мами банковской деятельности. В других государствах они являются законными финансовыми структурами, возникшими задолго до появления современных банковских услуг¹. После 11 сентября 2001 года неформальные системы денежных переводов, особенно хавала, вызывают пристальное внимание, обусловленное тем, что анонимность, обеспечиваемая этими системами, создает возможность их использования в целях финансирования террористов.

Недавно опубликованные данные свидетельствуют о значительном росте числа сообщений о случаях отмывания денег, хотя такое увеличение отчасти объясняется существующими в различных юрисдикциях более строгими требованиями к предоставлению информации. Межведомственный орган по борьбе с финансовыми преступлениями (ФинСЕН) при министерстве финансов Соединенных Штатов опубликовал подборку данных, собранных на основе сообщений о подозрительной деятельности (СПД), представляемых депозитными и другими финансовыми учреждениями. На декабрь 2003 года в ФинСЕН было представлено свыше 1,5 млн. бланков СПД, или на 45 % больше, чем в 1996 году. В докладе Европола об организованной преступности за 2004 год также подчеркивается, что «все государства-члены, сообщающие об отмывании денег, отмечают увеличение числа подозрительных денежных переводов и случаев отмывания денег, причем чаще всего для этого по-прежнему используются такие методы, как денежные переводы, приобретение земли и недвижимости». В докладе делается вывод о том, что «число операций, связанных с возможным отмыванием денег путем денежных переводов через систему депонирования наличности, возрастает. Держателями счетов часто являются фиктивные лица (использующие, например, фальшивые удостоверения личности и «подставные компании»), а деньги снимаются с помощью фальшивых банковских карточек, что еще больше усиливает анонимный характер операций»².

¹ Документ. ООН А/CONF.203/13.

² Документ ООН А/CONF.203/7. – П. 18.

Государства предпринимают меры по противодействию финансированию терроризма. Так, Швеция приняла новый Закон о наказании за финансирование серьезных преступлений, который вступил в силу 1 июля 2002 года. Этот закон предусматривает наказание за сбор, предоставление или получение денег или других средств с намерением, чтобы они использовались или при осознании того, что они будут использованы для совершения таких серьезных преступлений, которые международные конвенции классифицируют как терроризм. Подлежит наказанию также попытка совершения таких преступлений. Как и в случае подозрений в отмывании денег, банки и финансовые учреждения обязаны отслеживать операции, в отношении которых могут возникать подозрения в том, что в них вовлечены средства, которые будут использоваться для финансирования серьезных преступлений, и сообщать о таких операциях полиции¹.

Парламент Дании принял Закон № 378 (2002) о порядке осуществления Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма. Швейцария Федеральным законом от 21 марта 2003 года внесла в свой Уголовный кодекс изменения, касающиеся осуществления Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма. В Испании был принят Закон № 12/2003 о предупреждении и блокировании финансирования терроризма и Органический закон № 4/2003 от 21 мая, который дополняет Закон о предупреждении и блокировании финансирования терроризма. В законе № 12/2003 признается, что «терроризм является одним из серьезнейших посягательств на мир, безопасность и стабильность демократического общества», и утверждается, что «одним из основных аспектов предупреждения совершения террористических актов является прекращение финансовых потоков, которыми пользуются террористические организации»².

Закон «PATRIOT ACT», принятый Конгрессом США в 2001 г. при безоговорочной поддержке обеих основных политических пар-

¹ Документ ООН S/2004/476.

² Документ ООН S/2004/523.

тий, направлен на создание механизмов, необходимых для предотвращения и пресечения терроризма. Он дополняет собой анти-террористическое законодательство Соединенных Штатов с учетом проблем, создаваемых новыми технологиями и новыми угрозами и обеспечивает возможности для расширения обмена информацией между государственными учреждениями для целей проведения расследований по вопросам, имеющим отношение к терроризму. В Законе предусмотрено, что казначейство должно распространить действие своего режима борьбы с отмыыванием денег на все финансовые учреждения, указанные в Законе о банковской тайне. В Законе о банковской тайне дается широкое толкование финансовых учреждений, к числу которых относятся депозитарные учреждения; брокеры, осуществляющие операции с ценными бумагами; брокеры по фьючерсным сделкам; паевые инвестиционные фонды; страховые компании; инвестиционные компании; бюро путешествий; дилеры по торговле драгоценными камнями, металлами и ювелирными изделиями; и торговцы автотранспортными средствами. В частности, разделом 352 закона предусматривается, что во всех финансовых учреждениях должна существовать программа по борьбе с отмыыванием денег.

Кроме того, была предпринята реорганизация ФБР в целях совершенствования деятельности по борьбе с финансированием терроризма. В связи с тем, с финансированием терроризма тесно связано с отмыыванием денег, Федеральное бюро расследований Соединенных Штатов (ФБР) наделяется необходимыми средствами для всестороннего расследования случаев отмыывания денег, связанных с терроризмом. На начальных этапах расследования нападений 11 сентября ФБР и министерство юстиции указали на настоятельную необходимость в централизованном подходе к вопросам борьбы с финансированием терроризма. ФБР создала Межучрежденческую группу по обзору вопросов финансирования терроризма, которая находится в штаб-квартире ФБР. Эта Группа свела воедино обширные базы финансовых, разведывательных и других данных и обеспечила к ним доступ для специалистов по проведению расследований из

различных федеральных учреждений. Она входит в Отдел ФБР по борьбе с терроризмом и располагает мощными ресурсами для расследования финансовых операций и интересов террористических организаций. Впоследствии Группа была расширена и получила название «Отдел по борьбе с финансированием террористических операций».

В рамках принятых Великобританией мер в ответ на нападения 11 сентября 2001 года была создана Контактная группа по финансовым услугам (КГФУ). КГФУ обеспечивает эффективный двусторонний диалог между сектором финансовых услуг и правоохранительными/разведывательными органами, чтобы перекрыть террористическим организациям доступ к финансовым системам и товарам. КГФУ создала подразделения по связи со многими секторами финансовой отрасли, включая страхование, банковские инвестиционные операции и финансовое обслуживание частных клиентов. Кроме того, КГФУ поддерживает особо тесные связи с сектором банковского обслуживания физических лиц на предмет профилирования и оказания помощи этому сектору в деле выявления подозрительных финансовых операций, потенциально связанных с терроризмом, и направления уведомлений о таких операциях. В целях повышения эффективности режима уведомлений о подозрительных операциях в деле пресечения доступа террористических организаций к финансовым системам Соединенного Королевства КГФУ принимает меры для охвата в рамках своей программы информационно-разъяснительной работы дополнительных уязвимых секторов финансовой отрасли (включая учреждения кредитно-финансового обслуживания и эмитентов кредитных карт) в целях обеспечения того, чтобы в этой отрасли были своевременно введены соответствующие индикаторы деятельности, связанной с финансированием терроризма. К числу органов, которые постоянно находятся на переднем крае борьбы с финансированием терроризма в Соединенном Королевстве, относятся Служба безопасности, Национальная группа по расследованию случаев финансирования терроризма (НГРСФТ) и Группа по борьбе с фи-

нансированием терроризма Национальной службы криминальной разведки (НСКР). В 2002 году Группа НСКР по борьбе с финансированием терроризма получила в общей сложности 4786 уведомлений о подозрительных операциях, которые могли иметь потенциальное отношение к терроризму. Из них 556 были направлены в НГРСФТ для дальнейшего расследования. В 2003 году количество уведомлений о подозрительных операциях, представленных Группе по борьбе с финансированием терроризма, сократилось до 2792, из которых 632 были препровождены НГБРСФТ. В 2002 и 2003 годах НГРСФТ на предмет проведения расследований было направлено почти 1200 уведомлений о подозрительных операциях¹.

Несмотря на необходимость национально-правовой реакции на опасность финансирования терроризма, очевидно, что национальных усилий явно недостаточно для эффективного противодействия этой глобальной проблеме. Международное сообщество предпринимает меры к созданию всеобъемлющего международного антитеррористического финансового режима. Особая роль в этом принадлежит Организации Объединенных Наций². Недавно

¹ Документ ООН S/2004/157.

² См. подробнее: Волженкин Б.В. Отмывание денег: Серия “Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе” / Б.В. Волженкин. – СПб., 1998; Одиннадцатый Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Бангкок, 18-25 апреля 2005 года Пункт 6 предварительной повестки дня. Экономические и финансовые преступления: вызовы устойчивому развитию. Рабочий документ, подготовленный Секретариатом. UN Doc. A/CONF.203/7. – П. 16, 17, 21; Рымарук А.И. Отмывание грязных денег: международные и национальные системы противодействия / А.И. Рымарук, Ю.М. Лысенко, В.В. Капустин, С.А. Синянский / Под ред. А.И. Рымарука. – К., 2003. – С. 11.; Гаврилюк Ю.В. Методи криміналізації та відпливу капіталів / Ю.В. Гаврилюк // Фінанси України. – 2000. – № 10. – С. 22.; Анисимов Л.Н. Международно-правовые средства противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем / Л.Н. Анисимов // Московский журнал международного права. – № 1 (41). – 2001. – С. 88 – 119; Отчет и рекомендации Международной конференции «Предупреждение и борьба с «отмыванием» денег и использованием доходов от преступной деятельности: глобальный подход». Курмайор, Италия 18 – 20 июня 1994 г. – П. 6, 8, 9, 13.; подробнее: Михайлов В.И. Противодействие легализации доходов от преступной деятельности: Правовое регулирование,

опубликованные данные свидетельствуют о значительном росте числа сообщений о случаях отмывания денег, хотя такое увеличение отчасти объясняется существующими в различных юрисдикциях более строгими требованиями к предоставлению информации. Межведомственный орган по борьбе с финансовыми преступлениями (ФинСЕН) при министерстве финансов Соединенных Штатов опубликовал подборку данных, собранных на основе сообщений о подозрительной деятельности (СПД), представляемых депозитными и другими финансовыми учреждениями. На декабрь 2003 года в ФинСЕН было представлено свыше 1,5 млн. бланков СПД, или на 45 % больше, чем в 1996 году. В докладе Европола об организованной преступности за 2004 год также подчеркивается, что «все государства-члены, сообщающие об отмывании денег, отмечают увеличение числа подозрительных денежных переводов и случаев отмывания денег, причем чаще всего для этого по-прежнему используются такие методы, как денежные переводы, приобретение земли и недвижимости». В докладе делается вывод о том, что «число операций, связанных с возможным отмыванием денег путем денежных переводов через систему депонирования наличности, возрастает. Держателями счетов часто являются фиктивные лица (использующие, например, фальшивые удостоверения личности и «подставные компании»), а деньги снимаются с помощью фальшивых банковских карточек, что еще больше усиливает анонимный характер операций»¹.

Транснациональные преступные организации криминализируют международные отношения, фактически превращая их в устойчивые международные криминальные институты.

Как отмечалось на Одиннадцатом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголов-

уголовная ответственность, оперативно-розыскные мероприятия и международное сотрудничество / В.И. Михайлов. – СПб., 2002. – С. 26 – 27; Дремин В.Н. Международной и национально-правовой антитеррористический режим / В.Н. Дремин, Н.А. Зелинская // Актуальні проблеми політики : збірник наук. праць. – Вип. 26. – Одеса, 2005. – С. 164 – 182.

¹ Документ ООН A/CONF.203/7. – П. 18.

ному правосудию (Бангкок, 18 – 25 апреля 2005 г.), за период чуть больше десяти лет благодаря значительному прогрессу в области технологий изменились глобальные информационные потоки и методы ведения бизнеса. В 1991 году в сети Интернет имелось лишь несколько хостов или веб-сайтов, сейчас же, по имеющимся данным, их насчитывается, по меньшей мере, около 200 млн. Глобальный охват сетью Интернет, продолжающееся совершенствование банковского сектора и другие достижения в области технологий в значительной степени снижают значение физических границ, и эту ситуацию используют в своих интересах преступные сети¹. Существует множество примеров преступлений с использованием высоких технологий, в том числе мошенничество с использованием сети Интернет, совершаемых лицами, находящимися в развивающихся странах, в то время как жертвы находятся в промышленно развитых странах. Печально известным примером в этой области является мошенничество с авансовыми платежами или аферы «419», которые осуществлялись из Западной Африки. Благодаря технологиям, применяемым в том числе для совершения экономических и финансовых преступлений, границы между странами утрачивают свою значимость, и, хотя зачастую проблема преступлений с использованием высоких технологий рассматривается лишь в плане воздействия на промышленно развитые страны, последствия для развивающихся стран могут быть самыми тяжелыми².

Глобальные компьютерные сети со всей определенностью могут быть отнесены к специфическим криминогенным объектам. Экономика и обороноспособность ведущих государств мира все в большей степени зависят от нормального функционирования глобальных компьютерных сетей. Наблюдается устойчивое увеличение количества сетевых преступлений³.

¹ Дрёмин В.Н. Глобализация информационных систем как фактор глобализации преступности / В.Н. Дрёмин // Інформаційні технології та безпека : збірн. наук. пр. – К., 2002. – Вип. 1. – С. 54-61

² Документ ООН A/CONF.203/7. – П. 12, 15.

³ Осипенко Л.А. Борьба с преступностью в глобальных компьютерных сетях: Международный опыт. – М. : НОРМА, 2004. – 432 с. – С. 426.

Имеющиеся данные позволяют предположить, что в ближайшие годы экономическая и финансовая преступность будет стремительно расти и сможет конкурировать даже с оборотом незаконных наркотиков в качестве источника доходов, получаемых преступным путем. Поскольку организованные преступные группы и террористические организации используют незаконные финансовые операции как для перевода, так и для мошеннического приобретения финансовых средств, борьба с этим видом преступности все больше становится неотъемлемой составляющей эффективных усилий по противодействию стоящим сегодня перед миром угрозам в области безопасности¹.

«Эволюция организованной преступности в течение последних десятилетий может рассматриваться как процесс рациональной реорганизации в международном масштабе преступных предприятий аналогично реорганизации законных экономических операций в экономике, построенной на рыночных отношениях», – утверждает В.С. Овчинский².

Организованная преступность все в большей мере действует через гибкие сети, а не через более формальные иерархические структуры. Эта форма организации дает преступникам такие плюсы, как многообразие, гибкость, низкая видимость и долговечность. Связи между различными сетями превратились в одну из главных особенностей организованной преступности в 90-е годы, тем самым, приведя к созданию сетей, состоящих из сетей. Гибкость таких сетей резко контрастирует с громоздкими системами обмена информацией и слабым сотрудничеством в ходе уголовных расследований и судебного преследования со стороны государства³.

Информационный бум, всепроникаемость современных средств массовой информации создают для человека иллюзию вседесущия и ввергают ее в пучину сведений о жизни мира, но в то же

¹ Документ ООН A/CONF.203/7. – П. 22.

² Овчинский В.С. Стратегия “борьбы с мафией” / В.С. Овчинский. – М. : СИМС, 1993. – С. 14.

³ Документ ООН A/59/565. – П. 170.

время формируют виртуальную среду существования, вырывая ее из конкретного локального бытия, поскольку поток информации генерируется во все тех же всемирных центрах монополистически информационными монстрами. В итоге происходит обеднение знания человечества о самом себе и деформируется сознательность общества и личности. Социальные и духовные аспекты глобализации становятся предметом пристального внимания философов, политологов, социологов, культурологов, писателей, журналистов¹. Нас в данном случае интересует вопрос: а какова же культурная составляющая процесса глобализации? Какое она оказывает влияние на мировую культуру?²

Глобализация информационного пространства, его выход за пределы государственного и общественного контроля демонстрирует неведомые ранее возможности прямого общения и открытой манифестации индивидом разнообразных взглядов и устремлений. Но в том же феномене скрыт потенциал интенсивного, массового воздействия на мысли и эмоции населения планеты, распространения стереотипов поведения, утверждения социальных норм. Возможности эти обращают информационное поле в глобальный форум³. А.И. Шендрик не без оснований утверждает, что глобализация резко понижает уровень нравственного развития общества, ибо способствует формированию не человека этического, принимающего как непреложность этические установки И. Канта, который писал, что целью действия человека морального является стремление к общему благу, а не личному счастью, а человека, ставящего во главу угла достижения в максимальной степени удовлетворения всех своих потребностей и желаний, потребителя по ценностным

¹ Дрёмин В.Н. Интернет как предмет информационной криминологии и фактор воспроизводства преступности / В.Н. Дрёмин // Актуальні проблеми політики : зб. наук. праць / Голов. ред. С.В. Ківалов. – О. : Юрид. л-ра, 2002. – Вип.15. – С. 287-293.

² Лимаров А.И. Глобализация и трансформационные процессы в посткоммунистических странах / А.И. Лимаров. – http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/VMSU/2007-02/07laivhh.htm.

³ Цит. по: Данилов А.Н. Социология власти: теория и практика глобализма / А.Н. Данилов. – Мн. : Университетское, 2001. – 447с. – С. 341.

ориентациям, который руководствуется принципами рациональности во всех сферах своего бытия. Глобальное общество, как оно вырисовывается сегодня, суть общество торжествующего прагматизма, апологетики профессионализма и способности побеждать в бесконечной гонке как высших добродетелей¹.

Украина является одной из ключевых в геополитическом отношении страной. Многие государства считают наш регион зоной своих стратегических интересов и проводят в нашем регионе весьма активную политику. Здесь сосредоточены важнейшие трансконтинентальные коммуникационные коридоры, что значительно повышает роль Украины в мировых экономических процессах. С точки зрения политической, наш регион многими рассматривается как буферная зона между конфликтными в геополитическом отношении странами Азии и Европы. Межгосударственные и внутригосударственные конфликты, другие факторы геополитического характера создают значительную напряженность и имеют далеко идущие криминогенные последствия. Эти последствия глобализационных процессов требуют глубокого осмысления. Эскалация терроризма, активизация транснациональной организованной преступности существенно отражаются на политической и экономической стабильности в стране. Возникает потребность во всестороннем анализе и разработке эффективных мер по противодействию этим угрозам.

Глобализация, охватившая все сферы общественной жизни, самым непосредственным образом отражается на процессах расширенного воспроизводства преступности и превращении её в международный неформальный институт. Проблемы обеспечения криминологической безопасности приобрели в современных условиях особую актуальность. Эскалация терроризма, активизация транснациональной организованной преступности, возрастающее напряжение в межгосударственных отношениях, – эти и другие

¹ Шендрик А.И. Глобализация в системе культурологических координат / А.И. Шендрик // Московский гуманитарный университет. Журнал «Знание. Понимание. Умение» 2004. – № 1. – http://www.knogg.net/2004_004.htm

факторы требуют всестороннего анализа и эффективных мер по противодействию им и сдерживанию негативных последствий.

Современная криминология предпринимает попытки соответствовать характеру социальных проблем. В настоящее время активно разрабатываются такие направления как политическая криминология (Лунеев В.В., Д.А. Шестаков, П.А. Кабанов, Н.А. Зелинская), электоральная криминология (П.А. Кабанов), экономическая криминология (В.В. Колесников, В.М. Попович), криминология закона, семейная криминология (Д.А. Шестаков), криминология средств массовой информации (Г.Н. Горшенков), криминопенология (О.В. Старков), криминопедагогика (О.В. Старков, Л.Д. Башкатов, Г.Л. Касторский) и другие отрасли криминологии ¹.

Транснациональная преступность представляет особый интерес для криминологов, так как является продуктом взаимосвязанных факторов, проявляющихся как на национальном, так и международном уровнях. Как было показано выше, транснациональная преступность в глобализирующемся мире приобретает свойства, отличающие её от преступности, характерной для того или иного государства. Воспроизводство транснациональной преступности происходит на основе взаимодействия системы криминогенных факторов, независимо от характера политического, религиозного или экономического устройства того или иного государства. Происходит формирование транснациональной преступности как междуна-

¹ См.: Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии / под ред. Д.А. Шестакова. – СПб : Юридический центр Пресс, 2003. – 353 с.; См. также труды Шестакова Д.А. Введение в криминологию семейных отношений / Д.А. Шестаков. – Л., 1980; Шестаков Д.А. Криминология: новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире : учебник 2-е изд., перераб. и доп. / Д.А. Шестаков. – СПб : Юрид. центр-Пресс, 2006. – 561 с.; Попович В.М. Економіко-кримінологічна теорія детінізації економіки : монографія / В.М. Попович. – Ірпінь : Академія державної податкової служби України, 2001. – 546 с.; Зелинская Н.А. Политические преступления в системе международной преступности / Н.А. Зелинская. – Одесса: ФЕНІКС, 2003. – 400 с.; Зелинская Н.А. Международные преступления и международная преступность: Монография /Н.А. Зелинская. – Одесса: Юридич. л-ра, 2006. – 568 с.

родного криминального института или системы криминальных институтов, в зависимости от сферы её деятельности. Можно говорить об институционализированной транснациональной экономической преступности, институционализированной коррупционной преступности, наркобизнеса¹.

Качественные и количественные параметры транснациональной преступности требуют особого подхода к организации её изучения и противодействия ей. Очевидно, что государства в одиночку не могут взять под контроль транснациональные формы организованной преступности. Из приведенных выше международно-правовых документов видно, что фактически на протяжении нескольких десятилетий формируется не только международное уголовное право, но и новое направление, которое выше мы назвали международной криминологией.

Основой международной криминологии является международное сотрудничество государств в сфере изучения феноменологии транснациональной преступности и организации различных форм сотрудничества на международном уровне в рамках противодействия ей. Таким образом, международные учреждения, созданные ООН и региональными сообществами государств в целях изучения и разработки рекомендаций по борьбе с транснациональной преступностью, создают организационную основу для международной криминологии.

Следует оговориться, что международная криминология не является самостоятельной наукой, отличной от криминологии в её традиционном понимании. По нашему мнению, международная криминология, являясь одним из направлений современной криминологии, ограничивает свои задачи особым предметом изучения (транснациональная и иная международная преступность) и разработкой специфических мер реагирования на неё. В силу многофакторности детерминационных процессов, характерных для транс-

¹ См.: Дрёмин В.Н. Преступность как социальная практика: институциональная теория криминализации общества: монография / В.Н. Дрёмин. – О. : Юрид. лит.-ра. – 2009. – 616 с.

национальной преступности, требуются международные усилия в их изучении. Как было показано выше, быстрое развитие транснациональной преступности, международного терроризма, требуют активизации международного сотрудничества в противодействии этим опасным деструктивным явлениям.

Международная криминология на практическом уровне сформировалась как система учреждений, изучающих организованную преступность с признаками транснациональности; как система практических органов, ведущих непосредственную борьбу с различными видами транснациональной преступности; как система нормативных актов, регулирующих взаимодействие государств в этом направлении.

С методологической точки зрения требуется разработка понятийного аппарата, четкое определение направлений и сферы криминологических исследований в рамках международной криминологии, что в конечном итоге должно более четко обозначить её предмет.

Международная криминология не может быть отнесена к международному праву или международному уголовному праву. Международная криминология вообще не может быть отнесена к юридическим наукам, так как охватывает своим предметом и методами изучения иные отрасли научных знаний (политологию, культурологию, экономику и др.). Международная криминология – это одно из направлений криминологии, которая является самостоятельной социальной наукой гуманитарного характера.

Безусловно, мы понимаем, что высказанные мысли требуют более глубокого обоснования. Именно к этому мы стремимся, предлагая для обсуждения проблему становления и развития международной криминологии.

ЗМІСТ

ПЕРЕДМОВА	3
ВИСТУПИ УЧАСНИКІВ КРУГЛОГО СТОЛУ	9
<i>АНТИПЕНКО В.Ф., АНТИПЕНКО А.В.</i>	
МІЖНАРОДНА КРИМІНОЛОГІЯ ТЕРОРИЗМУ: ПРОБЛЕМА ВИОКРЕМЛЕННЯ	55
<i>АНТИПЕНКО В.Ф.</i>	
МІЖНАРОДНЕ КРИМІНАЛЬНЕ ПРАВО І МІЖНАРОДНА КРИМІНОЛОГІЯ: ПРОБЛЕМА ВЗАЄМОЗВ'ЯЗКУ	66
<i>АНТИПЕНКО В.Ф.</i>	
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СПЕЦИФИКАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ КРИМИНОЛОГИИ.....	76
<i>ГЛУШКОВ В.О.</i>	
СУЧАСНИЙ СВІТОВИЙ ПОРЯДОК: ПОНЯТТЯ, ПРИНЦИПИ, ЗОНИ НЕСТАБІЛЬНОСТІ.....	89
<i>ЗЕЛИНСКАЯ Н.А.</i>	
МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	96
<i>КУБАЛЬСКИЙ В.Н.</i>	
КРИМИНОГЕННОСТЬ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ДЛЯ ВЫДЕЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ КРИМИНОЛОГИИ	116
<i>РЫЖОВ И.Н.</i>	
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ ТЕРРОРИЗМА	121
<i>ДУДЧАК А.В.</i>	
СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ МИРОВЫХ РЕСУРСОВ - ОТ ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕРРОРИЗМА ДО ГУМАНИТАРНОГО ТЕРРОРА	127
<i>ЛУНЕЕВ В.В.</i>	
ТЕРРОРИЗМ	141

БОГУШ Г. И.

**КОНЦЕПЦИЯ СИСТЕМНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В
МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ..... 249**

КОРОТКИЙ Т.Р.

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
СОВРЕМЕННОГО ПИРАТСТВА 259**

ДРЁМИН В.Н.

**ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ПРЕСТУПНОСТИ И МЕЖДУНАРОДНАЯ
КРИМИНОЛОГИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ 280**
